

ФИЛИАЛ ОУ ВО «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ
СВЯЗЕЙ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА» В Г. НОВОСИБИРСКЕ

НОВОСИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ –
ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РОССИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Труды III международной научно-практической конференции

ИП Галиуллин Д.А.

2014

ББК 67я431
Г94

Рецензенты:

Мокляк Я., доктор философии, профессор,
Институт истории Ягеллонского университета (Польша, Краков)
Пармонова С.Л., доктор права,
Институт Макса Планка (Германия, Фрайбург)

Г94 Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды III международной научно-практической конференции. Под ред. Г.Б. Гридневой, А.Б. Дидикина. ИП Галиуллин Д.А., 2014.

ISBN 978-5-905269-41-7

В сборнике публикуются труды участников III Международной научно-практической конференции, которая состоялась 31 октября 2014 года в городе Новосибирске. В статьях исследуются и анализируются фундаментальные и прикладные проблемы модернизации правовой системы государства в российском и международном контекстах.

The collection of papers is made of works of participants of the III International scientific-practical conference, which took place on October 31, 2014 in Novosibirsk. In articles explores and analyses the fundamental and applied problems of modernization of the legal system of the state in the Russian and international contexts.

ISBN 978-5-905269-41-7

ББК 67я431
© Филиал НОУ ВПО СпбИВЭСЭП
в Новосибирске, 2014
© Авторы, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами, уважаемые читатели, сборник научных трудов, объединяющий материалы III Международной научно-практической конференции «Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт», которая состоялась в Новосибирске 31 октября 2014 г.

Конференция организована и проведена Международным Оргкомитетом, который включает в свой состав представителей академической науки, ученых и преподавателей юридических факультетов высших учебных заведений России, Германии, Польши, Украины, Азербайджана и Армении: филиалов Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в Новосибирске (Россия) и Ереване (Армения), Новосибирской региональной общественной организации Общества «Знание» России, Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Института Макса Планка по зарубежному и международному уголовному праву (Германия, Фрайбург), Института истории Ягеллонского университета (Польша, Краков), Академии муниципального управления (Украина, Киев), Университета Кавказ (Азербайджан, Баку). На конференции традиционно обсуждаются вопросы международной интеграции современных правовых систем, развития отраслей права в национальных правовых системах, гуманитарные, экономические и теоретико-методологические проблемы развития национальной государственности в современных условиях.

На конференцию были представлены доклады и сообщения от ученых, преподавателей, аспирантов из *России (Новосибирск, Москва, Смоленск), Германии (Фрайбург), Польши (Варшава, Пшемьсль), Украины (Киев, Харьков, Запорожье, Хмельницкий), Армении (Ереван), Азербайджана (Баку)*. Высокий уровень организации конференции способствует конструктивной дискуссии на пленарном заседании и секциях.

Модератором конференции выступил заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в Новосибирске, канд. юрид. наук *А.Б. Дидикин*.

На открытии международной конференции с приветственным словом выступили директор филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в Новосибирске, канд. экон. наук, доцент *Г.Б. Гриднева*, заместитель Председателя Законодательного Собрания Новосибирской области *В.Я. Карпов*.

На открытии конференции было озвучено приветственное письмо руководства и сотрудников Института международных отношений и региональной политики Восточноевропейской государственной высшей школы (Польша, г. Пшемьсль).

В выступлениях на пленарном заседании обсуждались вопросы функционирования международной правовой системы и применения норм

международного права (В.А. Прошин, А.И. Пальцев, А.А. Копылов), особенности признания в России иностранных ученых степеней и ученых званий и развития российского образования (А.М. Кальяк и др.). Рассмотрены проблемы правоприменения в различных отраслях российского законодательства и законодательства зарубежных стран. Многие темы были раскрыты новаторски: вопросы электронной демократии, развития институтов малого и среднего бизнеса, гарантий иностранных инвестиций в экономике и модернизации российской экономики, реализации европейских стандартов работы с архивными документами.

В сборнике опубликован перевод статьи Ганса Кельзена 1948 г. «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике», подготовленный А.Б. Дидикиным, а также обзорный материал о научном наследии и творчестве Ганса Кельзена (1881-1973). В сборнике научных трудов представлены материалы докладов участников международной конференции, обобщающие новейшие разработки в области юридической науки и современных социально-гуманитарных исследований.

Канд. юрид. наук А.Б. Дидикин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Климов Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Парамонова Светлана Леонидовна, доктор права, научный сотрудник Института Макса Планка по иностранному и международному уголовному праву (Германия, г. Фрайбург)

Мокляк Ярослав, PhD доктор философии, профессор Института истории Ягеллонского университета (Польша, г. Краков)

Приходько Кристина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой муниципального права Академии муниципального управления, ответственный редактор журнала «Научный вестник Академии муниципального управления. Серия «Право»» (Украина, г. Киев)

Мехдиев Фархад Советович, доктор публичного права, заведующий кафедрой международного права Университета Кавказ (Азербайджан, г. Баку)

Фрицкий Юрий Олегович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права и конституционного права Академии муниципального управления (Украина, г. Киев)

Гриднева Галина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, директор филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске, Председатель Новосибирской региональной общественной организации Общества «Знание» России, сопредседатель Общественной палаты Новосибирской области (Россия, г. Новосибирск)

Дидикин Антон Борисович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Россия, г. Новосибирск)

Семьянов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета, управляющий партнер Адвокатского бюро Москвы «Семьянов, Бутин и партнеры», член Адвокатской палаты г. Москвы, член Международного Союза (содружества) адвокатов, член Экспертного Совета по вопросам саморегулирования Торгово-промышленной палаты России, судья Третейского Суда при саморегулируемой организации «Э.С.П.» (Россия, г. Москва)

Чернущ Надежда Юльевна, кандидат юридических наук, заведующая сектором правовых исследований социально-экономических процессов Института философии и права СО РАН (Россия, г. Новосибирск)

Егиазарян Наталья Викторовна, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Ереване (Армения, Ереван)

Участникам III Международной
научно-практической конференции
«Гуманитарные науки и модернизация
правовой системы государства:
российский и зарубежный опыт»
(Новосибирск, 31 октября 2014 г.)

Уважаемые коллеги!

Сотрудничество высших учебных заведений на международном уровне в современную эпоху является важным условием повышения эффективности научных исследований. Образование уже давно стало основным ресурсом получения высокого уровня квалификации и профессий, востребованных в глобальной экономике. Но помимо этого система образования – это и способ формирования у студентов гуманитарных ценностей, взаимного уважения к культуре и традициям разных народов, расширения кругозора и получения новых знаний.

Мы приветствуем расширение профессиональных контактов с высшими учебными заведениями России, в особенности инициативу Новосибирского отделения Общества «Знание» России в проведении ежегодной международной конференции, и надеемся на плодотворное взаимодействие, как в части реализации совместных проектов, так и в расширении контактов и сотрудничества между нашими народами.

Желаем участникам Международной научно-практической конференции плодотворных дискуссий, приятного общения и интересного обсуждения творческих идей.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Л.М. БЕЛКИН

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

(Украина, Киев)

Актуальность разработки данной темы состоит в том, что террористические вызовы остаются реальными как для России (Дагестан, Волгоград), так и для мира в целом. Глобализация проблемы терроризма вызвала появление целого ряда международных документов антитеррористической направленности.

В этом контексте, в первую очередь, важно определиться с сущностью преступлений террористического характера. На недостаточно четкое решение этого вопроса указывают как российские авторы [1], так и автор данной статьи в своей монографии, изданной в Украине [2, с. 284].

Вместе с тем, обобщенное определение деяний, рассматриваемых как преступления террористического характера, дают Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16.05.2005 г.) и Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1999 г.). Обе эти Конвенции ратифицированы Российской Федерацией (РФ) и потому являются частью ее законодательства. Указанные Конвенции признают террористическим преступлением любое из преступлений, предусмотренных и определенных в одном из договоров, перечисленных в Приложениях к Конвенциям. Перечень таких договоров и определений приведен в таблице.

Кроме того, Международная конвенция от 09.12.1999 г. признаёт террористическим любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Таблица

Определения террористических преступлений

Источник	Содержание определения
Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16.12.1970 г. (с протоко-	Любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, совершает преступление, если а) незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет

лом от 10.09.2010 р.), ст. 1, ч. 1	над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23.09.1971 г.), ст. 1	<p>1. Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно: а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; или б) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; или с) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое выводит его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или d) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или e) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете.</p> <p>2. Любое лицо также совершает преступление, если оно: а) пытается совершить какое-либо из преступлений, упомянутых в пункте 1 настоящей Статьи; или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое преступление.</p>
Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973 г.), ст. 2, ч. 1	Преднамеренное совершение: а) убийства, похищения и другого нападения против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой; б) насильственного нападения на официальное помещение, жилое помещения или транспортные средства лица, пользующегося международной защитой, которое может угрожать личности или свободе последней; с) угроза любого нападения; d) попытка любого нападения, и e) действия в качестве соучастника любого такого нападения, – должны рассматриваться каждым государством-участником в соответствии с его внутренним законодательством как преступление.
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979 г.), ст. 1	<p>1. Любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (далее «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, любое физическое, юридическое лицо или группу лиц, – осуществить или воздержаться от осуществления любого акта как прямого, так и косвенного условия для освобождения заложника, совершает, в соответствии с содержанием настоящей Конвенции, преступление захвата заложников.</p> <p>2. Любое лицо, которое: а) пытается совершить акт захвата заложников; или б) участвует в качестве соучастника любого лица, осуществляющего или пытающегося совершить акт захвата заложников, – также совершает преступление против цели настоящей Конвенции.</p>
Конвенция о физической	1. Преднамеренное совершение: а) без разрешения компетентных

<p>защите ядерного материала (Вена, 03.03.1980 г.), ст. 7</p>	<p>органов действия, такого, как получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление ядерного материала, которое влечет за собой или может повлечь смерть любого лица или причинить ему серьезное увечье, или причинить существенный ущерб собственности; б) кражи ядерного материала или его захвата путем грабежа; с) присвоения или получения обманным путем ядерного материала; d) действия, которое представляет собой требование путем угрозы силой или применения силы или с помощью какой-либо другой формы запугивания о выдаче ядерного материала; е) угрозы: i) использовать ядерный материал с целью повлечь смерть любого лица или причинить ему серьезное увечье, или причинить значительный ущерб собственности, или ii) совершить правонарушение, указанное в подпункте «b», с целью вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него; f) попытки совершить какое-либо правонарушение, указанное в подпунктах «a», «b» или «c»; g) действия, такого, как участие в каком-либо правонарушении, указанном в подпунктах «a» – «f», является правонарушением, наказуемым каждым государством-участником в рамках своего национального законодательства.</p> <p>2. Каждое государство-участник принимает соответствующие меры наказания за совершенные правонарушения, перечисленные в настоящей статье, с учетом серьезности этих правонарушений.</p>
<p>Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 24.02.1988 г.), ст. 1 bis</p>	<p>1 bis. Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно, с использованием любого устройства, вещества или оружия: а) совершает акт насилия в отношении лица в аэропорту, обслуживающем международную гражданскую авиацию, который причиняет или может причинить серьезный вред здоровью или смерть; или б) разрушает или серьезно повреждает оборудование и сооружения аэропорта, обслуживающего международную гражданскую авиацию, либо расположенные в аэропорту воздушные суда, не находящиеся в эксплуатации, или нарушает работу служб аэропорта, если такой акт угрожает или может угрожать безопасности в этом аэропорту.</p>
<p>Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10.03.1988 г.), ст. 3</p>	<p>1. Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно: а) захватывает судно или осуществляет контроль над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания; или б) совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию данного судна; или с) разрушает судно или наносит судну или его грузу повреждение, которое может угрожать безопасному плаванию данного судна; или d) помещает, или совершает действия в целях помещения, на борт судна каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить это судно, нанести этому судну или его грузу повреждение, которое угрожает или может угрожать безопасному плаванию данного судна; или е) разрушает морское навигационное оборудование, или наносит</p>

	<p>ему серьезное повреждение, или создает серьезные помехи его эксплуатации, если любой такой акт может угрожать безопасному плаванию судна; или f) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасному плаванию судна; или g) наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений, указанных в подпунктах «а» – «f».</p> <p>2. Любое лицо также совершает преступление, если оно:</p> <p>а) пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1; или b) подстрекает к совершению какого-либо из преступлений, указанных в пункте 1, совершаемого любым лицом, или является иным образом соучастником лица, которое совершает такое преступление; или с) угрожает с условием или без такового, как это предусмотрено национальным законодательством, с целью принудить физическое или юридическое лицо совершить какое-либо действие или воздержаться от него, совершить какое-либо из преступлений, указанных в подпунктах «b», «с» и «е» пункта 1, если эта угроза может угрожать безопасному плаванию судна, о котором идет речь.</p>
<p>Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (Рим, 10.03.1988 г.), ст. 2</p>	<p>(1) Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и намеренно: а) захватывает стационарную платформу или осуществляет контроль над ней силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания; или b) совершает акт насилия против лица на стационарной платформе, если этот акт может угрожать ее безопасности; или с) разрушает стационарную платформу или наносит ей повреждение, которое может угрожать ее безопасности; или d) помещает, или совершает действия для размещения на стационарной платформе каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить эту стационарную платформу или создать угрозу ее безопасности; или e) наносит рану любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений, указанных в подпунктах а) – d).</p> <p>(2) Любое лицо также совершает преступление, если оно: а) пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте (1); или b) подстрекает к совершению какого-либо из таких преступлений, совершаемых любым лицом или иным образом соучастником лица, совершающего такое преступление; или с) угрожает с условием или без такового, как это предусмотрено национальным законодательством, с целью принудить физическое или юридическое лицо совершить какое-либо действие или воздержаться от него, совершить какое-либо из преступлений, указанных в подпунктах b) и с) пункта (1), если эта угроза может угрожать безопасности стационарной платформы.</p>
<p>Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997 г.), ст. 2, ч. 1</p>	<p>Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие или взрывает взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры или таким образом, что это направлено против</p>

них: а) с намерением причинить смерть или серьезное увечье; или б) с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда такое разрушение влечет или может повлечь причинение крупного экономического ущерба.

Таким образом, указанный набор противоправных деяний по международно-правовым нормам, ратифицированным, в том числе, Россией, относится к категории террористических преступлений.

Важно при этом подчеркнуть, что согласно п. 1 ст. 20 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г., ни одно из террористических преступлений не считается политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или преступлением, обусловленным политическими мотивами. Соответственно, в удовлетворении связанной с таким преступлением просьбы о выдаче или взаимной правовой помощи не может быть отказано только на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами. То есть террористические преступления не могут оправдываться политическим мотивом, а государства обязаны бороться с терроризмом.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими.

Согласно ст. 6 этой Конвенции, каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера. Согласно п. 2 ст. 9 этой Конвенции, убедившись, что обстоятельства дают основания для этого, государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, принимает в соответствии с его внутренним законодательством надлежащие меры по обеспечению присутствия этого лица для целей уголовного преследования или выдачи.

Кроме того, согласно принципу а) Декларации принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой 24 октября 1970 г., каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников,

для вторжения на территорию другого государства. Каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда акты, упоминаемые в настоящем пункте, связаны с угрозой силой или ее применением.

Таким образом, дружественные отношения сопредельных государств могут способствовать борьбе с терроризмом.

Литература

1. Фарвазова Ю.Р. Проблемы законодательного закрепления категории «преступления террористического характера» // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2014. – № 4. – С. 525-530.

2. Белкін Л.М. Забезпечення законності в діяльності органів виконавчої влади: адміністративно-правовий вимір : монографія / Л.М. Белкін. – Ужгород : ФОП Бреза, 2014. – 552 с. – ISBN 978-966-2668-66-7.

М.Л. БЕЛКИН

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЕДИНСТВА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В МИРЕ

(Украина, Киев)

Актуальность разработки данной темы состоит в том, что многие авторы, в том числе западные, настаивают на непроходимой цивилизационной пропасти между западными и не-западными общественными, в частности, правовыми ценностями. Например, С. Хантингтон [1] называет это столкновением цивилизаций и указывает, что «Запад, с его давними миссионерскими традициями, и главным образом Америка, полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Меньшинства из других цивилизаций с радостью принимают и поддерживают эти ценности, но в не-западных культурах преобладает другое отношение этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада универсализм, для остальных – империализм» [1, с. 283].

Вместе с тем, указанные расхождения нельзя абсолютизировать, поскольку существует некий набор правовых ценностей, которые не могут не признаваться во всем мире. Например, право на жизнь. Вряд ли найдутся люди в здравом уме и трезвой памяти, которые будут отрицать всеобщее значения принципа гарантирования жизни человека. В частности, гарантии права на

жизнь в той или иной мере присутствуют в конституциях практически всех государств.

Например, согласно ст. 20 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жизнь [2]. Согласно ст. 10 Конституции Республики Гаити, государство гарантирует право на жизнь и свободу всем лицам, находящимся на территории Республики [3]. Согласно ст. 21 Конституции Индии, гарантии жизни и личной свободы. Ни одно лицо не может быть лишено жизни или свободы иначе, чем в порядке, установленном законом [4]. Согласно ст. 27 Конституции Азербайджана, каждый обладает правом на жизнь [5]. Согласно ст. 20 Конституции Туркменистана, каждый человек имеет право на жизнь. Никто не может быть лишен жизни. Смертная казнь может быть назначена только по приговору суда в виде исключительной меры наказания за тяжчайшие преступления [6]. Согласно ст. 39 Конституции Алжира, жизнь и честь гражданина неприкосновенны и охраняются законом (*la vie et l'honneur du citoyen sont inviolables et protégés par la loi*) [7]. Согласно ст. 12 Конституции Ирака, каждый человек имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности. Никто не может быть лишен жизни или свободы, кроме как в соответствии с правовыми процедурами. Все люди равны перед судами (*everyone has the right to life, liberty, and the security of his person. No one may be deprived of his life or liberty, except in accordance with legal procedures. All are equal before the courts*) [8]. И так далее.

Аналогично в той или иной мере предусматриваются гарантии другим правам человека. Как указывает российский ученый, профессор В.Е. Чиркин, современный этап трактовки общечеловеческих ценностей и регулирования их в конституциях характеризуется, в частности, усиленным вниманием к обеспечению, гарантиям и защите «естественных», «неотчуждаемых» прав человека [9, с. 68-70].

Украинские ученые, докторá юридических наук Б.С. Житнигор и В.В. Павлов, исследуя влияние религии на правовое регулирование разных стран, пришли к выводу, что мировые религии содержательно имеют изрядное количество принципиальных отличий. Одно из них, в частности, может быть выделено по факту признания нравственной доминантой бытия существования высшей «надматериальной» сущности — Бога (христианство, ислам) или личной самооценности духовной жизни человека (буддизм). Однако многочисленные отличия догматического содержания сущности веры и теологических учений различных мировых религий не способны скрыть их главную глобально-цивилизационную черту — они сообща, несколько разнообразно и иносказательно, в силу самобытности культурных традиций базовых этносов соответствующего религиозного культивирования, являются средоточием и проводниками основных нравственно-этических стандартов и духовных ценностей человечества. Именно **интегрированное и относительно единообразное проповедование** этих исконно соответствующих природе человека и непреходящих ценностных догматов изначально способствовали

глобальной общемировой унификации человеческой морали, нравственности, культуры, правового регулирования [10, с. 384].

В частности, отмечается, что в подавляющем большинстве мусульманских стран принципы считающегося во всем мире эталонным «западного» уголовного законодательства пришли на смену шариатскому уголовному праву, и не в силу того, что евро-американское светское право по форме или содержанию совершеннее мусульманского религиозного, а ввиду того, что первое в лучшей степени, нежели второе, адаптировало общепризнанные религиозные ценности к условиям, состоянию жизнедеятельности и развития современного человеческого общества [10, с. 312].

Следует отметить, что наиболее значимо эти принципы воплощаются в международных конвенциях и договорах о правах человека.

Так, во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г., провозглашаются такие фундаментальные права человека, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; запрещение рабства, пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказаний; запрещение любых видов дискриминации; право на справедливый суд; презумпция невиновности и т.д. При принятии Декларации за нее проголосовали [11]: Австралия, Аргентина, Афганистан, Бельгия, Бирма, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Исландия, Канада, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Сиам, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Турция, Уругвай, Филиппины, Франция, Чили, Швеция, Эквадор, Эфиопия, – т. е. страны всех континентов и самых разнообразных культурных традиций.

На основании данной Декларации были приняты декларации о правах человека во многих регионах. Европейскую конвенцию о правах человека и основных свободах в данном контексте рассматривать не обязательно, т.к. не подлежит сомнению, что «общечеловеческие ценности» своими корнями уходят именно в Европу [9, 10 и др.]. Отметим только, что, как указывается в преамбуле к Европейской конвенции, она принята, принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека от 10.12.1948 г., а также принимая во внимание то, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав.

Заслуживает пристального внимания Африканская Хартия прав человека и народов, принятая на встрече глав государств – членов Организации африканского единства 26.06.1981 г. в Найроби (вступила в силу 21.10.1986 г.). Интерес к данному документу в контексте нашего исследования состоит в том, что, во-первых, Хартия принималась странами с явно иными культурными традициями, чем Европа, а во-вторых, большинство стран – участников этой Хартии не принимали участия в голосовании по Декларации ООН 1948 г.,

поскольку не имели на тот момент государственной независимости. Тем не менее, в преамбуле Хартии указывается, что она принята согласно Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека. При этом гарантируются, в частности, права (но не исключительно):

– человеческая личность неприкосновенна. Каждый человек имеет право на уважение его жизни и личной неприкосновенности. Никто не может быть произвольно лишен этого права;

– запрещаются все формы эксплуатации и унижения человека, в особенности рабство, работорговля, пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение и наказание;

– каждый человек имеет право на свободу и на личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как по причинам и на условиях, заранее определенных законом. В частности, никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию;

– каждый человек имеет право на рассмотрение его дела. К этому относится следующее: а) право обращаться в компетентные национальные органы по поводу действий, нарушающих его основные права, которые признаются и гарантируются действующими конвенциями, законами, постановлениями и обычаями; б) право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена компетентным судом; в) право на защиту, включая право выбора защитника; г) право на рассмотрение дела в разумные сроки беспристрастным судом.

Аналогичные положения закрепляются в Американской конвенции о правах человека (г. Сан-Хосе, 22.11.1969 г.). При этом в преамбуле подчеркивается универсальный характер прав человека: **основные права человека не зависят от принадлежности человека к гражданству определенного государства**, а основываются исключительно на свойствах человеческой личности и они, следовательно, оправдывают международную защиту в форме конвенций, подкрепляющих или дополняющих защиту, предусмотренную национальным законодательством американских государств.

Согласно ст. 4 Американской конвенции о правах человека каждый человек имеет право на уважение его жизни. Никто не может быть произвольно лишен жизни. В странах, в которых смертная казнь не отменена, она может быть назначена только за совершение наиболее тяжких преступлений и во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом и в соответствии с законом, устанавливающим такое наказание, действовавшим до совершения преступления. Смертная казнь не подлежит восстановлению в странах, которые упразднили ее. Смертная казнь не может назначаться за совершение политических преступлений или незначительных преступлений. Смертный приговор не выносится в отношении лиц, которые в момент совершения преступления не достигли восемнадцати лет или старше семидесяти лет; смертная казнь не применяется к беременным женщинам. Каждое лицо, приговоренное к смертной казни, имеет право на амнистию, помилование или смягчение приговора, которые могут быть дарованы во всех

случаях. Смертная казнь не может быть исполнена в то время, когда на рассмотрении компетентных властей находится прошение о помиловании, смягчении приговора или амнистии.

Согласно ст. 5 Американской конвенции, каждому лицу принадлежит право на уважение его физической, духовной и моральной целостности. Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство наказанию или обращению. С любым лицом, лишенным свободы, необходимо обращаться таким образом, чтобы уважалось достоинство, присущее человеческой личности. Наказание в виде лишения свободы должно иметь основной целью перевоспитание и социальную переподготовку заключенных.

Согласно ст. 6 Американской конвенции, никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, которые запрещены во всех их формах, равно как и работорговля и торговля женщинами. Никто не должен принуждаться к выполнению принудительной или обязательной работы. В целях данной статьи не является принудительной или обязательной работой следующее: а) любая работа или служба, которая обычно требуется от заключенных на основании приговора или формального решения, вынесенного компетентной юридической властью; б) любая военная служба, а в странах, в которых признаётся отказ от нее по религиозным соображениям, всякая гражданская служба, разрешенная законом взамен военной; с) любая служба, требуемая во время опасности или стихийного бедствия, которые угрожают существованию или благополучию общества; или d) любая работа или служба, которые составляют обычные гражданские обязанности.

Согласно ст. 7 Американской конвенции, каждый человек имеет право на личную свободу и безопасность. Никто не может быть лишен свободы иначе как по основаниям и на условиях, установленных до этого Конституцией соответствующего государства - участника или закона, принятого в соответствии с Конституцией. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию. Всякий задержанный должен быть информирован о причине задержания и незамедлительно осведомлен, в чем он обвиняется. Каждый задержанный должен без промедления предстать перед судьей или официальным лицом, уполномоченным по закону осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в пределах разумного времени или освобождения без ущерба для продолжения процессуальных действий. Освобождение может быть обусловлено гарантиями, подтверждающими его явку в суд. В государствах - участниках, чье законодательство предусматривает право любого лица, считающего себя находящимся под угрозой лишения свободы, обращаться в компетентный суд, который определяет законность такой угрозы, это средство судебной защиты не может быть ограничено или отменено.

Согласно ст. 8 Американской конвенции, каждый человек имеет право на рассмотрение его дела с должными гарантиями и в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, заранее созданным в

соответствии с законом, с тем, чтобы были рассмотрены доказательства в любом обвинении уголовного характера, выдвинутого против него, или с целью определения его прав или обязательств гражданского, трудового, денежного или иного характера. Каждый обвиняемый в совершении серьезного преступления имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена в соответствии с законом.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
2. Конституция Российской Федерации: цит.: <http://www.uznal.org/constitution.php>
3. Конституция Республики Гаити: цит.: <http://www.uznal.org/constitution.php>
4. Конституция Индии: цит.: <http://www.uznal.org/constitution.php>
5. Конституция Азербайджана: цит.: <http://www.uznal.org/constitution.php>
6. Конституция Туркменистана: цит.: <http://www.uznal.org/constitution.php>
7. Конституция Алжира: цит. в переводе с французского: <http://www.uznal.org/constitution.php>
8. Конституция Ирака: цит. в переводе с английского: <http://www.uznal.org/constitution.php>
9. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 64-76. – Электронный доступ: <http://ecsocman.hse.ru/data/903/814/1217/007yIRKIN.pdf>
10. Житнигор Б.С. На рубеже тысячелетий: свобода совести и право // Б.С. Житнигор, В.В. Павлов; редкол.: Онипко А.Ф. – Укр. акад. наук, Акад. современного искусства. – Изд. 3-е. – Бендеры: Полиграфист, 2009. – 480 с. – (Сер. Научно-публ. изд. Акад. соврем. искусства). – ISBN 978-99759784-1-5.
11. Глен Джонсон. Разработка Всеобщей декларации прав человека (1946–1948 гг.). – Развитие личности. – Электронный доступ: <http://rl-online.ru/articles/4-03/224.html>

Р.В. ГУБАНЬ
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ
ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

(Украина, Киев)

Территория – одно из необходимых условий существования государства, поскольку существование государства без территории невозможно. В древнем мире и в средние века народы не обладали суверенитетом. Власть принадлежала монархам (количество республик не было многочисленным). Лишь после Вестфальского конгресса 1648 г. ситуация начинает немного изменяться: монархи постепенно «уступают» суверенитет народу. Но этот процесс происходил достаточно медленно. И даже после Вестфальского конгресса совершенно естественным выглядело утверждение короля Франции Людовика XIV в XVII веке: «Государство – это я». Благосостояние монарха, как правило, определялось территорией, которую он контролировал. В связи с этим монархи старались увеличить свои владения. Естественно, что это приводило к войнам. В связи с катастрофическими последствиями, которые вызывали последние, международное сообщество пыталось ограничить военные конфликты, которые возникали в связи с территориальными спорами.

Постепенно международное сообщество приходило к мысли о запрете силового «захвата» территории. Впервые данный принцип получил свое закрепление в ст. 10 Устава Лиги Наций: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех Членов Лиги» [1]. Принцип территориальной целостности нашел отображение и в п. 4 ст. 2 Устава ООН: «Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» [2]. Практически дословно этот тезис был воспроизведен в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (которая была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г.)» [3].

Этот тезис получил дальнейшее развитие в Декларации об укреплении международной безопасности, которая была принята (единогласно!) резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1970 г. Так, в п. 5 этого документа было сказано: «Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности, а также политической независимости любого другого государства и что территория государства не должна быть объектом военной оккупации в результате применения силы в нарушение положений Устава, что территория

государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения, что никакое территориальное приобретение в результате угрозы силой или ее применения не должно признаваться законным и что каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве» [4].

В п. 1 Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (которая была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 18 ноября 1987 г.) также указывалось, что каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных наций. Такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава ООН и влекут за собой международную ответственность [5]. Этот принцип отображен и в ряде резолюций Совета Безопасности ООН. В частности, в резолюциях №662 [6] и №1244 [7].

Принцип территориальной целостности государства был закреплен не только в документах ООН. Так, государства — участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. приняли Декларацию принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Принцип 3 получил название «нерушимость границ». В нем отмечалось, что государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, так и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Они будут, соответственно, воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника. Четвертый принцип получил название «территориальная целостность государств». Государства-участники заявили, что они будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой [8].

Принцип территориальной целостности отображен и в документах СНГ. Так, в ст. 3 Устава СНГ отмечается, что для достижения целей Содружества государства-члены, исходя из общепризнанных норм международного права и хельсинкского Заключительного акта, строят свои отношения в соответствии с принципами, которые в том числе включают принцип нерушимости государственных границ, признание существующих границ и отказ от противоправных территориальных приобретений [9]. Признание и уважение

территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих границ было закреплено и в Алма-Атинской декларации [10].

Принципу территориальной целостности противопоставляется принцип самоопределения. Но часто это делается без «погружения» в детали, что не позволяет осуществить объективный анализ сосуществования этих принципов. Как справедливо отмечает Р. Дурсунов, право на самоопределение, на которое обычно ссылаются сепаратистски настроенные силы, не обосновывает автоматической притензии отдельных этнических групп в составе современных государств на суверенное развитие. Нормы этого права сначала разрабатывались в отношении к тем нациям, которые проживали на колонизированных территориях и, если бы не колонизация, могли бы самостоятельно сформировать собственную государственность в той или иной форме [11]. На связь принципа самоопределения с колониальным прошлым указывает и канадский ученый Джеймс Кроуфорд. В своем докладе Канадскому правительству в отношении одностороннего отделения Квебека он отметил: «Выходя за рамки колониальной практики признания, ООН очень неохотно относится к случаям отделения территориальных образований в противовес желанию государства, от которого отделяются» [12].

Современная доктрина международного права все больше исходит из того, что право на самоопределение должно пониматься как право народа существующего государства выбирать свою политическую систему и право на экономическое, социальное и культурное развитие. Такое развитие может осуществляться в рамках существующего государства и не может требовать создания нового государства [11]. Кроме того ученые отмечают, что в большинстве случаев сецессионистские движения для легитимации своих действий опираются на право народов на самоопределение. Однако реализация права на самоопределение народов путем односторонней сецессии является нелегитимной и не имеет нормативного закрепления. Единственным возможным случаем односторонней сецессии является ситуация систематических, значительных и продолжающихся нарушений прав человека, которые относятся к определенной группе населения государства [11].

А. А. Мережко обращает внимание еще на 2 легитимных способа изменения территории государства: 1) взаимное согласие государств, либо 2) соответствующее решение Совета Безопасности ООН [13].

Р. Дурсунов также обращает внимание и на то, что право на самоопределение не может быть у национального меньшинства в государстве, если у представителей этого этноса уже есть своя государственность. Такое меньшинство может лишь претендовать на удовлетворение прав национальных меньшинств, а не на самоопределение путем односторонней сецессии» [11].

Показательно то, что США, которые активно «продвигали» идею независимости Косово и официально признали Косово 18 февраля 2008 г. в качестве суверенного и независимого государства подчеркнули, что Косово— это особенный случай, который не стоит рассматривать как прецедент для других ситуаций. В заявлении американского правительства подчеркивалось, что

последовательность и характер событий, которые привели к независимости Косово были беспрецедентными [11].

В этой связи трудно не согласиться с Л. Тимченко, которая утверждает: «Политико-правовое образование, созданное в нарушение норм внутреннего права и вопреки императивам международного, не должно быть признано» [14]. Но к сожалению при решении вопросов о признании, государства руководствуются внутренними усмотрениями, но не нормами права. Достаточно привести пример Испании, не признавшей Косово, либо России, признавшей Южную Осетию и Абхазию, но не признавшей Косово [14].

Таким образом, можно прийти к выводу, что изменение границ государства возможно только в трёх случаях: 1) по взаимному согласию; 2) по решению Совета Безопасности ООН; 3) в связи с серьёзными нарушениями прав человека. Во всех других случаях изменение границ государства недопустимо. Поскольку это будет противоречить как принципам так и нормам международного права.

Литература

1. Устав Лиги Наций // <http://doc20vek.ru/node/451>
2. Устав Организации Объединенных Наций // <http://www.un.org/ru/documents/charter/>
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
4. Декларация об укреплении международной безопасности // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml
5. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях // <http://daccess-dds-ny.un.org/>
6. Резолюция Совета Безопасности ООН №662 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/575/86/IMG/NR057586.pdf?OpenElement>
7. Резолюция Совета Безопасности ООН №1244 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/854/46/PDF/N9985446.pdf?OpenElement>
8. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях // <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/osce/basics/Rfinact75.html>
9. Устав Содружества Независимых Государств // <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180>
10. Алма-Атинская декларация // http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/997_189
11. Дурсунов Р. М. Міжнародно-правове визнання держав (проблеми теорії та практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 /Р. М. Дурсунов; Нац. ун-т "Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого". - Х., 2014. – 190 с.
12. Crawford J. State Practice and International Law in Relation to Unilateral Secession Report to Government of Canada concerning unilateral secession by Quebec // <http://tamilnation.co/selfdetermination/97crawford.htm>
13. Мережко А. А. Проблема Нагорного Карабаха и международное право.- К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2013. - 308 с.
14. Тимченко Л. А. Научный доклад «Институт признания государств в современном международном праве: некоторые аспекты проблемы.- К. 2014.- 36 с.

П.А.КАЛИНИЧЕНКО

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

(Россия, Москва)

Признание ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве, является одним из ключевых инструментов на пути обеспечения свободного движения научных работников и ключевым компонентом формирования Общего исследовательского пространства между Россией и ЕС, создание которого было предусмотрено Дорожной картой Россия-ЕС по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты 2005 г.

Этот же документ заложил основу для перехода России на «Болонскую систему» образования и присвоения ученых степеней, подразумевающей в конечном итоге переход к системе «бакалавр-магистр-доктор». В целом, проводимая сегодня реформа науки и образования находится в русле данных процессов, что отражается в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] и в последних изменениях, внесенных в Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [2].

В отношении признания в России ученых званий и степеней, полученных в государствах-членах Европейского Союза, существует ряд принципиальных сложностей. В том, что касается реализации данного института сквозь призму создания Общего пространства Россия-ЕС в области научных исследований, проблема в том, что на уровне ЕС процесс признания ученых званий и степеней не гармонизирован.

Действительно Европейский Союз, включающий сегодня 28 государств-членов, на основе положений Договора о функционировании Европейского Союза 1957 г. вводит меры взаимного признания в области свободного движения лиц. Однако эти меры касаются преимущественно взаимного признания дипломов и квалификаций, чему посвящена даже специальная Директива Европейского парламента и Совета 2005/36/ЕС от 7 сентября 2005 г. о признании профессиональных квалификаций [3], но не признания ученых званий и степеней. Соответственно, данная проблема решается на уровне государств-членов самостоятельно, что приводит даже при известной скоординированности в рамках Болонского процесса порядку присуждения ученых степеней, к широкому разнообразию подходов к присвоению и признанию ученых степеней и званий.

Кроме того, на уровне самих государств-членов процесс присуждения и признания ученых степеней и званий, как правило, сильно децентрализован и регулируется преимущественно локальным образом, на уровне конкретных университетов. Это, конечно же, не исключает рамочного регулирования на национальном уровне, которое, как правило, определяется текущими законами и актами правительства.

Определенные проблемы вносит также то, что в ряде государств-членов ЕС отсутствуют ученые звания, в том значении, в котором придает этим статусам законодательство РФ. Например, «профессор» – это, как правило, должность в университете, почетная, высокооплачиваемая, статусная, но она не соответствует всем тем требованиям, которые предъявляются к званию «профессора» в нашем законодательстве.

В подавляющем большинстве государств-членов ЕС используется одноуровневая система ученых степеней, которая отражает требования Болонского процесса. В Российской Федерации, как известно, все еще используется двухуровневая система ученых степеней – «кандидат наук» и «доктор наук». Вероятно, что переход к одноуровневой системе присуждения ученых степеней в России – это вопрос времени, но на сегодняшний день вопрос об этом остается открытым, не совсем ясно как это сделать, требуется дополнительное изучение опыта других государств, в том числе и стран ЕС.

В тоже время в некоторых бывших социалистических странах и республиках СССР, вошедших в состав Европейского Союза, параллельно существуют и старые ученые степени, присвоенные на основе двухуровневой системы, и новые – на основе требований Болонского процесса. Это также на практике добавляет сложности в процессе признания их ученых степеней и званий в Российской Федерации.

В соответствии со статьей 6.2 Федерального закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в редакции Федерального закона № 185-ФЗ от 2.07.2013 г. [4] признание иностранных ученых степеней и иностранных ученых званий осуществляется либо на основании международных соглашений с иностранным государством, либо на основе положений российского законодательства. Учитывая смысл и букву российских законов, это означает, что признание иностранных ученых степеней и званий на основе положений российского законодательства осуществляется в том случае, если отсутствует специальное международное соглашение с конкретным иностранным государством.

В случае с государствами-членами ЕС используются и один и второй механизм, так как Россия с одними государствами-членами ЕС имеет соответствующие соглашения (например, с Францией), а с другими нет (например, с Бельгией). В тоже время, с рядом государств-членов существуют соответствующие меморандумы о взаимопонимании в этой области (например, с Германией и Великобританией). Однако они не являются международными соглашениями, это документы мягкого права, договоренности, и признание осуществляется на основе российского законодательства. Такие меморандумы служат важными ориентирами в практических вопросах признания.

Признание ученых степеней и званий, полученных в государствах-членах ЕС, на основе российского законодательства основывается на положениях ст. 6.2 федерального закона № 127-ФЗ, постановления Правительства РФ об утверждении критериев и порядка включения иностранных вузов в перечень вузов, ученые степени и звания которых подлежат признанию, распоряжения

Правительства РФ об утверждении данного перечня и административного регламента, регулирующего процедурные вопросы предоставления данной госуслуги.

На основе положений российского законодательства признанию подлежат далеко не все иностранные ученые степени и ученые звания. Признаются только те ученые степени и звания, которые присвоены соответствующими вузами из перечня ведущих зарубежных вузов, составляемого Минобрнауки России и утверждаемого распоряжением Правительства РФ.

Таким образом, следует констатировать:

1. Между Россией и ЕС нет механизма признания ученых степеней и званий. Такие механизмы существуют в отношениях между Россией и государствами-членами ЕС.

2. В отношениях между Россией и государствами-членами ЕС в области признания научных степеней и званий используются как механизм признания на основе международных соглашений, так и механизм признания на основе российского законодательства, что оставляет возможность для заключения международной конвенции по этому вопросу между Россией и государствами-членами ЕС.

3. На основе российского законодательства признание получают далеко не все ученые степени и ученые звания, полученные в странах ЕС. Законодательство России отдает исключительный приоритет степеням и званиям, полученным в ведущих вузах Европы.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 273-ФЗ «Об образовании в российской Федерации» // СЗ РФ 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.
2. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ 26.08.1996, N 35, ст. 4137.
3. Directive 2005/36/EC of the European Parliament and of the Council of 7 September 2005 on the recognition of professional qualifications // OJ L 255, 30.9.2005, p. 22.
4. Федеральный закон от 02.07.2013 N 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ 08.07.2013, N 27, ст. 3477.

С.Ю. КАШКИН

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И УЧЕНЫХ ЗВАНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

(Россия, Москва)

При разработке правовых механизмов признания иностранных ученых степеней и ученых званий России как государству-участнику Болонского

процесса важно учитывать полезный опыт других стран, которые состоят вместе с нею в европейском пространстве высшего образования.

В связи с высокой степенью унификации законодательств государств-участников Болонского процесса, особенно из числа развитых стран Западной Европы, в настоящей статье искомые правовые механизмы будут рассмотрены на примере одной из них – Франции.

Действующему французскому законодательству (Образовательный кодекс, Исследовательский кодекс и др.) не известны понятия “ученые степени” и “ученые звания”.

Как и в других государствах-участниках Болонского процесса, процесс высшего образования во Франции структурирован на три уровня (цикла), по итогам которых выдается соответствующая “*университетская степень*” (grade universitaire) или просто “степень”:

1) степень бакалавра, обозначаемая во французском языке словом “лицензия” (licence);

2) степень магистра, обозначаемая во Франции, как и в Великобритании, словом английского происхождения “мастер” (master);

3) степень доктора (docteur), обладатели которой “могут пользоваться титулом доктора с указанием его специальности во всей своей профессиональной деятельности и в любых профессиональных обстоятельствах, которые это оправдывают” (ст. L-412-1 Исследовательского кодекса).

Получение *степени доктора* является результатом “докторского обучения” (formation doctorale). Оно проводится в докторантурах (écoles doctorales) при университетах; докторантуры подлежат государственной аккредитации в министерстве образования и науки.

Порядок создания, функционирования докторантур, обучения в них, защиты докторской диссертации и присвоения степени доктора определяется нормативными актами французского министра образования и науки, важнейшим из которых является Постановление от 7 августа 2006 г. “О докторском обучении”.

В соответствии с постановлением национальный диплом доктора выдается руководителем того образовательного учреждения, где проходила защита докторской диссертации (разумеется, при условии положительного результата), и не требует последующего подтверждения в государственных или иных инстанциях, аналогичных российской ВАК.

Французские доктора, как правило, осуществляют свою научно-исследовательскую деятельность в сочетании с преподавательской – в качестве “*преподавателей-исследователей*” (enseignants-chercheurs), работающих в университетах и других “учреждениях высшего образования” (établissements d’enseignement supérieur), частных или государственных. Государственные учреждения высшего образования, которые играют ведущую роль в этой стране, официально квалифицируются Образовательным кодексом как “публичные

учреждения научного, культурного и профессионального характера” (établissements publics à caractère scientifique, culturel et professionnel).

Порядок избрания по конкурсу и назначения на должности преподавателей-исследователей регламентируется нормативными актами французского правительства и министра образования и науки, прежде всего, Декретом № 84-431 от 6 июня 1984 г., “Закрепляющим общие статутные положения, подлежащие применению к преподавателям-исследователям, и устанавливающим специальный статус корпуса профессоров университетов и корпуса мэтров конференций”.

В соответствии со ст. 2 декрета: “Преподаватели-исследователи имеют двойную задачу преподавания и исследования. Они содействуют выполнению задач публичной услуги высшего образования, предусмотренной статьей L-123-3 Образовательного кодекса, а также выполнению задач публичных исследований, упомянутых в статье L-112-1 Исследовательского кодекса”.

Согласно ст. 4 декрета преподаватели-исследователи подразделяются на два “корпуса” (corps):

1) корпус *мэтров конференций* (maîtres de conférences), примерно соответствующий российским доцентам (выражение “мэтр конференций” можно также переводить словом “лектор”, как называются аналогичные должности в англосаксонских странах);

2) корпус *профессоров* (professeurs).

Постоянные (титулярные) мэтры конференций и профессора принимаются на работу по конкурсу, организуемому заинтересованным учреждением высшего образования (в некоторых отраслях знаний проводится общенациональный конкурс, имеющий специфические особенности). Далее они зачисляются на государственную службу постановлением министра образования (мэтры конференций) или декретом президента (профессора).

Согласно ст. 22 и 43 декрета в целях допуска к участию в конкурсе кандидаты должны быть предварительно включены в “квалификационный список” (liste de qualification), составляемый Национальным советом университетов. В отношении иностранных ученых в тех же статьях оговаривается:

“Однако кандидаты, занимающие должность преподавателя-исследователя на уровне, эквивалентном уровню подлежащей занятию должности, в учреждении высшего образования государства, отличного от Франции, освобождаются от включения в квалификационный список на должности мэтра конференций/профессора. Ученый совет учреждения принимает решение по докладу двух специалистов соответствующей дисциплины на уровне, как минимум, эквивалентном уровню подлежащей занятию должности, один из которых является внешним для учреждения, в отношении титулов и работ заинтересованного лица, а также в отношении уровня должностей, исходя из *решетки эквивалентности*, составляемой министром, ответственным за высшее образование, и направляет дела приемлемых кандидатур в селекционный комитет”, т.е. комитет учреждения

высшего образования, проводящий конкурс по избранию на должность мэтра конференций/профессора.

Упомянутая “решетка эквивалентности” (*grille d'équivalence*) утверждена Постановлением от 10 февраля 2011 г. “О решетке эквивалентности титулов, работ и должностей преподавателей-исследователей”.

Предусмотренная постановлением решетка эквивалентности была составлена на основе данных, имеющихся у французского министра образования, в том числе полученных по его запросам от компетентных ведомств иностранных государств.

Она имеет вид таблицы, состоящей из трех столбцов:

левый столбец – название иностранного государства (*pays* – страна);

средний столбец – степени, звания или должности, позволяющие быть допущенными к участию в конкурсе на замещение должности мэтра конференций во Франции (*niveau MCF* – уровень мэтра конференций);

правый столбец – степени, звания или должности, позволяющие быть допущенными к участию в конкурсе на замещение должности профессора во Франции (*niveau PR* – уровень профессора).

Степени, звания или должности, в зависимости от государства, приводятся на его национальном языке, французском или английском языках. Например российский “Kandidat nauk” может становиться во Франции мэтром конференций, а российский “Doctor nauk” – профессором.

Рассмотренная модель признания ученых степеней, званий и иных квалификаций для целей преподавания в вузах и научно-исследовательской деятельности является типичной моделью государств-участников Болонского процесса, которая может быть творчески использована и в России.

Достоинства рассмотренной модели:

1) *независимость от международных рейтингов*, которые, во-первых, могут быть *неполными и/или необъективными*, во-вторых, не учитывают *разного уровня разных кафедр вузов* (например, вуз в целом считается “рейтинговым”, но на некоторых кафедрах работают недостаточно сильные или откровенно слабые специалисты, что выражается и в качестве подготовленных на этих кафедрах диссертаций);

2) *предоставление вузам права самостоятельно определять пригодность иностранного ученого*, но – во избежание злоупотреблений – с *обязательным привлечением к оценке внешнего эксперта* (напомним, что согласно вышеупомянутому декрету ученый совет вуза принимает решение на основе доклада двух специалистов соответствующей дисциплины, один из которых обязательно должен быть внешним для вуза);

3) *закрепление общих координационных прерогатив за министерством высшего образования*, к исключительной компетенции которого отнесено составление “решетки эквивалентности” иностранных званий, степеней, должностей для всех стран мира.

4) *отсутствие ненужного формализма, бюрократизма и, в целом, простота и гибкость правового регулирования*. Такая гибкость, в частности,

позволяет органам государственной власти (министру высшего образования) в любое время оперативно корректировать решетку эквивалентности иностранных званий, степеней, должностей. Кроме того, она освобождает от необходимости подстраивать под местную правовую терминологию особенности образовательных и научно-исследовательских систем иностранных государств, например, искать французский эквивалент для российских терминов “кандидат наук” или “ученое звание”.

Литература

1. Кашкин С.Ю., Захарова М.В. Институт признаний образовательных квалификаций в сфере юриспруденции как элемент взаимодействия правовых систем современного мира и средство развития правовых отношений между Российской Федерацией и Европейским Союзом // Юридическое образование и наука, №2, 2014. С.18-21.
2. Кашкин С.Ю. Тенденции развития интеграционного права в контексте глобализации // Законы России: опыт, анализ, практика, №3, 2013. С.3-12.

В.А. ПРОШИН **ПОНЯТИЕ «БЕЖЕНЕЦ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ** **И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ОПЫТ** **СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА**

(Россия, Новосибирск)

Проблема беженцев является одной из самых острых гуманитарных проблем не только для многих иностранных государств, но и для современной России. Обособленной группой внешних вынужденных мигрантов в Российской Федерации являются беженцы. Имеет смысл рассмотреть понимание термина «беженец» в доктринальных источниках. Анализ советской литературы и источников о беженцах показывает, что в советском государственном праве понятия «беженец» не существовало. Советская доктрина рассматривала беженцев как участников международных правовых отношений. Между тем, лица, подпадающие под определение «беженец», которое закрепляет ныне действующее законодательство, в СССР были. Это граждане так называемых республик социалистического лагеря – Польши, Чехословакии, Румынии, вынужденные переселиться на территорию СССР вследствие вооруженных конфликтов, связанных с падением коммунистического режима в этих странах. Впоследствии их число возросло за счет выходцев из Афганистана. Вместе с тем, советское законодательство специально правовой статус лиц, подпадающих под понятие беженец, не выделяло. Эта категория лиц в правовом положении приравнивалась к иностранным гражданам, находящимся на территории СССР. Это подтверждается двумя нормативными актами: Законом СССР от 24 июня 1981 г. № 5152-Х «О правовом положении иностранных граждан в СССР» (утратил силу), где в ст.32 беженцы относились к лицам без гражданства. Подобная

норма присутствовала и в Законе РФ от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» (утратил силу). Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель не учитывал специально отдельную категорию переселенцев из числа иностранных граждан и лиц без гражданства.

На появление понятия «беженец» в новейшем российском законодательстве повлияло несколько факторов. Первый связан с распадом СССР, следствием которого явилось развитие и усиление миграционного обмена населения на постсоветском пространстве. Важной причиной миграции явилось усиление межэтнических противоречий между различными национальными группами населения. В связи с этим появились временные положения, направленные на упорядочение иммиграции в РСФСР (РФ) граждан бывших союзных республик и предоставление им адресной помощи. Однако нормативного закрепления определения «беженец» в законодательстве РФ не произошло.

Следующим важным фактором внимания к проблеме беженцев в законодательстве РФ явилось присоединение Российской Федерации к Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу к ней 1967 г. [1]. Следствием этого явилось принятие целого комплекса нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус беженцев в Российской Федерации.

Однако и в конституции России 1993 г. понятие «беженец» отсутствует, хотя она разрабатывалась и утверждалась в год, когда разворачивалась волна миграции на территории бывшего Советского Союза. В нее не были включены нормы, регулирующие положение беженцев, не смотря на то, что, в юридической науке к этому времени данный вопрос уже достаточно активно обсуждался [2, с. 31].

Следует также отметить, что в 1992 г. был пик, когда в Россию прибыло самое большое число людей из дальнего зарубежья. Это объясняется прежде всего тем, что в то время в Афганистане пал режим Наджибуллы и к власти пришли фундаменталисты. Подобные события произошли в 1991 г. в Эфиопии и в Ираке. Поэтому в тот период было действительно очень много беженцев, на территории России.

В настоящее время правовой институт беженца в Российской Федерации переживает глубокое реформирование, связанное с закреплением в законодательстве Российской Федерации и субъектов Российской Федерации правовых механизмов, обеспечивающих реализацию социально-экономических прав беженцев. В России после присоединения к Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу к ней 1967 г. ведется работа по приведению норм национального законодательства, регулирующего вопросы предоставления защиты беженцам, в соответствие с нормами международного «беженского» права, которое является составной частью международного гуманитарного права.

Первый Закон «О беженцах» был принят в 1993 г., в нем подчеркивается, что он издан в соответствии с общепризнанными нормами международного права, а в случае расхождения международного договора и Закона применяются

правила договора, за исключением тех случаев, когда это может привести к ограничению прав беженцев по закону [3].

Вместе с тем первая редакция Закона, по сравнению с текстом Конвенции ООН, имела более общий, декларативный и расширительный характер, позволявший в слишком широких пределах трактовать такие важнейшие его положения, как права беженцев, которые не были увязаны с реальными возможностями Российской Федерации. Это обусловило разработку и внедрение процедуры признания беженцем с момента принятия Закона Российской Федерации «О беженцах». Однако на практике в 1994 - 1996 гг. рассмотрение ходатайств лиц, подпадающих под понятие «беженец» из государств СНГ и Балтии проводилось территориальными органами Федеральной миграционной службы (ФМС России) без проведения строгой юридической процедуры. Лица признавались беженцами фактически в порядке регистрации. Главным критерием для предоставления статуса беженца являлось подтверждение происхождения заявителей из региона межнационального или иного рода конфликта и отсутствие гражданства РФ. Большинство из них, имевших на руках паспорта образца 1974 г., рассматривались как граждане бывшего СССР, хотя уже являлись гражданами новых суверенных государств [4, с. 16].

В июле 1997 г. была принята новая редакция Федерального закона «О беженцах», которая должна была с учетом применения действовавшего Закона и опыта других государств устранить его несовершенство. Однако и новая редакция Закона не устранила его основные недостатки и имевшиеся в нем пробелы. Согласно Федеральному Закону «О беженцах», беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может, пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Исходя из п.1 ст.1 беженцем признается лицо, подпадающее под следующие основные признаки: лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, т.е. им может быть как зарубежный гражданин (иностранец), так и лицо, не имеющее определенного гражданства (апатрид); лицо, находящееся вне страны своей гражданской принадлежности либо вне страны своего прежнего обычного местожительства из-за вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Также лицо, не имеющее возможности или не желающее пользоваться защитой страны своей гражданской принадлежности вследствие имеющихся у данного лица опасений (для иностранного

гражданина), и не имеющее возможности или не желающее вернуться в страну своего прежнего обычного местожительства в результате вышеназванных опасений.

Данное определение категории «беженец» практически полностью воспроизводит набор дефиниций, содержащихся в определении понятия «беженец» международной конвенции 1951 г, однако, по сравнению с Конвенцией, в определение беженец в российском законодательстве включен такой признак, как принадлежность лица к иностранному гражданству или к категории лиц без гражданства. Кроме того, закон не включает в эту категорию лиц, покинувших свою страну по экономическим причинам или вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Анализ определений понятия «беженец», данные в первой и последней редакциях Закона РФ «О беженцах», а также содержащиеся в Конвенции ООН 1951 г. и Протоколе 1967 г., дает основания утверждать, что между внутригосударственными и международным актами есть существенные различия. Определение понятия "беженец", содержащееся в Федеральном законе, практически в полном объеме воспроизводит определение Конвенции ООН 1951 г. и Протокола 1967 года. Исключение составляет лишь один момент - указание на национальность в ст.1 Закона в числе признаков, по которым лицо подвергается преследованию. Однако, определение беженца в Законе «О беженцах», в отличие от конвенционного не содержит субъективного элемента. Лицо, желающее получить искомый статус беженца, должно сослаться на совершение против него насилия или наличие реальной опасности подвергнуться насилию, а не демонстрировать свое отношение к этим обстоятельствам.

Другое отличие от конвенционного определения состоит в том, что согласно Закону «О беженцах» лицо должно покинуть место своего постоянного жительства или просто иметь намерение это сделать. Конвенция, напротив, исходит из того, что лицо, уже находящееся вне государства гражданства, не может или не желает пользоваться его защитой.

Таким образом, применяются совершенно различные критерии: отношение лица в первом случае к проживанию на своем постоянном месте жительства, во втором - к защите государства за его пределами.

Следует также отметить расхождения между Законом «О беженцах» и Конвенцией 1951 г, в перечне оснований, по которым лицо не может претендовать на получение статуса беженца в Российской Федерации. В Федеральном законе «О беженцах», перечень оснований значительно расширен по сравнению с перечнем так называемых «прекращающих» положений, зафиксированных в Конвенции. Это расхождение сужает пределы действия Федерального закона «О беженцах», а Российская Федерация становится объектом критики в диалоге государств-участников Конвенции и Протокола о справедливом распределении времени по приему и обустройству беженцев у себя на территории.

В целом же, Федеральный закон «О беженцах», с одной стороны, максимально приближен к международным актам, а с другой стороны, ужесточает требования к лицам, претендующим на получение статуса беженца путем значительного расширения перечня положений об исключении. Однако подобны трактовка правового статуса беженца прослеживается и в законодательстве большинства европейских государств (Германии, Франции, Бельгии, Швейцарии и др.) и, следовательно, процессы, происходящие в российском праве в отношении правового статуса беженцев согласуются с общемировыми тенденциями.

Литература

1. «Протокол, касающийся статуса беженцев» (Подписан в г. Нью-Йорке 31.01.1967) // Действующее международное право. Т. 2.- М.: Изд.МНИМП, 1997.
2. Литвинова Г.И., Михалева Н.А. Правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев в России // Государство и право. 1992. №4.
3. О беженцах: Федеральный закон: от 19 февраля 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 12. – Ст. 425; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 30 (часть II). – Ст. 3616.
4. Земскова А.В. Направления совершенствования законодательной и правоприменительной практики в области миграции // Юридический консультант. 2006. № 1.

А.О. ЧЕТВЕРИКОВ
ПОЛУЧЕНИЕ И ПРИЗНАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ В
ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ ЛЮКСЕМБУРГ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

(Россия, Москва)

Проводимая в Российской Федерации реформа правовых основ науки и образования предполагает изучение и использование передового опыта различных зарубежных государств – не только крупнейших мировых держав (таких как США, Великобритания, Германия, Франция, Китай и т.д.), но и других развитых стран планеты, которые, несмотря свою небольшую территорию и численность населения, сумели добиться весомых результатов в создании благоприятной научной и образовательной среды.

Во многих отношениях одним из самых успешных среди подобных “малых” государств является расположенное в центре Западной Европы государство Люксембург (официальное название – Великое Герцогство Люксембург).

Научная и образовательная системы государства Люксембург концентрируются вокруг Люксембургского университета (Universite de Luxembourg) – весьма молодого по сравнению с университетами других западноевропейских стран высшего учебного заведения, созданного в современном виде в начале XXI века.

В соответствии с Законом “О создании Люксембургского университета” от 12 августа 2003 г. он определяется как публичное учреждение высшего образования и научных исследований, наделенное статусом юридического лица, пользующееся педагогической, научной, административной, финансовой автономией и уполномоченное от своего собственного имени присваивать образовательные (в том числе ученые) степени, выдавать дипломы и свидетельства об образовании, имеющие силу на территории Люксембурга.

Ученые степени Люксембурга: получение и признание.

Как и в большинстве зарубежных государств, в Люксембурге предусмотрено наличие одной-единственной ученой (академической) степени, получение которой считается завершающим этапом высшего образования (после получения степеней бакалавра и магистра) – “доктор Люксембургского университета” (docteur de l’Universite de Luxembourg).

Ученая степень доктора Люксембургского университета присваивается после обучения в докторантуре этого университета и публичной защиты докторской диссертации перед назначенным им диссертационным советом (жюри).

Порядок поступления в докторантуру, обучения в ней, подготовки и защиты докторской диссертации регулируется специальным нормативным актом, изданным главой государства (фактически – правительством) Люксембурга на базе вышеупомянутого Закона от 12 августа 2003 г. –

Регламентом Великого Герцога от 22 мая 2006 г. “О получении докторской степени Люксембургского университета”.

Действующий в Люксембурге порядок присвоения докторских степеней имеет две примечательные особенности, которые представляют интерес для России.

Во-первых, это относительно компактный состав диссертационного совета (жюри) – пять докторов, из которых, как минимум, два должны быть учеными, не работающими в Люксембургском университете (внешние специалисты). Состав жюри назначается ректором для защиты каждой конкретной диссертации, т.е. в отличие от российских диссертационных советов, жюри не является постоянно действующим органом.

Во-вторых, в отдельной главе Регламент от 22 мая 2006 г. установил правовой режим присуждения докторских степеней Люксембургским университетом совместно с иностранными высшими учебными заведениями, которые в своих странах уполномочены присваивать аналогичные степени. Такой механизм официально называется “международное соопекунство диссертацией” (*cotutelle internationale de these*).

“Соопекунство” может вводиться на основании соглашения между Люксембургским университетом и заинтересованными иностранными вузами, причем отдельно для каждой диссертации. Соглашение в обязательном порядке должно содержать правила о признании степени, полученной в Люксембурге, на территории соответствующих иностранных государств.

В случае “соопекунства” диссертация защищается в совместном жюри, назначаемом Люксембургским университетом и вузом, с которой заключено соглашение о соопекунстве. Такое совместное жюри должно включать в себя представителей Люксембургского университета и вуза-“соопекуна”, а также внешних экспертов. Состав совместного жюри не может превышать десяти человек.

В случае успешной защиты диссертации в рамках “соопекунства” обладателю докторской степени могут выдаваться либо единый диплом доктора Люксембургского университета и вуза-“соопекуна”, либо отдельные дипломы от имени каждого из этих учреждений.

Поскольку ученые степени доктора наряду со степенью бакалавра и магистра считаются в Люксембурге разновидностью образовательных (академических) степеней, для обладателей этих степеней, полученных в иностранном государстве (вне рамок режима “соопекунства”) действует общий режим признания квалификаций, установленный Законом от 18 июня 1969 г. “О высшем образовании и подтверждении иностранных документов о высшем образовании и степеней высшего образования”.

В соответствии с этим законом обладатели иностранных степеней и дипломов должны получить их “официальное подтверждение” (*homologation*) со стороны министра высшего образования и научных исследований Люксембурга.

Ходатайство об официальном подтверждении подается в специальное подразделение профильного министерства – Службу официальных подтверждений. Министр принимает решение на основании заключения формируемой при министерстве Комиссии по официальным подтверждениям. Решение заносится в официальный реестр, а обладатель признанной в Люксембурге иностранной степени вправе получить из него выписку – Свидетельство об официальном подтверждении.

Вышеуказанный порядок официального подтверждения иностранных степеней в Люксембурге действует только для отдельных профессий, относящихся к числу регулируемых (т.е. требующих наличия специального диплома). К ним относятся преподавательские, юридические, медицинские и фармацевтические профессии.

Для остальных (нерегулируемых) профессий официального подтверждения иностранной степени со стороны люксембургских властей не требуется.

Ученые звания Люксембурга: получение и признание

Право Люксембурга не использует понятия “ученые звания”. Люксембургскими эквивалентами российских ученых званий могут считаться должности профессорско-преподавательского состава Люксембургского университета, официально называемые должностями “академического корпуса преподавателей-исследователей”.

Согласно Закону о Люксембургском университете академический корпус преподавателей-исследователей включает четыре категории должностей:

высшие категории – профессора и профессора-ассистенты

вспомогательные категории – преподаватели двух видов (“ответственные за курсы” и “ответственные за преподавание”).

Для назначения на вспомогательные категории должностей достаточно иметь степень магистра. Для назначения на профессорские должности требуется докторская степень. Для профессоров также необходимо наличие публикаций в признанных научных изданиях, перечень которых не является фиксированным.

Иностранный ученый имеет право на занятие профессорских и преподавательских должностей при условии, что его степень официально подтверждена в Люксембурге в соответствии с рассмотренным выше порядком.

В качестве альтернативы допускается замещение должности профессора лицами, наделенными “правом руководить научными исследованиями” со стороны “признанного иностранного университета” (условия признания опять же в законе не определяются, т.е. речь может идти, в принципе, о любом зарубежном вузе, который признается в качестве заслуживающего доверия со стороны Люксембургского университета).

Назначение на должности академического корпуса преподавателей-исследователей Люксембургского университета происходит, как правило, по итогам открытого конкурса, организуемого самим университетом.

Назначение осуществляется либо на период в семь лет с возможностью продления на аналогичные периоды, либо на неопределенный срок.

Литература

1. Loi du 17 juin 1963 ayant pour objet de proteger les titres d'enseignement superieur // Memorial A – 38. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 4 juillet 1963. P. 651.
2. Loi du 18 juin 1963 sur d'enseignement superieur et l'homologation des titres et grades etrangers d'enseignement superieur // Memorial A –27. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 21 juillet 1963. P. 796;
3. Loi du 12 aout 2003 portant creation de l'Universite du Luxembourg // Memorial A –149. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 6 octobre 2003. P. 2990.
4. Loi du 17 decembre 2003 modifiant la loi modifiee du 18 juin 1963 sur d'enseignement superieur et l'homologation des titres et grades etrangers d'enseignement superieur // Memorial A – 183. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 24 decembre 2003. P. 3683.
5. Reglement grand-ducal du 10 septembre 2004 fixant les criteres d'homologation des titres et grades etrangers // Memorial A – 109. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 9 novembre 2000. P. 2548.
6. Reglement grand-ducal du 22 mai 2006 relatif a l'obtention du grade de doctorat de l'Universite de Luxembourg // Memorial A – 149. Journal Officiel du Grand-Duche de Luxembourg. Recueil de legislation, 6 octobre 2003. P. 2990.
7. Ministere de l'enseignement superieur et de la recherche. Grand-Duche de Luxembourg. Homologation <www.mesr.public.lu/enssup/homologations/index.htm>

Ю.Л. ЮРИНЕЦ

ТРЕБОВАНИЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВОВ КАК ФАКТОРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

(Украина, Киев)

Россия является членом Совета Европы, поэтому документы Совета Европы являются обязательными для имплементации в России.

Согласно п. 15, а) Устава Совета Европы (Лондон, 05.05.1949 г.), Комитет министров по рекомендации Консультативной Ассамблеи или по собственной инициативе рассматривает меры, направленные на достижение цели Совета Европы. Согласно п. 15, б) Устава Совета Европы, заключения Комитета министров в надлежащих случаях могут быть сделаны в форме рекомендаций правительствам государств-членов, и Комитет министров может запрашивать правительства государств-членов о ходе выполнения таких рекомендаций. Таким образом, рекомендации в «мягкой» форме обязывают государства-членов их выполнять, поскольку, раз эти рекомендации направлены на достижение цели Совета Европы, а согласно ст. 3 Устава каждый член Совета Европы должен «искренне и активно» сотрудничать во имя достижения цели Совета, то такой член должен выполнять требования документа, направленного на достижение уставных целей.

Ключевым документом Совета Европы в сфере архивного дела является Рекомендация R (2000) 13 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейской политики доступа к архивам (принята Комитетом Министров 13.07.2000 г. на 717-м заседании заместителей министров). В работе [1, с. 142] этот документ определен как один из важнейших в системе европейских стандартов в сфере архивного дела и делопроизводства.

Рекомендация R (2000) 13 содержит следующие основные положения и требования:

– требования Рекомендации направлены на выполнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в особенности статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 10 (свобода выражения мнения). Поэтому несоблюдение требований Рекомендации R (2000) 13 при рассмотрении дел в Европейском суде по правам человека может быть истолковано как нарушение Конвенции;

– требования документа корреспондируются с Рекомендацией Комитета Министров Совета Европы странам-членам R (81) 19 «О доступе к информации, находящейся в распоряжении органов государственной власти»;

– архивы являются важной и незаменимой частью культурного наследия. Они хранят память о нации, и от них в значительной степени зависит непрерывность памяти человечества. Архивы признаются неотъемлемым и незаменимым элементом культуры. Поэтому все обязательства перед ЕС в культурной сфере распространяются на сферу архивного дела;

– нормы по доступу к архивам должны регулироваться законами парламента. Доступ к публичным архивам является правом. Законодательство должно обеспечивать: а) либо открытие государственных архивов без особых ограничений, б) или общий период закрытия. Исключения из этого общего правила, необходимые в демократическом обществе, могут быть предусмотрены для того, чтобы гарантировать защиту: а) важных общественных интересов, требующих защиты (таких, как национальная оборона, внешняя политика и общественный порядок); б) частных лиц от распространения информации, касающейся их личной жизни. Вводятся следующие сроки секретности: а) максимальный срок секретности, обычно не превышает 20 или 30 лет и автоматически применяется к документам или группам документов, открытие доступа к которым не может навредить интересам государства или частных лиц; б) более длительный период секретности, обычно не превышает 50 лет для документов или групп документов, касающихся иностранных дел, обороны и поддержания общественного порядка; в) переменные периоды секретности (например, 10-70 лет после закрытия дела, или 100-120 лет после рождения лица, которым интересуются, – для документов или файлов, содержащих конфиденциальные юридические, налоговые, медицинские и другие сведения о частных лиц.

Следует отметить, что согласно ч. 3 ст. 25 Федерального закона Российской Федерации от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», ограничение на доступ к архивным документам, содержащим

сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов.

С точки зрения сроков можно признать, что они примерно соответствуют Рекомендации R (2000) 13. Однако основания для ограничения доступа в законе Российской Федерации приведены более широко и расплывчато, чем в Рекомендации, поскольку в Рекомендации говорится о личной жизни, а в законе – о личной тайне вообще. К такой тайне может быть отнесено, например, секретная работа на спецслужбе, которая затем долго не будет известна обществу.

Вместе с тем, европейские стандарты доступа к документам спецслужб исходят из того, что защита и оправдание жертв репрессий важнее, чем сохранение тайн палачей. Указанные проблемы рассматривались в отчете ЮНЕСКО, составленном Международным советом архивов [2]. В частности, не отрицательном примере Чили указывается, что на данный момент неизвестен ни один документ основных репрессивных институтов военной диктатуры, чьей основной составляющей была DINA, а ее преемником CNI. Таким образом, в начале процесса перехода от диктатуры к демократии, когда очевидной была необходимость знать правду о политическом насилии, исчезновениях и убийствах, совершенных режимом А. Пиночета, существовало огромное препятствие, вызванное нехваткой документальных доказательств. Комиссия «Правды и Примирения» – первый орган такого типа, созданный в 1990 г., столкнулся с задачей реконструкции 15 лет истории страны почти исключительно на основе личных свидетельств, основанных на словесных или письменных воспоминаниях тех, кто был вовлечен в эти события. Комиссия, достигшая роста уровня осведомленности о злоупотреблениях властью бывшим режимом, тем не менее, не в состоянии пролить свет на судьбу многих пропавших лиц или назвать лиц, ответственных за зверства. Опыт Чили является поучительным: теми, кто понес наибольшие потери от исчезновения документов, были рядовые чилийцы, а теми, кто больше выиграл, были агенты, которые проводили репрессии, а особенно их руководители. Несомненно, чилийский путь к демократии проходит через примирение, однако возможность привлечения преступников к ответственности за их преступления в значительной степени исчезла.

Следует отметить, указывается далее в отчете [2], что документы, накопленные органами репрессий, важные для памяти народа и служат незыблемым свидетельством. Но наиболее весомый аргумент в пользу хранения репрессивных архивов новыми демократическими государствами заключается в важности, которую такие документальные источники имеют для лиц, пострадавших от прежнего режима, как для прямых, так и косвенных жертв. Документы периода репрессий являются существенными для использования индивидуальных прав: на амнистию, на компенсацию, на пенсию и общие гражданские права (на наследство, на собственность) в новой политической ситуации.

Сохранность документов репрессивных режимов и доступ к ним обеспечивают, в частности, такие индивидуальные права:

1. Право исследовать судьбу родственников, пропавших во время периода репрессий. Одним из худших последствий репрессий является незнание судьбы родственников или друзей, которые исчезли. Архивы репрессий должны позволять расследование, и если возможно – прояснения таких случаев.

2. Право знать, какая информация о лицах хранится в архивах: находилась ли какая-либо информация о лице в полиции или разведывательных службах бывшего репрессивного режима, – и оценивать, каким образом могут повлиять политические, идеологические, этнические или расовые предубеждения на личную, семейную или профессиональную жизнь.

3. Право на исторические и научные исследования: все граждане имеют право доступа к источникам изучения их национальной истории. Доступ к таким документам должен учитывать необходимость защиты приватности жертв и третьих сторон, упомянутых в документах (подчеркнем: речь идет именно об интересах жертв, а не палачей).

4. Право реабилитации для заключенных и репрессированных по политическим мотивам: в каждом процессе перехода к демократии, те, кто был осужден судами, уволен с работы сугубо по политическим, религиозным, этническим или расовым причинам, должны быть освобождены из заключения, восстановлены на работе, должны получить компенсацию. Часто существует ситуация, когда только среди архивов бывших репрессивных режимов могут быть найдены доказательства политической, религиозной, этнической или расовой природы осуждения или освобождения.

5. Право на компенсацию и возмещение убытков, причиненных жертвам репрессий. Когда органы власти новых демократических режимов решат предоставить компенсацию жертвам репрессий, документы, выработанные институтами бывшего режима, обеспечат их необходимыми доказательствами.

6. Право реституции конфискованного имущества. Когда граждане нового демократического государства имеют юридическое право вернуть личное имущество, конфискованное предыдущим режимом за их убеждения или идеологию, документы в архивах репрессивных органов дадут подробное описание такого имущества, так же как и информацию о его местонахождении или месте назначения. Если реституция невозможна потому, что имущество исчезло или имеет новых законных владельцев, архивы подтвердят их право на соответствующую компенсацию.

Для того, чтобы гарантировать права лиц средствами архивов, необходимы соответствующие юридические инициативы – то ли новый общий закон о государственных архивах, то ли внесение изменений в существующий закон. Права, которые должны быть таким образом гарантированы, охватывают:

- право *всех лиц требовать* доступа к архивам для того, чтобы получить информацию о существовании или отсутствии любой информации или документов по ним, всегда предполагая, что приватность третьей стороны гарантируется;

- право для лиц, которые не были на службе в репрессивных органах, определять, могут ли записи, содержащие персональную информацию о таких лицах, учитываться третьей стороной. Персональные досье жертв репрессий должны быть закрыты от публичного доступа в течение законно установленного периода, за исключением специального разрешения лицам, которых они касаются, или их наследников. Лица должны иметь возможность внести изменения или заявление об информации, содержащейся о них в персональных досье. Они должны быть включены в досье, но четко отделены от документов, хранившихся репрессивным режимом, и которые не должны изменяться;

- право требования доступа к файлам агентов репрессий на основе гарантий безопасности, установленных законодательством.

– любой отказ в доступе или в специальном разрешении на доступ должен сообщаться в письменной форме. В Федеральном законе Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» такое требование отсутствует;

– законы и постановления, касающиеся доступа к государственным архивам, должны быть согласованы с законами, касающимися родственных сфер, в особенности с теми, которые касаются доступа к информации, находящейся во владении государственных органов власти и теми, которые касаются защиты данных. То есть, проблему доступа к архивам Рекомендация R (2000) 13 рассматривает в контексте доступа к публичной информации.

Об этом свидетельствует также прямая ссылка в Рекомендации R (2000) 13 на связь с Рекомендацией Комитета Министров СЕ странам-членам R (81) 19 «О доступе к информации, находящейся в распоряжении органов государственной власти», а значит и о единстве принципов доступа. Дальнейшим развитием этих принципов было принятие Рекомендации R (2002) 2 Комитета Министров странам-членам о доступе к официальным документам (принята Комитетом министров 21.02.2002 г. на 784-м заседании заместителей министров). Эта рекомендация, наоборот, содержит прямую ссылку на Рекомендацию R (2000) 13 относительно Европейской политики доступа к архивам. Указанная взаимосвязь предоставила авторам пособия [3, с. 91] утверждать, что Рекомендация R (2002) 2 касается не только тех документов, которые находятся непосредственно в распоряжении органов власти, но и тех официальных документов, которые находятся в архивах, не ограничивая при этом применение более специфических правил, которые помещены в Рекомендации R (2000) 13.

Так, согласно п. 4.3 Рекомендации R (2002) 2, государства-члены должны рассмотреть возможность установления временных сроков, по истечении которых прекращается применения ограничений на доступ к документам. Как отмечается в пособии [3, с. 96], срок ограничения должен быть пропорциональным цели, которой пытаются достичь, например, защиты других прав и законных интересов. Относительно документов, которые определяются как конфиденциальные, секретные или чрезвычайно секретные, органы государственной власти должны обеспечить, чтобы они стали доступными, как только обстоятельства позволяют это сделать, или же, если законом установлен

временной срок их конфиденциальности, сразу же по истечении такого срока. В отдельных странах закон требует регулярного пересмотра конфиденциального характера информации. В других странах такой пересмотр происходит в случаях, когда запрашивается доступ к информации.

Согласно п. 5.1 Рекомендации R (2002) 2, лицо, запрашивающее официальный документ, не должно объяснять причины, по которым она желает получить доступ к официальному документу. Как отмечается в пособии [3, с. 96], эта идея уже была помещена в Рекомендации R (81) 19 о доступе к информации, находящейся в распоряжении органов государственной власти.

Согласно п. 6.6 Рекомендации R (2002) 2, орган государственной власти, который отказывает в доступе к официальному документу или к его части, должен привести причины отказа. В Федеральном законе Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» такое положение отсутствует.

Литература

1. Кисельова Л. Визначення європейських стандартів у сфері архівної справи і діловодства / Л. Кисельова // Державне управління та місцеве самоврядування, 2012, вип. 4 (15). – С. 142-150.

2. Архіви служб безпеки колишніх репресивних режимів / За матеріалами Звіту МРА для ЮНЕСКО; коментар Антоніо Гонзалес Куїнтана. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.khpg.org/index.php?id=1039004029>

3. Доступ до архівів. Путівник для імплементації Рекомендації R (2000) 13 щодо Європейської політики доступу до архівів / Шарль Кечкеметі, Іван Секей ; Харківська правозахисна група. – Х. : Права людини, 2010. – 144 с.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

А.А. ГОРДИЕНКО

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И РОССИЯ

(Россия, Новосибирск)

В литературе, посвященной модернизации, зачастую отмечается, что «Россия издавна – типично модернизационное государство, минимум трижды выходявшее на мировой уровень. Но, правда и то, что русские модернизации носили деспотический характер» [1]. Исследователи называют такую модернизацию консервативной, поскольку она предполагает необходимость и неизбежность насильственной мобилизации населения в интересах государства и обращается в связи с этим архаизацией властных практик во имя технологического прогресса. В процессе «деспотической» модернизации советского периода Россия из аграрной страны, где 90% населения крестьяне, из периферийной империи, стоящей на грани неминуемого распада шагнула в «советский модерн». При этом «СССР представлял собой самостоятельную альтернативную версию *непотребительского* по своей природе общества модерна» [2. С. 345]. «Вынося за скобки вопрос о цене «прогресса», следует признать: к началу 1960-х гг. СССР вошел в обойму индустриально развитых стран мира. Прежде всего, - как считает Ю.Д. Гранин, - благодаря государственной системе научных исследований» [3. С. 19]. В эти годы Советский Союз «имел лидирующие позиции в ключевых областях науки и, по оценкам ряда экспертов США, обладал лучшей в мире системой образования» [3.С.20]. Кроме того СССР «добился значительных модернизационных успехов, ... не только для себя, но и для остального мира: ускоренной деколонизации, геополитической стабильности, «социализации» капиталистической мирэкономике, прежде всего, в странах самого центра миросистемы» [2. С. 345]. В результате «позднее советское общество не нуждалось в модернизации как переносе неких ключевых естественных ценностей и норм, принадлежа к тому же идейному пространству модерна, что и Запад» [2. С. 345].

Однако как представляется в силу логики исторического развития, связанной с ростом доли творческого труда в общественном производстве, время консервативных модернизаций проходит. Начиная с «бурных 60-х» годов XX века наиболее развитые общества начали перестраиваться в более гибкую систему с элементами постиндустриальных отношений. Как пишет А. Шубин: «технологическим символом этой перестройки стал персональный компьютер, сделавший центром переработки и распределения информации человека с компьютером, а не бюрократическую и корпоративную организацию» [4.С.326-327]. Эти тенденции связаны с диверсификацией деятельности и формированием постиндустриальной «общественности», «скрепляемой» не столько безличными механизмами (технологиями, иерархией, институтами, в основе кото-

рых административно-иерархические ценности), сколько нравственными «скрепами», возникающими на основе личностной позиции, личностного выбора. В результате, акцент на развитие человека, инвестиции в человека в коммуникативные и обеспечивающие его деятельность общественные инфраструктуры, в само качество жизни становятся важным фактором производственной и общественной динамики.

Создание условий для развертывания этих процессов есть принципиально другая - институционально-личностная модернизация. Такая модернизация предполагает, – как пишет А. Согомонов, - «уменьшенное» государство, гражданский контроль над властью, публичное определение целей и средств модернизации. Она сосредоточена на налаживании эффективных общественных институтов, укреплении либеральных свобод, демократизации политической жизни, утверждения верховенства права. ... Институционально-личностная модернизация не просто вписывается в жизненные планы людей – она метафизически обосновывает биографические смыслы граждан»[5. С. 274-275]. Однако, и субъекты, сложившиеся «деспотической» традиция модернизации с ее симулятивным заимствованием внешних форм из багажа модернити, и, собственно, советское общество модерна с его «непотребительской» природой оказались не готовыми к такой модернизации.

Это проявилось уже в модернизацию по Хрущеву «с ее попытками соединить прорыв, как тогда думалось, в «атомный век», с созданием основ потребительского общества, к тому времени уже достигшего впечатляющих успехов на Западе» [6.С.86]. Известно, что в самый расцвет советского общества и советской науки ученые и рабочие смогли создать атомную и водородную бомбы, запустить человека в космос. И казалось, что запустить космический аппарат на Луну и сделать телевизор (как «Сони») или автомобиль (как ТОУОТА), которые покупали бы по всему миру, одно и то же. Стоит только захотеть! Хотели, но ничего не получилось?! Дело в том, что производство подобных товаров требует расставания с авторитарной командной экономикой. Такое производство предполагает диверсификацию общественных отношений, на основе укрепления в обществе роли, статуса и развития самосознания различных социально-экономических и социокультурных групп, способных стать заказчиками-потребителями (и тем самым сформировать платежеспособный спрос на товары народного потребления) и одновременно выступить производителями новых товаров, организовав в инициативном порядке множество креативных центров.

Процесс диверсификации принципиально меняет механизмы воспроизводства всех сфер жизни общества и государства, в том числе и на региональном и местном уровне. По сути дела диверсификация общественных отношений предполагает новый социум, в котором выстраивание общественных связей происходит не на основе иерархии, а прежде всего на основе самодеятельности и партнерства индивидов, и первичных социальных (экономических) субъектов. Это означает, что в общественном взаимодействии начинает доминировать горизонтальная коммуникация, когда поведение социальных групп и индивидов определяется не чем-то внешним, а исключительно их интересом. При этом

общий конечный результат взаимодействия синхронизируется независимо от, какой-бы то ни было, центральной инстанции.

Впервые необходимость такой диверсификации общественных отношений выявилась в науке и в сфере научно-технического развития после Второй мировой войны, обусловившей все более жесткую привязку быстроразвивающейся науки к потребностям и запросам военного производства. В результате этой привязки сформировался феномен, так называемой, «большой науки» – специфических форм институционализации науки, в которых она превращается в некий аналог индустриального производства. Происходила не только «мумификацию» первичных коллективов науки и замедление темпов ее развития, но и возникли стагнационные процессы в промышленности. Эти процессы были характерны и для СССР, и для США.

С большим успехом замедление темпов развития науки и стагнационные процессы в обществе смогли преодолеть общественные системы, организованные на рыночных принципах. Как считает Н.С. Злобин, - в значительной степени это обусловлено характерным для таких систем заинтересованным вниманием к проблемам эффективного управления и организации, вытекающим из самой сути предпринимательской деятельности [7.С. 184]. В СССР преодоление стагнационных процессов намечено было при создании Сибирского отделения АН СССР. При развертывании науки в восточных районах страны, и прежде всего, в Новосибирском научном центре, по сути дела, осуществлялась институционально-личностная ее модернизация с выходом и в промышленную сферу [8. С. 187-273]. В результате новосибирский Академгородок оказался прообразом научно-инновационного комплекса нового типа, который позже назовут технополисом. По типу нашего Академгородка впоследствии будут созданы София Антиполис во Франции, Цукуба в Японии и Теджой в Южной Корее. Это было прямое, масштабное заимствование опыта организации науки в СССР. Таким образом, основатели Сибирского отделения совершили прорыв в организации науки на несколько десятилетий вперед. Советский Союз на примере Сибирских Академгородков оказался также лидером в организации микросоциума фундаментальной науки.

Здесь и вскрылись проблемы СССР и нынешней России, которые состоят в том, что уже в модерновом обществе государственная бюрократия в силу дифференциации и демократизации общественной жизни, перехода к «индивидуализированному обществу» не может быть модернизатором. В результате в целом сама уникальная инновационная среда Академгородка, которая вызывала восторг у крупнейших специалистов и политиков той эпохи (в том числе и западных) на уровне советского государства не получила должной оценки и поддержки. Опыт институционально-личностной модернизации в сфере науки не был использован даже в сферах, примыкающих к науке. Связано это было с тем, что субъекты консервативной модернизации оказалась не способными к взаимодействию с субъектами институционально-личностной модернизации, которая по природе своей является модернизацией «снизу». По существу она ставит предел, исключает в принципе такие трансформации, в которых доминирует

монополия государства, бюрократии, преобразования «сверху». В институционально-личностной модернизации государство превращается из патрона в партнера тех или иных социальных групп, являющихся носителями преобразований.

Но дело не только в том, что ориентация государственной бюрократии на консервативную модернизацию задерживает развертывание институционально-личностной модернизации, такая ориентация исключает саму возможность выявления ведущих мировых трендов, которые связаны теперь с реализацией человеческого потенциала. Так, в СССР недооценили значение персональных компьютеров и гражданской коммуникации. Здесь делали ставку на мощные вычислительные машины, к которым имел доступ ограниченный круг специалистов, а информационные потоки концентрировались в руках власти. По сути дела сказалась установка на монопольное распоряжение государством информационными потоками. Но, как оказалось, для быстрого развития научной и технической мысли необходимо было создать среду коллективного моделирования, привлечь большой круг интеллектуалов. СССР стал проигрывать социально-экономическое соревнование с западом.

А между тем опора на механизмы централизованной регуляции экономических, политических и других процессов внутри советского общества, в условиях нарастающего императива на диверсификацию общественных отношений, привела к усилению бюрократии, выделившейся, по сути дела, в особый общественный класс, отождествляющий себя с государством. В результате при модернизации конца 80-х – середины 90-х годов XX века, связанной, в частности, с переходом к рыночным отношениям произошло перерождение советской бюрократии, стремящейся закрепить передачу ресурсов, власти и бывшей государственной собственности по наследству. На этом фоне, а также на фоне процесса архаизации элит, в результате поспешных и половинчатых попыток нормативного импорта институтов, их бездумного копирования произошла общая демодернизация и деиндустриализация страны, а вместе с этим оказались за бортом и наука и научно-технический прогресс.

А что народ? Покусившись на две революции в одном XX веке - и коммунистическую, и неолиберальную - и разочаровавшись в них, народ переживает «астенический синдром». И уж представители художественной элиты выстраивают из этой народной астении эпос бытия страны. Страны, так и не освоившей и силы народа, и «ширь озер и даль горизонтов этого (российского А. Г.) райского края» [9], с его оглушительной тишиной просторов, «где гул лодочного мотора становится гулом бытия и его музыкой». Это было бы так, если бы не колоссальное выкачивание нефтегазовых ресурсов, которые мы, по сути дела, забираем у будущих поколений. Стремясь к рациональному осмыслению астенического состояния народа, на основе обширных конкретно-социологических исследований, социологи констатируют: «среди населения распространено ощущение беспомощности, одиночества, неспособности управлять собственной жизнью» [10].

Но в то же время страна вновь стоит перед новой мобилизацией. В чиновничьих кругах уже обсуждают - не пора ли начинать ее. И уж теорию «подложили»: дескать, есть русская система управления, которая и есть движение от мобилизации к мобилизации. Теперь еще и Украина и Крым. Общество, кажется, встало в едином порыве, и вновь за справедливость и нравственность, и против неофашистов. С учетом всех этих факторов специалисты все более склоняются к тому, что «Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм, был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки» [З.С.21]. Но именно этого, - по мнению Ю.Д. Гранина, - и не происходит. Но это проблема и тема требует специального обсуждения.

Литература

- 1.Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы. // Эксперт. 2009. № 1(687). 28 декабря. (www.expert.ru/expert/2010/01/modern_i_modernizatory).
- 2.Мартьянов В. Ремодернизация российского модерна: теория, практика и/или риторика? // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 338-355.
- 3.Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития». // Вопросы философии 2014. № 4. С. 14-24.
- 4.Шубин А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или почему у Медведева ничего не получается. // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 321-337.
- 5.Согомонов А. Этика догоняющей модернизации. // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 269-276.
- 6.Рябов А. Ностальгическая модернизация. Взгляд на модернизацию через призму традиции. // Неприкосновенный запас 2010. № 6. С. 85-94.
- 7.Злобин Н.С. Изменение места и роли науки в мировом социально-историческом процессе. // Социальная динамика современной науки. – М., 1995. С. 174 - 191.
8. Гордиенко А.А. Новосибирский Академгородок реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». Книга первая: Социально-исторические и генетические предпосылки трансформации науки XXI века. - Новосибирск, 2014. - 386 с.
- 9.Кичин В. Только на моторке можно долететь. // Российская газета. 8 сентября 2014. С. 3.
10. Опалев С. Жизнь без друзей. // РБК daily. 9 сент. 2014. С. 4.

А.Б. ДИДИКИН
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

(Россия, Новосибирск)

В последние годы одним из элементов административной реформы и поиска способов улучшения инвестиционного климата в стране становится внедрение новых механизмов диалога бизнеса и власти. Затянувшийся переговорный процесс о вступлении России в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) помимо геополитической напряженности текущего года в значительной степени связан с тем, что при разработке правовых актов органы государственной власти не учитывают мнение бизнеса, создавая для него множество административных барьеров как в части условий создания бизнеса, так и в контексте развития предпринимательской деятельности. Одним из эффективных инструментов изменения такой ситуации является применение *оценки регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment)*, которая распространяется как на оценку бизнесом проектов нормативных правовых актов, затрагивающих его интересы, так и в отношении действующих нормативных правовых актов, если практика их применения предпринимателями свидетельствует о существовании административных барьеров, ухудшающих инвестиционный климат [1]. Оценка регулирующего воздействия действующих правовых актов в российском законодательстве называется экспертизой, но более верным термином является «социально-экономическая экспертиза», поскольку речь идет о выявлении негативных социальных и экономических последствий действия правового акта.

Социально-экономическая экспертиза действующих нормативных правовых актов представляет собой совокупность критериев оценки нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности, которые позволяют заинтересованным представителям бизнеса и общественных бизнес-объединений в процессе применения правовых норм внести свои предложения и замечания по устранению *административных барьеров*. Социально-экономическую экспертизу нормативных правовых актов необходимо отличать от правовой и антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов как по сфере применения (предпринимательская и инвестиционная деятельность), так и по содержанию – дается социально-экономическая оценка последствий применения нормативного документа на практике представителями бизнеса.

Федеральный закон №176-ФЗ от 2 июля 2013 г. и Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» *устанавливают необходимость обязательного внедрения экспертизы действующих нормативных правовых актов на регио-*

нальном уровне – с 2014 года, в муниципальных образованиях – поэтапно в 2015-2017 гг.

Опыт наиболее активных регионов в области использования экспертизы (Свердловская область, Ульяновская область, Архангельская область) показывает, что следующим этапом после введения экспертизы является разработка и утверждение *методики экспертизы нормативных правовых актов*, позволяющей своевременно выявлять административные барьеры для ведения бизнеса и нормы, препятствующие привлечению инвестиций в экономику региона.

На федеральном уровне правовую основу применения социально-экономической экспертизы в настоящее время составляет постановление Правительства РФ от 29 июля 2011 г. №633 и Приказ Минэкономразвития России от 9 ноября 2011 г. № 290 [2].

Экспертиза действующих нормативных правовых актов является одним из инструментов реализации на региональном уровне *Стандарта деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов РФ по улучшению инвестиционного климата, разработанного АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»*. В 2014-2015 гг. планируется внедрение аналогичного Стандарта АСИ для повышения инвестиционной привлекательности муниципальных образований.

В процессе социально-экономической экспертизы осуществляется исследование совместно заинтересованными представителями бизнеса во взаимодействии с органом исполнительной власти, принявшим нормативный правовой акт.

В сферу общественных отношений, подлежащих экспертизе, включаются следующие вопросы:

- организация и осуществление государственного контроля (надзора);
- установление, применение и исполнение обязательных требований к продукции или связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;
- установление, применение и исполнение обязательных требований к выполнению работ и оказанию услуг;
- оценка соответствия и безопасности процессов производства.

На заключения об экспертизе также должны направляться все правовые акты, связанные с вопросами лицензирования, аккредитации, аттестации, государственной регистрации. Тем самым в ходе экспертизы должны быть выявлены:

1) *наличие в нормативном правовом акте избыточных требований по подготовке и (или) предоставлению документов, сведений, информации;*

Такой критерий позволяет в процессе экспертизы оценить необходимость установленных нормативным правовым актом требований последствия их применения на практике, оценить издержки и выгоды всех заинтересованных сторон. Например, в *Заключении об экспертизе (2012 г.) приказа Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19 февраля 2008*

г. № 30 «О Типовом уставе аккредитованной организации по управлению правами на коллективной основе» заявитель отмечает, что согласно пункту 3.8 Типового устава члены аккредитованной общероссийской общественной организации (далее – организация) вправе участвовать в управлении делами организации в порядке, установленном уставом и иными нормативными актами организации. Вместе с тем, согласно пункту 3.1 Типового устава установлено, что членами организации могут быть любые правообладатели, являющиеся физическими лицами или юридическими лицами - общественными объединениями и имеющие право на получение собираемого организацией вознаграждения, за исключением тех случаев, когда принятие правообладателя в члены организации противоречит закону. По мнению заявителя, «правообладатели – юридические лица» исходя из положений Типового устава «лишены права на участие в управлении и контроле за деятельностью» организации. Заявителем подчеркивается, что нормативный акт «не может устанавливать в качестве типового устава аккредитованной организации в сфере коллективного управления правами любых правообладателей устав общественной организации, поскольку государственная аккредитация не может быть предоставлена организации, созданной в организационно-правовой форме, ущемляющей членство в ней любых категорий правообладателей».

2) наличие в нормативном правовом акте требований, связанных с необходимостью создания, приобретения, содержания, реализации каких-либо активов, возникновения, наличия или прекращения договорных обязательств, наличия персонала, осуществления не связанных с предоставлением информации или подготовкой документов работ, услуг в связи с организацией, осуществлением или прекращением определенного вида деятельности, которые, по мнению субъекта предпринимательской и инвестиционной деятельности, необоснованно усложняют ведение деятельности либо приводят к существенным издержкам или невозможности осуществления предпринимательской или инвестиционной деятельности.

При этом могут приниматься во внимание сведения о существующем опыте решения данной или аналогичной проблемы правовыми, информационными или организационными средствами в Российской Федерации и иностранных государствах; оценка фактической ситуации, сложившихся практик деятельности государственного органа, предпринимателей, граждан, информации из статистических данных.

Например, в *Заключении об экспертизе (2013 г.) постановления ФКЦБ России от 19 июня 1998 г. № 24 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг»* приводится экономическая информация, позволяющая оценить, какие факторы затрудняют ведение предпринимательской деятельности. В частности, отмечено, что установленные пунктом 10 Положения тарифы за услуги регистраторов являлись в течение длительного времени неоправданно низкими. В ноябре 2009 года заявителем по поручению ФСФР России проведено анкетирование регистраторов - членов заявителя, целью которого являлось выяснение струк-

туры, получаемых регистраторами доходов и выполняемых ими операций. По итогам анкетирования было установлено, что доля информационных операций, осуществляемых регистраторами в реестрах, составляет 59,1%, а максимальный тариф, например, за предоставление выписки из реестра согласно пункту 10.8 Положения составляет только 0,1 минимального размера оплаты труда, установленного законодательством Российской Федерации на дату обращения к регистратору, или 10 рублей без учета налога на добавленную стоимость, что не позволяет регистраторам покрыть сколько-нибудь существенную часть операционных расходов на оказание данной услуги и, тем самым, затрудняет ведение их предпринимательской деятельности.

Итогом экспертизы стала отмена указанного постановления ФКЦБ ввиду изменившихся условий и правил ведения бизнеса в соответствующей сфере деятельности на рынке ценных бумаг.

3) *отсутствие, неточность или избыточность полномочий лиц, наделенных правом проведения проверок, участия в комиссиях, выдачи или осуществления согласований, определения условий и выполнения иных установленных законодательством обязательных процедур;*

В качестве примера исследования на основе данного критерия можно привести *Заключение об экспертизе (2013 г.) приказа Мининформсвязи России от 9 сентября 2002 г. № 113 «Об утверждении «Правил ввода в эксплуатацию сооружений связи»*, которое стало следствием неисполнения органами исполнительной власти письма Минэкономразвития России о результатах оценки регулирующего воздействия, содержащего вывод о целесообразности полной отмены действующих процедур ввода в эксплуатацию сооружений связи или о необходимости существенного изменения самого порядка ввода в эксплуатацию сооружений связи с разрешительного на уведомительный, что позволило бы избежать избыточных по своей сути расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности на исполнение норм Приказа в размере не менее 1,1 млрд. руб. в год. План мероприятий по сокращению избыточных процедур контроля и надзора в сфере связи в 2011 году не был выполнен.

В процессе социально-экономической экспертизы участниками публичных консультаций было отмечено, что положения приказа Мининформсвязи № 113 от 9 сентября 2002 г. замедляют развитие передовых технологий сетей связи, в том числе, за счет неопределенности и излишней бюрократизации предусмотренных процедур, несоответствия Правил иным нормативно-правовым актам, которые приводят к неопределенности регулирования в области связи, влекут риск дополнительных необоснованных расходов, и не соответствуют государственной политике в области связи по развертыванию сетей широкополосного доступа (ШПД) и ликвидации цифрового неравенства. Пункт 3.4 приказа устанавливает требование по проведению испытаний сооружений связи «в установленном объеме». Однако в действующих нормативно-правовых актах отсутствуют требования к методике проведения таких испытаний, то есть объем испытаний сооружений связи не установлен. Разработанные же оператором связи собственные методики на практике, как правило, игнорируются инспекто-

рами Роскомнадзора.

Таким образом, все неточности понятийного аппарата законодательства, избыточность контрольно-надзорных полномочий, оценки последствий избыточного государственного регулирования можно установить в процессе экспертизы на основе изучения и применения данного критерия.

4) *отсутствие необходимых организационных или технических условий, приводящее к невозможности реализации органами государственной власти установленных функций в отношении субъектов предпринимательской или инвестиционной деятельности;*

5) *недостаточный уровень развития технологий, инфраструктуры, рынков товаров и услуг при отсутствии адекватного переходного периода введения в действие соответствующих правовых норм.*

Например, в *Заключении об экспертизе (от 18 декабря 2013 г.) приказа Минсельхоза России от 18 октября 1999 г. № 707 «Об утверждении Порядка реализации и транспортировки семян сельскохозяйственных растений»* эксперты отразили мнения предпринимательского сообщества об установлении избыточных требований, не соответствующих федеральному законодательству, существенно повышающие издержки бизнеса в сфере сельскохозяйственного производства. В частности, пунктом 7.1 Порядка установлен срок реализации для семян, упакованных в бумажные одинарные пакетики, от даты упаковки текущего года до конца последующего года. Если семена не были реализованы по истечении указанного срока, продавец обязан вывести пакетики с семенами из торгового оборота, за свой счет провести дополнительный контроль, который включает повторное определение посевных качеств семян, и по результатам исследований перемаркировать или уничтожить всю партию семян. Установленное указанным пунктом Порядка требование, по заключению экспертов, налагает на хозяйствующие субъекты необоснованные ограничения и влечет за собой существенные финансовые затраты на перемаркировку или уничтожение пакетов с истекшим сроком реализации [3].

Таким, образом, при активном участии предпринимателей в процедуре социально-экономической экспертизы на федеральном и региональном уровнях возможно снижение напряженности в процессе применения федерального законодательства, законов субъекта РФ и правовых актов исполнительных органов государственной власти, налаживание конструктивных отношений бизнес-сообщества и органов публичной власти, вовлечения заинтересованных субъектов в конструктивное обсуждение проектов решений в сфере государственного и муниципального управления. В конечном итоге социально-экономическая экспертиза как независимо, так и во взаимосвязи с иными мерами по улучшению инвестиционного климата будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности российской экономики.

Литература

1. Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия как форма общественного контроля в сфере экономики // Гражданское общество в России и за рубежом (Москва). 2014. №2. С. 3-6.
2. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2011 г. №633 «Об экспертизе нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности»; Приказ Минэкономразвития РФ от 9 ноября 2011 г. № 290 «Об утверждении порядка проведения экспертизы нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности» [www.economy.gov.ru];
3. Тексты заключений об экспертизе публикуются на официальном портале Минэкономразвития России [www.economy.gov.ru] и портале для обсуждения и оценки регулирующего воздействия правовых актов [www.regulation.gov.ru].

В.М. ЗУБОВ, В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ
МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ¹

(Россия, Москва)

Почему в России любая модернизация заканчивается тупиком

Резкие повороты во внешней политике России и управленческой практике исключили возможность согласованной выработки плана на случай экстремальной ситуации. Но именно в такой ситуации оказалась российская экономика. Повестка экономических дискуссий резко сменилась: на первый план вышли импортозамещение и финансирование реального сектора. Экономический блок федеральной власти ищет новые подходы к росту и пытается начать дебаты об источнике необходимых для «нового прорыва» средств. Таким источником видится то наращивание бюджетного дефицита и вложение средств резервных фондов в конкретные инвестиционные проекты, то «накачка» деньгами банковской системы. Однако и направления прорыва, и его главные действующие лица пока вынесены за скобки. Это фундаментальный недостаток экономической дискуссии в стране: люди озабочены, если говорить на финансовом языке, пассивами – но никто не задумывается о качестве активов, в которые их предполагается вложить. Между тем второй вопрос, на наш взгляд, неизмеримо важнее первого.

Россия – страна непрекращающихся модернизаций: как человек, который постоянно лечится, но так и не становится здоровым. Понимание, в чем состоят особенности российских модернизаций, критически важно для проведения каждой последующей волны реформ – но его, похоже, у нас так и не возникает. Не претендуя на исчерпывающие трактовки, обратим внимание на три пункта, мимо которых попросту нельзя пройти.

---

¹ Материал основан на публикации в РБК www.daily.rbc.ru (29-30.09.2014).

Первый. Четыре больших модернизационных усилия, предпринятых нашей страной за последние 300 лет (реформы Петра I, ускоренное развитие в конце XIX - начале XX века, сталинская индустриализация и формирование современной российской экономики в 1960-1970-е годы), во многом отличались – но в одном они были схожи. Их общей чертой выступал масштабный трансферт технологий (производственных и социальных) из внешнего мира в Россию.

В первом случае речь шла не только о заимствовании приемов промышленного производства, перенятии методов организации военного дела и государственной службы, но и об «импорте» значительной части самого управляющего класса (к концу царствования Петра I иностранцы занимали до 15% средних и высших должностей на гражданской службе и до 30% – в армии и на флоте).

Во втором – о гигантском по своим масштабам импорте оборудования и о невиданном в истории страны притоке иностранного капитала и менеджеров (69% железных дорог в России к 1900 году принадлежали акционерным обществам с иностранным участием, не говоря о петербургских предприятиях электротехнической промышленности, нефтяных скважинах Баку и угольных шахтах Юзовки).

В третьем – о мощном притоке технологий и тотальном переносе производственных практик. В годы индустриализации в СССР по западным проектам и с применением импортного оборудования было построено более 500 крупных предприятий, которые до сегодняшнего дня составляют стратегический каркас российской экономики.

В четвертом – о критической зависимости СССР от ряда технологических решений и импорте оборудования для автомобильной, нефтегазовой, машиностроительной отраслей и того, что сегодня называется элементной базой.

Заметим, что практически во всех случаях (исключением может считаться разве что рубеж XIX и XX столетий) реформы проводились за счет внутренних источников финансирования, но при использовании заимствованных технологий и практик. Это важнейший из уроков российских модернизаций: они не только были догоняющими, но и основывались на технологическом трансферте, который ни разу так и не перерос в органическое развитие. Отчасти этот трансферт потому и казался Европе «безопасным», что к середине XX века стало понятно: российская и советская система управления может адаптировать технологии к своим нуждам, но развить их не сумеет.

Второй. Получив новые технологии, в России применяли их, прежде всего, для количественного роста – и при этом практически всегда проигрывали как в самом количестве, так и в качестве. Аккумулировавшиеся ресурсы использовались для освоения пространства, реализации гиперпроектов, для наращивания «валовых» показателей. Предполагалось, что такие цели сами по себе оправдывали затраты – от строительства Санкт-Петербурга до освоения советских «северов», от строек первых пятилеток до БАМа и

углеводородопроводов. Это порождало особую логику. С одной стороны, «вала» было легче всего достичь там, где не требовалось радикальных новаций (к 1986 году, когда отчетливо выявились все недостатки административной системы, СССР занимал первое место в мире по добыче нефти и газа, производству стали и минеральных удобрений, сахарной свеклы и картофеля, но вчистую проигрывал в высокотехнологическом секторе). С другой стороны, задача повышения темпов прироста экономики всегда доминировала над целью усвоения новых технологических укладов, и даже умиравшая советская экономика стремилась, скорее, к «ускорению», чем к перестройке.

По сути, все российско-советские модернизации выдержаны в едином ключе: осознавая отставание страны, ее лидеры находили источник финансирования преобразований, затем перенимали передовые технологии извне, осваивали их и стремились максимально использовать для целей расширения той экономики, которая возникала из первичного трансферта технологий. Когда технологический уклад устаревал (как в годы первой Крымской войны, в 1920-е или в 1980-е годы), неизбежно наступал очередной кризис. При этом на каждом новом цикле экономика России оказывалась «монокультурной» и переходила на новый этап развития через мобилизацию, по сути, единственного ресурса: на рубеже XVII и XVIII веков экспорт более чем наполовину состоял из леса и пеньки, в годы советской индустриализации – из хлеба и золота на 60%, в современной России на топливно-энергетические товары приходится порядка 70%.

Таким образом, ни одна модернизация в итоге не воплощалась в индустриализацию современного на тот момент уровня и не способствовала встраиванию России на равных в глобальную экономику, а уж тем более «обратному трансферту» технологий и практик в направлении развитого мира.

Третий. Это обстоятельство сегодня особенно важно. Все российские модернизации проходили в условиях, когда цели экономического роста определялись государством. Оно же выступало и основным источником инвестиций – собранные подати и налоги, как и природная рента, направлялись в отрасли, признанные приоритетными. Так как приоритетность не предполагала вопроса об эффективности, финансы десятилетиями извлекались из относительно успешных секторов хозяйства и перераспределялись в пользу тех, чья эффективность была как минимум неочевидна. Это создавало иллюзию бурной деятельности правительства и великих свершений страны, но на каждом новом повороте порождало, с одной стороны, сокращение «производительного» класса и рост бюрократии, и с другой стороны, огромное количество бессмысленных активов. Тысячи советских предприятий остались в новую российскую эпоху долгостроем и руинами, потому что в рыночной среде их эксплуатация приносила «отрицательный доход».

Механизм такого «инвестиционного потока» мы называем суррогатной инвестиционной системой. Сегодня она включает прямые дотации из бюджета, ФНБ, ВЭБ, госбанки, РФПИ, Роснефтегаз, госкорпорации, ОЭЗы и т.д. Ее главная миссия – перелив доходов из рентабельных бизнесов в убыточные за

счет бюджета и порой Банка России. Эта система игнорирует самый мощный ограничитель роста в российской экономике: тот факт, что проблемы наши сосредоточены не столько на макро-, сколько на микроуровне – на уровне предприятий и компаний. Упорство, с каким поддерживаются госкомпании – одна из основных причин снижения эффективности российской экономики. При этом число малых предприятий остается примерно на одном уровне с посткризисного 2009 года, а количество средних падает. Мы же убеждены: эффективность на макроуровне достижима лишь как «сумма эффективностей» на микроуровне. И направление средств в секторы, максимально зависимые от государственных инвестиций – вне зависимости от их объема и каналов их доставки – является ошибочным.

Какие выводы можно сделать из сказанного?

Во-первых, «закрытие» страны в условиях смены глобального технологического уклада (второй машинной или третьей промышленной революции) идет вразрез с коренными интересами общества. Оно не оставляет надежд даже на новый виток «догоняющей» модернизации, не говоря уже о переходе страны на современную модель органического роста.

Во-вторых, реанимация традиционных для России «количественных» задач (от пресловутого «удвоения ВВП» до обеспечения любыми силами 40% прироста перевозок «на восточном полигоне железных дорог») – свидетельство неистребимости в сознании нашей элиты дремучей советскости.

В-третьих, попытка нарастить централизованные инвестиции при отсутствии рыночных сил на низовом уровне – бессмысленная трата сил и средств. Суррогатная инвестиционная система сродни дырявому ведру, которое можно усиленно и активно наполнять, но нельзя наполнить. Непонимание этого – диагноз для национальной экономической политики.

Успешное экономическое развитие России требует отхода от традиционно «российско-советских» методов хозяйствования, а не их укрепления. Прежде всего, следует максимально использовать (как это сделали все быстроразвивавшиеся экономики Азии) возможности заимствования технологий, управленческих практик и переманивания специалистов из развитых стран. Кроме того, не стоит бояться замедления темпов роста – эту паузу следует использовать для радикальной структурной перестройки (раз уж мы потеряли такую возможность в кризис 2008-2009 годов).

Наконец, особое внимание следует уделять не макроэкономической стабильности и созданию «институтов развития» на национальном уровне, а выращиванию той низовой среды, которая может быть восприимчивой к импульсам правительственных планов. «Деревья растут снизу».

«Пассивы» в нынешних российских условиях находятся довольно легко даже в условиях ограниченности внешнего финансирования. Они, как показывает история, всегда в основном были внутренними. Проблема в том, что нам нужно радикально пересмотреть качество «активов», которые будут формироваться за счет этих средств.

Как России начать новую модернизацию?

Дискуссии о российской экономике часто заводят не туда: вместо того, чтобы обсуждать, кого финансировать, говорят лишь о том, где взять это финансирование. Об этом мы говорили в предыдущей статье, где пришли к двум выводам. Во-первых, слишком активное прямое участие государства в экономике и недоверие к предпринимательству постоянно заводят Россию в «модернизационные круги» незавершённых реформ. Во-вторых, доходы и инвестиции оторваны друг от друга: государство забирает ресурсы из эффективных бизнесов, затрудняя их рост, и перераспределяет их в менее эффективные, где они не могут создать новых «точек роста». Без решения этих проблем развитие российской экономики невозможно. Что следовало бы предпринять?

Первое. Необходим демонтаж суррогатной инвестиционной системы – механизмов и институтов финансирования экономики за счет государственных средств. И прежде всего нужно пересмотреть отношение к крупным государственным компаниям и проектам. Сегодня «Роснефть» просит у государства 1,5 трлн рублей. «Ростехнологии» так и не удивили нас ни одним действительно инновационным продуктом – зато в последнее время инвестируют то в один, то в другой проект в сырьевом секторе (Удоканское медное, Огоджинское угольное месторождения, и т.д.). РЖД без масштабной государственной поддержки показывают убыток, скорость перевозок снижается, значительная часть грузов доставляется с нарушением сроков, а тарифы приблизились к европейским. Про стоимость строительства дорог или стадионов мы и не говорим.

С такими «чемпионами» Россия скоро обанкротится. Но еще важнее, что их поддержка демотивирует успешные бизнесы – искажает условия конкуренции, завышает стоимость проектов, растрчивает бюджетные ресурсы и фонды, которые могли бы поддерживать здоровую часть экономики.

Одно из решений – это рассматривать в парламенте не только федеральный бюджет, но консолидированный бюджет страны, в том числе утверждать расходы из ФНБ и Резервного фонда, доходы и расходы внебюджетных фондов, а также санкционировать все бюджетные дотации, субсидии и «докапитализации», включая вложения в уставной фонд госкорпораций. Это принесло бы массу сюрпризов и высветило бы новые возможности.

Второе. Российскую налоговую систему необходимо трансформировать и сделать более справедливой. Сегодня налоги собираются так, что федеральный бюджет получает в основном доходы, так или иначе связанные с валовым результатом и издержками (экспортные пошлины, НДС, НДС), а региональные бюджеты – доходы, зависящие от эффективности хозяйствования (налоги на прибыль и доходы физических лиц). В итоге и у центра, и у регионов снижается заинтересованность в более эффективной экономике: у первого в силу избыточности ресурсов, у вторых – из-за почти полного отсутствия

ресурсов. «Инвестиционная» система федерального центра в последние годы ориентирована не на инвестиции, а на траты. «Институты развития» и государственные банки приходится постоянно докапитализировать, хотя их финансовые результаты не улучшаются.

Сдвиг «инвестиционной» активности в сторону инфраструктуры обусловлен, на наш взгляд, особой непрозрачностью и принципиальной некупаемостью соответствующих трат. ЦКАД и БАМ, мосты во Владивостоке и космодром «Восточный», олимпийские объекты в Сочи и стадионы к ЧМ-2018, вложения в углеводородопроводы – всё это не инвестиции, а расходы, генерирующие новые расходы. Они могут поднять статистические показатели ВВП на какой-то процент в год, что позволит написать промежуточный отчет: Россия не скатилась в рецессию. Но они порождают новые постоянные расходы, которые будут устойчиво снижать эффективность экономики в целом.

Действующая система практически уничтожила реальную конкуренцию регионов и стала одним из факторов, останавливающих экономический рост в стране. Трансформация этой системы требует снизить долю налогов, поступающих в федеральный бюджет, и перенаправить значительную их часть в регионы.

Третий шаг - перенесение акцента с государственного и окологосударственного бизнеса на частный. Фундаментальная проблема России не в том, что у нас нет инноваций или новых технических решений, а в том, что их трудно коммерциализировать. Добычу сланцевого газа мы могли начать ещё в 1970-е годы, но ее начали американцы в 2000-е. Строительство на основе трубобетона в СССР можно было запустить в начале 1980-х, но оно развернулось в Китае в начале 2010-х. Мы увеличиваем бюджетные расходы на космос, когда во всём мире на этот рынок выходят частные игроки, принципиально более эффективные. В России все «стратегические» предприятия унаследованы из сталинско-брежневской эпохи.

Нам нужно не столько усиление государства, сколько сильный бизнес. Для этого необходимо по всем направлениям сокращать издержки, порождаемые властными решениями, поступательно снижать неясные налоги, в первую очередь издержки на услуги естественных монополий. Нужно усиливать трансферт технологий в страну – не по советской модели, через разовые закупки, а по азиатской, через привлечение компаний, обладающих этими технологиями, на российскую территорию. Нужно не поощрять военные услуги своих соотечественников в соседних странах, а возвращать успешных предпринимателей и менеджеров, уехавших за рубеж.

Четвертой мерой могло бы стать новое целеполагание в стратегии развития России. В экономике XXI века доминируют отрасли, где происходит постоянное снижение издержек при совершенствовании потребительских качеств товара (IT и коммуникации, новые источники энергии) – но в России этих отраслей практически нет. Сформировать и развить их может только частное предпринимательство, а не государство, тем более не озабоченное

ничем, кроме «безопасности». Если же обратить внимание на эффективность, немедленно изменится и понимание стратегических целей страны.

Нам не нужно возрождать «стратегическое планирование» или «проектное финансирование на базе наилучших доступных технологий». Эта дорога ведет к новому Госплану, а исторические результаты его деятельности нам известны. Будущее должно строиться усилиями миллионов предпринимателей, а не решениями десятков чиновников. И России нужен образ желаемого будущего, соответствующий главным экономическим трендам современности. Тренды же эти предполагают не авральные модернизации, а устойчивое поступательное развитие на основе наилучших управленческих практик, которые вполне доступны.

В правительстве начинается дискуссия о том, откуда взять средства для ускорения экономического роста. Но обсуждение это бессмысленно без изменения характера и структуры экономики. Источники денег в нормальной стране понятны: это либо прибыль успешных фирм, либо привлечённые рыночным способом инвестиции на базе частных накоплений под эффективные с точки зрения рынка проекты. И хотя ситуация в этом смысле непростая, важнее все-таки проблема «активов», т.е. реального предпринимательства, а не «пассивов» - источников средств. Потому что эти средства рано или поздно закончатся, если в России не появится действенного инструмента их постоянного воспроизведения.

Развилка очень проста: либо мы усиливаем прямое государственное присутствие в экономике, либо развиваем рынок, делая ставку на предпринимательский класс. Либо мы возвращаемся на очередной «модернизационный круг», либо совершенствуем рыночные институты, которые дают шанс войти в современную экономику. Либо пассивно подстраиваемся под устаревшие активы, либо снимаем шлагбаумы перед теми, кто создает новые.

В.В. КОМАРОВА
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ

(Россия, Москва)

Вопросы правового регулирования сферы энергетических отношений представляют особый интерес не только для практических работников энергетической отрасли, но и для конституционалистов. К сожалению, голос последних в правовом регулировании обозначенной сферы достаточно слаб.

Между тем, основные вопросы энергетической сферы, по мнению автора, должны регламентироваться исходя из норм и духа Конституции России.

Новелла конституции страны – провозглашение прав и свобод высшей ценностью и обязанность всех органов власти ею руководствоваться, обязывает

по иному взглянуть на современное и перспективное регулирование сферы энергетики.

Одной из проблем создания новой национальной доктрины регулирования энергетических (инфраструктурных) отраслей является обеспечение необходимого баланса частных и публичных интересов в правовом регулировании. Важно определить должное соотношение между публично-правовым и частно-правовым регулированием в этой сфере. Перекос в сторону административного регулирования создает неоправданные препятствия и барьеры для входа на рынок и конкуренции. Игнорирование публичного компонента регулирования и переход исключительно на частноправовые методы не позволяют обеспечить защиту общих интересов. Международный опыт показывает, что сотрудничество между публичным и частным сектором, которое на практике часто осуществляется в форме государственно-частного партнерства, является высокоэффективным способом развития и управления различными объектами публичной инфраструктуры. Современная Россия предпринимает первые шаги в сфере наделения институтов гражданского общества правовым статусом в энергетической сфере [3. с. 46; 2. с.90].

Энергетический сектор обеспечивает жизнедеятельность всех отраслей национального хозяйства и имеет важное, не только чисто экономическое, но и политическое и идеологическое значение, способствуя консолидации и сотрудничеству всех субъектов Российской Федерации.

важную роль энергетического сектора в социально-экономических процессах современной России. Как сказано в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2020 г., "природные топливно-энергетические ресурсы, производственный, научно-технический и кадровый потенциал энергетического сектора экономики являются национальным достоянием России. Эффективное его использование создает необходимые предпосылки для вывода экономики страны на путь устойчивого развития, обеспечивающего рост благосостояния и повышение уровня жизни населения".

Целью энергетической политики России является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций [4].

Энергетика является частью внутренней и внешней политики России. Сотрудничество в области энергетики - "тест или контрольный вопрос" для дальнейшего развития всех областей российско-европейского стратегического партнерства.

Энергетика становится фундаментальной областью двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества, которая дает импульс развития или становится препятствием европейской и российской экономике в целом, взаимосвязана с вопросами экологической безопасности, устойчивого развития и технологического прогресса и модернизации.

Наличие в зарубежной практике частно-публичных доктрин регулирования социально важных секторов экономики является подтверждением того, что сфера энергоснабжения не может регулироваться только лишь в плоскости частного права, поскольку в ней объективно заложены публичные, социально значимые интересы, требующие наличия специальных правовых механизмов регулирования и защиты.

Очевидно, что в России еще не сложилось понимание социально-публичной роли энергетики как инфраструктурной и жизнеобеспечивающей отрасли. В связи с тем, что прежняя модель регулирования была основана на монопольном управлении со стороны государства-собственника основных энергетических активов. С введением рыночных механизмов, сопровождающихся приватизацией производства и сбыта, а также в условиях свободных цен возникают проблемы защиты потребителя публичных услуг, в том числе в сфере энергетики [1. с 17].

Будучи убежденным в том, что сфера энергетики должна исходить из конституционных норм и установлений, конституционных ценностей в большем мере, чем это существует сейчас, автор предлагает свое видение конституционных основ энергетики.

Теоретическая основа «энергетического права» в России сегодня отличается большим разнообразием. Энергетическое право сегодня рассматривается как:

- самостоятельная отрасль национальной правовой системы;
- комплексная отрасль национальной правовой системы;
- комплексный институт национальной правовой системы;
- подотрасль предпринимательского права;
- отрасль законодательства в национальной правовой системе;
- самостоятельная отрасль национальной правовой системы;
- комплексной отрасли энергетического законодательства.

Последнее определение, с точки зрения автора, наиболее обоснованно, поскольку комплексная отрасль энергетического законодательства состоит из правовых комплексов, регулирующих энергетические отрасли.

Конституционные основы энергетической деятельности можно определить как совокупность конституционных принципов и норм, прямо и косвенно закрепляющих права, обязанности, ответственность и систему гарантий государства, органов и должностных лиц публичной власти, общества, человека, субъектов топливно-энергетического комплекса при его формировании, а так же при производстве, распределении и потреблении продуктов его деятельности; планирование использования и восстановления природных топливно-энергетических ресурсов.

Большинство основ конституционного строя являются базой для регламентации сферы энергетики:

- демократизм и народовластие - влияет на участие народа, институтов гражданского общества в решении вопросов в рамках энергетической сферы.

- принцип разделения властей и федерализм влияет на источники регулирования (по субъекту, территории действия, предмету).

- права и свободы человека – высшая ценность являются базой для работы всех органов публичной власти, принципом жизнедеятельности институтов гражданского общества.

Социальное государство призвано эффективно решать задачи социально-экономического развития, удовлетворения насущных потребностей общества и законных интересов граждан. Социальное государство проявляется в социальной направленности законодательства в обозначенной сфере. Проявляется в целевой направленности использования природных ресурсов на благо жителей территории; восстановительный и компенсационный характер нарушений прав человека.

Конституционные основы рыночной экономики – правовой режим собственности в сфере энергетики и специфика прав собственника в этой сфере; гражданское, налоговое, антимонопольное законодательство и т.д.

Конституционные принципы гарантированности единства экономического пространства; провозглашение земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; возможность нахождения земли и других природных ресурсов в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности – основа рыночной экономики, являются основой для правового регулирования не только правового режима собственности в сфере энергетики, но и устанавливают специфику прав собственника в этой сфере.

Нормы Конституции Российской Федерации условно разделяем на две группы в зависимости от участия в закреплении и регулировании основы энергетической деятельности:

первая - непосредственно посвященные энергетическим отношениям (ст. 9, ст. 36, пункт "и" ст. 71 Конституции России);

вторая - опосредованно участвующие в их регулировании (ст. 2, 17 и 18; ст. 1 и 7; ст. 8; ст. 45 - 48; п. "а" ст. 71; п. "а" ст. 72; п. "к" ч. 1 ст. 72; ст. 76 Конституции России).

Исходя из структуры Конституции Российской Федерации, так же возможна классификация конституционных норм в области энергетической деятельности. Она включает три группы:

- 1) нормы, устанавливающие основы конституционного строя;
- 2) нормы, определяющие права, свободы и обязанности человека и гражданина;
- 3) нормы, закрепляющие права и обязанности органов государственной власти федерального уровня и субъектов федерации.

Особенностями проявления публичной сферы посредством влияния конституционного права на сферу энергетике могут быть названы:

1. Имплементация норм и общепризнанных принципов международного права: дальнего и ближнего зарубежья, значимая зависимость норм международного уровня на национальное законодательство в обозначенной

сфере. Национальное законодательство в области энергосбережения во многом предопределяется международными обязательствами России.

2. Конституционные нормы, в основном, косвенно закрепляют сферу энергетики (прямо только п. "и" ст. 71). Остальные конституционные нормы устанавливают базу, служащую основой правового регулирования энергетической сферы.
3. Предметом конституционного регулирования являются:
  - законные интересы: государства, общества, человека – симбиоз, конгломерат интересов – сочетание публичных и частных интересов;
  - права: государства, общества, человека, народов;
  - топливно-энергетический комплекс;
  - природные ресурсы и окружающая среда;
  - широкий круг субъектов энергетической сферы и их правовой статус.
4. Трехуровневое регулирование с участием населения (в основном, на уровне муниципальной власти), институтов гражданского общества.
5. Широкий круг источников, выражающийся в различных формах (соглашения, доктрины, концепции, стратегии и т.д.) и не традиционных субъектах регулирования (напр., госкорпораций); с превалирующим подзаконным регулированием.

Литература

1. Комарова В.В. Сфера энергетики и правовой статус человека // Аграрное и земельное право. 2014. № 9. с.17-23.
2. Комарова В.В. Институты гражданского общества в решении вопросов общественной и государственной жизни // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса: опыт России и зарубежных стран: Материалы международной научно-практической конференции. - Саратов: Саратовский источник, 2012. - С. 89-93.
3. Комарова В.В. Сфера энергетики и институты гражданского общества // Российский электронный научный журнал. Издательство: Башкирский государственный аграрный университет (Уфа) ISSN: 2308-9644 2013. № 4. С. 42-51.
4. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 N 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // "Собрание законодательства РФ", 30.11.2009, N 48, ст. 5836.

С.Л. ПАРАМОНОВА

ЗНАЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРИ ИНОСТРАННОМ ИНВЕСТИРОВАНИИ И ИХ СИСТЕМА

(Германия, Фрайбург)

На приток капитала и на создание благоприятных условий для инвестиций, обеспечивающих стабильность инвестиционного климата, влияет множество факторов. Одну из основных позиций при формировании благоприятного инвестиционного климата занимают инвестиционные гарантии [1].

Главное назначение гарантии - обеспечение защиты прав иностранных инвесторов в случае причинения ущерба их собственности в результате действий государства - реципиента и его органов.

А.В. Камелькова, А.А. Анищенков, В.А. Трапезников отмечают, что основной проблемой инвестора является обеспечение надлежащей защиты собственности и получение определенных гарантий от принимающего государства [2; 3; 4].

У каждой страны, включая национальный и международный уровни, сложилась своя специфическая **система гарантий**. Системы (например, двух различных государств), имея даже одинаковый набор инвестиционных гарантий, могут представлять из себя совершенно различные механизмы защиты прав инвестора. Отличие системы и каждой гарантии в отдельности будет прослеживаться, во-первых, в *национальном законодательстве* (в общем или специальном инвестиционном, если оно имеется в том или ином государстве): насколько оно подробно разработано, внятно представлен гарантийный механизм, какие гарантии закреплены, критерии их предоставления; во-вторых, в *двусторонних соглашениях* о защите и поощрении капиталовложений: с какими государствами они заключены, какие дополнительные инвестиционные гарантии они предоставляют, или каким образом облегчают и уточняют вопросы, в том числе процедурные, применения гарантии; в-третьих, в *многосторонних международных договорах*, разрешающих вопросы инвестиционных гарантий, закрепляющих общие нормы для нескольких государств и целых регионов.

В данной статье рассматриваются некоторые особенности систем гарантий, выраженных в национальном законодательстве ряда отдельно взятых стран.

Каждое государство самостоятельно решает, необходимо ли ему специальное **законодательство, регулирующее инвестиционные отношения**, в частности, предоставления дополнительных гарантий иностранному инвестору. Некоторые государства (США, ФРГ, Франция, Великобритания, Япония и др.), где сложилась традиция относительно стабильно действующего правопорядка, отказываются от предоставления дополнительных привилегий иностранному инвестору по сравнению с национальным, так как это ограничивает конкуренцию со стороны отечественных товаропроизводителей.

Например, в Федеративной Республике Германии ранее действовал Закон «Об иностранных инвестициях» (Auslandsinvestitionsgesetz) от 28 июля 1969 года (с изменениями от 1996 г.), в преамбуле которого говорилось, что закон регулирует основные принципы порядка осуществления иностранных инвестиций на территории Германии и положения, касающиеся налогообложения иностранных инвестиций [5]. В настоящее время данный Закон не действует. Вопросы, связанные с иностранными инвестициями, решаются на основе общего законодательства.

Специальные законы об иностранных инвестициях приняты, относятся к принимающим. При этом специальное законодательство может опираться на

конституционные положения. Например, Конституция КНР 1982 г. говорит о защите прав иностранных инвесторов законами КНР [6]. Это конституционное положение далее было расширено в «Общих положениях гражданского права КНР» (1986 г.), Законе о компаниях (1986 г.), Законе о предприятиях иностранного капитала (1986 г.) и т.д. [7].

Со времен окончания Второй мировой войны Тайвань проводил политику «открытых дверей» и поощрения иностранных инвестиций. В связи с этим были приняты ряд законов, касающихся этой сферы: Закон об инвестициях иностранных граждан 1954 г. (гарантировал свободный и бесплатный перевод дивидендов иностранными инвесторами), Закон об инвестициях китайцев, проживающих за рубежом от 1955 г. (гарантировал свободный и бесплатный перевод дивидендов китайцами, проживающими за рубежом), Закон о поощрении инвестиций от 1960 г. (в 1971 г. добавлены положения о развитии рынка капитала, в 1981 г. также добавлены положения о поощрении исследований и опытных разработок, приобретения оборудования, слияний в стратегических отраслях промышленности. В 1991 г. этот Закон заменен Законом о промышленной модернизации) и другие.

Главная цель специального законодательства в этой области – обеспечить надлежащую защиту прав иностранного инвестора (поскольку общее законодательство порой не позволяет этого), обеспечить дополнительные привилегии иностранному капиталу для его привлечения. Разные государства пытаются достичь этой цели по-разному, но не всегда эффективно.

Одни государства закрепляют *большой перечень инвестиционных гарантий*, что, безусловно, является привлекательным для инвестора. Например, в Российской Федерации в настоящее время действует принятый в 1999 г. Федеральный Закон «Об иностранных инвестициях в РФ» [8] (далее Закон об иностранных инвестициях), который иначе в литературе именуют Законом о государственных гарантиях осуществления иностранных инвестиций в Российской Федерации [9] или Законом о защите иностранных инвестиций [10, с. 38]. Дело не столько в количестве статей, отведенных этому предмету (11 статей из 28, имеющих в законе), сколько в общей направленности Закона. Уже в Преамбуле вопрос о гарантиях вынесен на первый план.

В Декрете Кабинета министров Украины «О режиме иностранного инвестирования» от 20 мая 1993 г. государственным гарантиям защиты иностранных инвестиций посвящается отдельный раздел (второй): ст.7 - ст. 13, всего 8 статей. Здесь представлены основные гарантии, в том числе, гарантия от изменения законодательства (ст.8), отдельно от гарантии компенсации и возмещении убытков, в отличие от российского закона, предусмотрена гарантия от принудительного изъятия (ст.9), гарантия перевода доходов, прибылей (ст.12) и др.

В Законе Тайваня «О поощрении инвестиций» от 1960 г. закреплен ряд основных гарантий: гарантия репатриации инвестированного капитала и чистой прибыли; гарантия репатриации иностранного капитала или капитальных вложений спустя год после начала прибыльного бизнеса, исключая прибыль,

полученную от продажи земли; освобождение от реквизиции или экспроприации в течение 20 лет от начала прибыльного бизнеса при условии, что доля собственности составляет не менее 45 % общего уставного капитала; равные условия обращения и защиты, предусмотренные для местных компаний и др. [11].

Во 2-ом разделе об инвестиционных гарантиях Закона Республики Армении «Об иностранных инвестициях» от 31 июня 1994 г. – 6 статей.

Зачастую, закрепление большого количества гарантий, наличие отдельной главы или раздела об инвестиционных гарантиях отнюдь не является показателем эффективного механизма защиты инвестора, может быть даже наоборот, в одной статье прописано больше гарантий, чем в целом разделе. Наиболее яркий пример – это Закон «Об иностранных инвестициях в Кыргызской Республике» от 28 июня 1991 г., где в отдельном разделе об иностранных инвестициях закрепляется только две гарантии весьма общего содержания, о том, что споры рассматриваются в соответствии с законодательством Кыргызской Республики в судах или третейских судах и о добровольном и обязательном (предусмотренном в законодательстве) страховании иностранных инвестиций всего). Такой раздел практически не закрепляет ничего нового по сравнению с общим законодательством.

С другой стороны в Законе «Об иностранных инвестициях в Латвийской Республике» ст. 8 - единственная, закрепляющая гарантии, из которой следует как минимум три гарантии, где прописываются сроки и некоторые процедуры.

Иногда государства закрепляют большое **количество гарантий** в национальном законодательстве, но зачастую не прописывают должного механизма их реализации. Для подтверждения этого положения обратимся к российскому Закону об иностранных инвестициях от 1999 г. Перечисление гарантий – положительная черта названного закона, как пишет Т.Н. Нешатаева. Но беда в том, что все эти демократические статьи не снабжены механизмами, приводящими их в действие. Внимание уделяется лишь материально-правовым нормам, в то время как их процессуальная форма не регламентируется [10, с. 40].

Подтверждением этого тезиса также может служить любая из норм-гарантий в области защиты иностранных инвестиций. Например, Закон 1999г. предусматривает возможность экспроприации, реквизиции, национализации собственности иностранного инвестора. Не решен лишь вопрос о том, кто будет проводить эти меры. Можно предположить, что суд. Но возможно и создание иного юрисдикционного органа. В таком случае неясно по какой процедуре они будут действовать. В российском процессуальном законодательстве такие процедуры отсутствуют. Во Франции, например, принудительное изъятие имущества проводится по особой процедуре: с выездом на место, с проведением обязательной оценочной экспертизы, с привлечением специалиста и под руководством судьи-экспроприатора [10, с. 40]. Так, данная гарантия просто продекларирована, надлежащий механизм ее реализации отсутствует.

Белорусский законодатель, закрепляя в п. 2 ст. 11 Инвестиционного Кодекса гарантию от принудительных изъятий, указывает на иные виды изъятий кроме национализации и реквизиции, но не прописывает при этом также такой важный момент, что иные виды изъятия возможны лишь по решению суда. Также не указывает, что указанные меры не должны носить дискриминационного характера в отношении иностранного инвестора.

Как было отмечено в докладе экспертов МБРР, эффективность политики льгот зачастую нивелируется общей непоследовательностью и бессистемностью множества льгот и гарантий, отсутствием четких оснований их предоставления. Чем больше разнообразие предоставляемых льгот, чем чаще изменяются нормы, регулирующие их предоставление, тем негативнее это воздействует на фактор инвестиционной стабильности [14].

Подводя итог, невозможно утверждать, что при закреплении большого количества гарантий (в одной статье, разделе или главе) механизм гарантийного обеспечения заработает в полном объеме. Не менее важный аспект заключается в том, чтобы гарантии иностранному инвестору были не просто продекларированы, но и могли быть им фактически реализованы. Таким образом, механизм гарантий является одной из необходимых и эффективных составляющих при создании благоприятного инвестиционного климата.

Литература

1. Парамонова С.Л. Понятие гарантий прав иностранных инвесторов // Труды II международной научно-практической конференции "Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства". Новосибирск, 2013. С. 118-127.
2. Камелькова А.В. Понятие и становление института инвестиционной гарантии в международном праве // Российский ежегодник международного права. СПб., 2002. С. 273.
3. Анищенко А.А. Теоретические аспекты института инвестиционной гарантии в международном праве // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 132.
4. Трапезников В.А. Валютное регулирование в международном инвестиционном праве // СПБ Консультант-Плюс.
5. Auslandsinvestitionsgesetz vom 28.07.1969 // BGBl 1 S. 968; BStBl 1 S. 435.
6. Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 24.
7. Болюх А.Я., Шахов А.О. Законодательное обеспечение иностранного инвестирования в экономику (КНР-РФ) // Московский журнал международного права. 2001. № 4. С. 85.
8. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный Закон от 09.07.99 // Российская газета .1999, 14 июля.
9. Кучер А.Н., Никитин М.С. Новый федеральный закон «Об иностранных инвестициях» // СПБ Консультант-Плюс.
10. Нешагаева Т.Н. Иностранные инвестиции в Российской Федерации: правовое регулирование и судебная практика // Вестник ВАС РФ. 2001. Спецприложение к № 7. С. 38.
11. Закон Тайваня «О поощрении инвестиций» от 1960 г.: http://www.nlu.ru/library/bookshelf/whatisci/7_3/index.php.
12. World Bank Staff Working Papers "Investment Incentives for Industry". 1984. Note 21.

С.В. ТРУНОВА
ПОНЯТИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

(Польша, Варшава)

Смотря ежедневные новости, создаётся впечатление, что в мировой экономике всё зависит от транснациональных компаний, правительственных организаций и финансовых рынков. Многомиллионные слияния и поглощения, сокращения работников и смены владельцев фирм детально освещаются средствами массовой информации, в то время как на малые и средние предприятия в обществе внимания практически не обращается. На самом деле малые и средний бизнес является наиболее распространённой формой организации экономической деятельности в мире и часто основным поставщиком рабочих мест для населения, в том числе во время кризиса.

Малые и средние предприятия (далее – МСП) не имеют единого определения, то, что под ними понимают, может существенно отличаться в зависимости от состояния и развития экономики в стране, а также от целей для которых используется понятие. Согласно Всемирному Банку, существует более 60 понятий малого и среднего бизнеса среди 75 исследованных стран [1]. Более того, во многих странах определение по закону отличается от определения используемого в статистических целях.

Впрочем, определение типично требует, чтобы МСП было независимой фирмой, и базируется обычно на предельном количестве штатных сотрудников. Дополнительно, в понятие МСП часто включаются пороговые значения финансовых показателей, таких как объёмы ежегодных продаж, годовой доход или оборот (общая выручка минус косвенные налоги). Обобщенное наиболее простое определение можно сформулировать так: бизнес, доходы или численность работников которого сохраняются ниже определённого уровня.

Идея отделения малых и средних предприятий от крупных лежит далеко в прошлом, однако исторический аспект определения МСП выходит за рамки этой статьи, в которой будут освещены современные определения малого и среднего бизнеса в Европейском союзе, в Польше, в России и в США.

В отличие от тенденции создания всё новых и новых определений в большинстве развитых стран мира, страны Европейского Союза выбрали путь создания единого понятия. Первая современная попытка унифицировать различные понятия МСП и заменить полное их отсутствие в некоторых странах была предпринята в 1990 году Европейским Сообществом, которое предложило четыре критерия: количество штатных сотрудников, оборот фирмы, сводный бухгалтерский баланс и независимость (или автономия).

Данная попытка была расширена в 1996 году при издании Рекомендаций Европейской Комиссии (ЕК) [2] с первым общим определением малых и средних предприятий, которое было широко использовано странами-членами Европейского Союза. Текущее определение малых и средних предприятий

(Small and Medium-sized Enterprises) было установлено в Рекомендациях принятых ЕК 6 мая 2003 года, которые вступили в силу с 1 января 2005 года, и заменило ранее использовавшееся понятие с 1996 года.

Статья 2 Рекомендаций даёт следующее определение: «Категория микро, малых и средних предприятий предусмотрена для предприятий, в которых количество штатных сотрудников менее 250 человек и годовой оборот которого не превышает 50 млн. евро, и/или сводный баланс не превышает 43 млн. евро» [3]. Детали показаны в Таблице 1.

Категория предприятий	Число занятых (чел.)	Годовой оборот (млн. евро)	Годовой сводный баланс (млн. евро)
Средние	< 250	≤ 50 (40 млн. экю в Рекомендации ЕК 1996)	≤ 43 (27 млн. экю в Рекомендации ЕК 1996)
Малые	< 50	≤ 10 (7 млн. экю в Рекомендации ЕК 1996)	≤ 10 (5 млн. экю в Рекомендации ЕК 1996)
Микро или мелкие	< 10	≤ 2	≤ 2
		не учитывалось в Рекомендации ЕК 1996	

Таблица 1. Классификация МСП в Европейском союзе

Стоит отметить, что категории включают себя одна в другую, то есть согласно формулировке определения микро предприятия включены в понятие малые, и оба понятия включены в термин МСП. В новом определении финансовые критерии были повышены в связи со значительным развитием экономики с 1996 года, хотя предельные значения числа работников остались на предыдущем уровне. Дополнительно были добавлены финансовые критерии для микро предприятий, а также валюта экю заменена на евро, которое было введено ымежду этими рекомендациями [4]. Чтобы быть классифицированным как микро, малое или средние предприятие должно соблюсти предельные значения для числа работников, а также одно из финансовых ограничений – или годовой оборот, или годовой сводный баланс.

Интересно заметить, что в статье 2 Рекомендаций ЕК 1996 года [2] было отмечено, что будут вноситься поправки величины выбранных критериев в соответствии с необходимостью и каждые четыре года с момента принятия данных Рекомендаций, однако этого не было сделано до появления новых рекомендаций в 2003 году.

Новые Рекомендации предусматривают, что ученики и студенты на стажировке не учитываются в число штатных работников, для поддержки фирм предоставляющих возможность обучения молодёжи. В то же время, сотрудники находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком также не будут считаться.

Новое определение также принимает во внимание другой важный аспект бизнеса – отношения с другими предприятиями. Иногда эти отношения, особенно в случае значительных финансовых связей с другим предприятием, могут повлечь за собой невозможность классификации в качестве МСП. Кроме

количественных критериев упомянутых выше, должен быть соблюден критерий независимости предприятия или группа взаимосвязанных фирм по совместным показателем должна быть ниже обозначенных критериев. Относительно сложные положения для проверки соответствия критерию автономности изложены в статье 3 Рекомендаций ЕК 2003 года [3].

В Польше текущее определение малых и средних предприятий (*małe i średnie przedsiębiorstwa*) появилось в период гармонизации местного законодательства с правом Европейского Союза и стало использоваться одновременно со вступлением в силу Рекомендаций ЕК с 1 января 2005 года. Упрощенные положения этого определения были использованы в Законе о свободе экономической деятельности от 2 июля 2004 года [5] в целях установки продолжительности контроля экономической деятельности в зависимости от размера предприятия. Определение использованное в этом Законе не распространяется на государственную поддержку МСП, поскольку в этом отношении действует исключительная компетенция Европейского союза.

В России МСП регулируются Федеральным законом № 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" [6], который был принят в 2007 году и вступил в силу с 1 января 2008 года. К субъектам малого и среднего предпринимательства могут быть отнесены юридические лица, индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства, за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий. Представленной ниже таблице 2 обобщены критерии отнесения к МСП в соответствии со статьёй 4 ФЗ № 209-ФЗ.

Категория предприятия	Средняя численность работников	Выручка без учёта НДС или балансовая стоимость активов (млн. руб / млн. евро) [7]
Средние	< 250	≤ 1 000 / 20
Малые	< 100	≤ 400 / 8
Микро	< 15	≤ 60 / 1,2

Таблица 2. Критерии отнесения к МСП в Российской Федерации.

Полное название финансового критерия – «выручка от реализации товаров (работ, услуг) без учета налога на добавленную стоимость или балансовая стоимость активов (остаточная стоимость основных средств и нематериальных активов) за предшествующий календарный год». Текущие предельные значения установлены Постановлением Правительства РФ № 101 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» [8].

В Законе 1995 года, который действовал перед принятием ФЗ № 209-ФЗ, количественный критерий числа работников зависил от отрасли: в розничной торговле и услугах до 30 чел., в фермерстве, науке и технологиях до 60 чел., в строительстве и транспорте до 100 чел. [9]. В настоящее время в России критерии одинаковы для каждой отрасли. Интересно, что перед принятием

текущего закона в российском законодательстве не было категории «средних предприятий», только малые и крупные.

Дополнительное условие принадлежности к МСП в России подобно критерию автономности в европейском законодательстве и применяется только к юридическим лицам - суммарная доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном капитале не должна превышать 25%, доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами МСП, не должна превышать 25 %.

Сравнивая определения МСП используемые в российском и европейском законодательстве, отчетливо видно что верхний предел числа работников совпадает (250 чел.), хотя внутри категорий «микро» и «малые» российские критерии выше 15 вместо 10 для микро и 100 вместо 50 для малых. С моей точки зрения, эти отличия можно объяснить менее капиталоемким производством и меньшей автоматизацией труда в России. Более того, страны-члены Европейского союза стандартно определяются как развитые, в то время как Россию принято относить к развивающимся.

Подход, используемый в США существенно отличается – отсутствует единый способ определения МСП, есть зависимость от отрасли и вида экономической активности предприятия. Размер предприятия определяется числом работников или средним годовым доходом, включает не только само предприятие, но и его дочерние и зависимые фирмы. Управление делами малого бизнеса (The Small Business Administration) пошло гораздо далее чем российский и европейский законодатель и определило критерии для более чем 600 различных видов деятельности [10]. Два самых распространённых: 500 чел для большинства производств и горнодобывающей промышленности и 7 млн. долларов (около 5,6 млн. евро) средней выручки для непромышленной деятельности.

Критерий числа работников разнится от 100 до 1500 чел, а финансовый от 750 тыс. долларов до 35,5 млн. долларов. Считаю, что такие различия оправданы и отражают специфику каждого вида деятельности. Среднее предельное значение штатных работников в США в два раза используемое в ЕС и в России, что можно объяснить эффективностью и размером экономики Соединённых Штатов. Финансовые критерии, к сожалению, не подлежат сравнению, т.к. средняя выручка не используется в других странах.

Все определения объединяет как минимум одно - их назначение всегда связано с государственной политикой в отношении МСП: регистрации, отчётности, государственной помощи, контроля справедливой конкуренции.

Используемые критерии не совершенны, например, компании полагающихся на капиталоемкое производство будут относиться к МСП, в то время как фирмы с трудоёмкими процессами могут быть отнесены к крупным. В случае работы по сменам, количество работников также будет завышено и фирма может не оказаться среди МСП. Финансовый критерий подтвержден

влиянию инфляции – так что непосредственное сравнение динамики развития невозможно даже между странами-членами Европейского Союза. Для индивидуального предпринимателя, например, трудно отделить его личное имущество от собственности фирмы при подсчёте сводного баланса.

С другой стороны не стоит сосредотачиваться на отсутствии единого определения и числа работников в МСП, поскольку оно не может рассматриваться в изоляции от размера рынка и экономики страны. Например, фирма с 50 работниками в США будет относительно меньше, чем фирма с 50 работниками в Латвии, в связи с размерами американской экономики. Более того, другие характеристики фирм, такие как степень неформальности или уровень технологической сложности процесса могут значить гораздо больше чем количество работников в качестве критерия отношения к МСП [11, стр.7].

В связи с ролью, которую играют МСП на международном уровне идея найти общее определение очень привлекательно, так как оно позволило бы установить универсальные критерии финансирования, статистических исследований и вложения инвестиций.

Литература

1. Small and Medium Enterprises across the globe: New Database. World Bank Policy Research Working Paper 3127, August 2003. <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-3127> [дата доступа: 04.10.2014]
2. Commission Recommendation of 3 April 1996 concerning the definition of small and medium-sized enterprises (96/280/EC). <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1996:107:0004:0009:EN:PDF> [дата доступа: 01.10.2014]
3. Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises (2003/361/EC). <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:124:0036:0041:EN:PDF> [дата доступа: 01.10.2014]
4. Курс обмена 1 евро = 1 экю был использован после введения евро во всех актах законодательства Европейского Союза.
5. Онлайн система законодательных актов польского Сейма. Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej. <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU20041731807> [дата доступа: 05.10.2014]
6. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации". Правовая база КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157188/. [дата доступа: 05.10.2014]
7. Рассчитано исходя из курса 1 евро = 50 рублей.
8. Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2013 г. № 101 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». Правовая база КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141973/#p11 [дата доступа: 05.10.2014]
9. Федеральный закон от 14.06.1995 N 88-ФЗ (ред. от 02.02.2006) "О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации". Правовая база КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58304/ [дата доступа: 05.10.2014].
10. Electronic Code of Federal Regulation. U.S. Government printing office official web-page. <http://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?>

c=ecfr&sid=17a8b75b6d39a91bd4e087a6f4339059&rgn=div5&view=text&node=13:1.0.1.1.17
&idno=13#13:1.0.1.1.17.1.267.1 [дата доступа: 05.10.2014].

11. K. Hallberg. A Market-oriented Strategy for Small and Medium Scale Enterprises, Tom 63. World Bank Publications. 2000.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

Е.А. БАБУШКИНА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ПОЗИТИВИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

(Россия, Новосибирск)

Конец XIX и начало XX веков в развитии русской государственно-правовой мысли могут быть охарактеризованы через господство позитивизма в науке. Под сильным влиянием западных европейских идей отечественные ученые, широко используя сравнительный правовой метод, размышляли на страницах печати о происхождении и признаках государства, сущности права и его источниках.

В издаваемом с 1875 г. многотомном курсе «Начала русского государственного права» и других не менее примечательных своих трудах выдающийся российский правовед А.Д. Градовский, основываясь на взглядах Г. Спенсера, развивал идею, затем подхваченную в частности Е.Н. Ефимовым, о государстве как социально – историческом явлении, образующимся путем медленного эволюционного развития. Человек должен был пройти предварительно целый ряд постоянно расширяющихся форм общения, которые его дисциплинировали и подготавливали к тому, чтобы сделать членом единого человечества. Такими формами являются семья, род («разросшаяся семья», связь по общности происхождения), племя (союз родов, связи – общий язык, обычаи, предания), государство (связующий элемент – власть), представляющие собой исторические вехи в развитии человеческой общности [1.С.12].

Основываясь на взглядах Руссо о свободе, А.Д. Градовский делал вывод, что люди соединились в общество для того, чтобы провести и обеспечить границы свободы каждого. Цель общества достигнута, когда эти границы проведены и обеспечены на равных для всех условиях и самое общество исключительно есть не что иное как умение совместить множество свобод множества людей, составляющих это общество [2. С. 358]. При этом ученый считал, что общество основано не на договоре, а развилось и устанавливалось помимо воли человека, представляет собой совокупность самостоятельных лиц, стоящих относительно осуществления своих целей, друг подле друга, и связанных единственно повиновением общим законам, а назначение общества в ограничении тех естественных прирожденных прав, которые человек имеет уже в состоянии естественном, но гарантии которых он ищет в состоянии общественном. А.Д. Градовский относился к государству не как к вечному и неизменному историческому институту, а рассматривал его как определенный этап развития социальных отношений. Постепенно из понятия собственности, церкви, семьи, общины образуется понятие государственной власти. Дальнейшая эволюция связывается автором с определенным состоянием

общественного сознания, когда появляется идея государственности вообще [3. С. 49].

Основываясь на своих размышлениях о государстве, профессор Градовский определяет, что наука государственного права исследует законы правильного государственного развития, организации общественных сил, подготавливает к общественной деятельности, выясняя прямые обязанности гражданина и просвещая общественную совесть [4. С. 3].

Яркий представитель позитивистской теории права в России профессор Коркунов, отрицая состоятельность договорной, экономической теорий происхождения государства, рассматривая как более основательные теорию завоевания в трудах Гумплевича и теорию коллективной борьбы Шеффле, основной причиной, порождающей образование государства, признавал не завоевание одного племени другим, а борьбу между различными племенами, приводящую к большей их сплоченности и к возникновению в каждом из них объединяющей власти первоначально только во время войны, но затем получающей значение и в мирное время [5. С. 34].

Государство – общественный союз, утверждал Коркунов Н.М., представляющий собой самостоятельное и признанное принудительное властвование над свободными людьми.

При этом, по мнению профессора, нет необходимости включать в указанное определение, как это делают большинство публицистов, другие признаки – указание на происхождение государства, на его цель, органическую природу, национальный характер, связь с территорией и т.д.

С юридической точки зрения Коркунов Н.М. рассматривал государство как юридическое отношение самостоятельного принудительного властвования, субъектом которого являются все население государств, объектом – самая власть принуждения, а содержание составляют права участия во властвовании и обязанности повиновения.

Сообразно с этим наука государственного права определяется автором как учение о юридическом отношении государственного властвования, имеющее своей задачей изучение государства с одной только юридической стороны.

В литературе как правило первым и неизменным обязательным признаком государства указывается власть.

А.Д. Градовский называл признаками власти суверенитет, неделимость, абсолютность, повсеместность, непреодолимость, неответственность, непрерывность. Разделяя идею самоограничения власти правом, считал предпочтительной для российского государства конституционную монархию, как наиболее соответствующую исторически сложившимся народным традициям [2. С. 143-165].

Революционные потрясения в Европе XIX в. для А.Д. Градовского послужили побудительным мотивом для теоретического неприятия революционного пути общественных преобразований.

В иных общественных условиях в 1916 г. Е.Н. Ефимов, сравнивая монархию и республику, делает выбор в пользу последней, обладающей

неоспоримым преимуществом «монарх – лицо наследственное и безответственное... президент же лицо выборное и ответственное» [1. С. 60].

По мнению Е.Н. Ефимова государственную власть отличают принудительный характер, верховенство, самостоятельность или независимость (суверенность), неограниченность. При этом государственной власти необходимо считаться с правосознанием общества [1. С. 31-34].

Н.М. Коркунов определял власть как силу, обусловленную не волей властвующего, а сознанием зависимости подвластного; государственная власть не чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства [6. С. 246]. Носителем государственной власти являются не одни органы государства, а все государство, все граждане. По мнению профессора, власть всегда связана с принуждением, осуществляется над свободными людьми, а отличительную особенность государственного властвования составляет, как это справедливо указал Еллинек, самостоятельность (не неограниченность, не суверенитет, которые могут отсутствовать, к примеру, в союзных государствах) [4. С. 3].

В своих трудах Н.М. Коркунов отстаивает «правомерность» осуществления государственной власти, которая может быть достигнута двумя путями: созданием представительных, ограниченных монархий, как это произошло на Западе, или путем «правомерной, но самодержавной монархии», выработавшейся в России, высказывается в поддержку развития России по пути фактического ограничения абсолютизма в интересах обеспечения буржуазных гражданских прав и свобод [7]. Идея ученого о связанности государства правом многим авторам позволила отнести Н.М. Коркунова к числу правоведов, разделявшим основные идеи правового государства.

При анализе теории разделения властей А.Д. Градовский отмечает, что законодательная власть - исключительный атрибут государственного самодержавия, большое внимание уделяет в своих трудах власти судебной, призванной восстанавливать народные права. Положительно ученый оценивал преобразования Александра II и в частности введение Судебных Уставов, отменивших обязанность судов в случае отсутствия точного и ясного закона приостанавливать решение дела и представлять его на разрешение в законодательном порядке, выступал против признания судебного прецедента источником права, но за единообразное судебное применение законов [8].

В своих трудах Н.М. Коркунов, в концепции разделения властей как различных функций государственной власти, особое внимание уделял организации суда. Только независимый суд, осуществляющий судебную проверку законодательных и правительственных актов (а не сам парламент или правительство), может, по его мнению, являться политической гарантией правового государства [9].

Определение права сводилось у А.Д. Градовского к принудительно-властным нормам, развившихся из семейных правил – «первобытного права», не имевшего общих принципов и носивших случайный характер. Исходя из позитивистского взгляда на право, ученый подверг критике естественно-

правовую теорию, считая ее «противоисторической». Ученый отмечал главную ошибку теории естественного права, представители которой утверждали, что не общество первично, а право [6. С. 17-18].

В учении Н.М. Коркунова право рассматривается мыслителем как вид объективно выраженных социальных норм (объективное право); как интересы и притязания отдельного лица (субъективное право); как правоотношения; как индивидуальное и коллективное правосознание; как один из элементов общественной жизни. Ученый утверждал, что главным содержанием общественной жизни является столкновение различных интересов: политических, юридических, экономических и др. Рассмотрев достоинства и недостатки теорий Р. Иеринга (право как охрана интересов) и С.А. Муромцева, Н.М. Коркунов формулирует собственное понимание права как средства разграничения интересов людей [10. С. 12-13.].

В отличие от нравственности право, писал ученый, дает не оценку интересов отдельных личностей, а их разграничение. В первобытном обществе право по содержанию практически сливается с нравственностью в силу отсутствия разнообразных нравственных воззрений, подчинения исстари установленным нравам. С развитием общественной жизни может так случиться, что право перестанет поспевать за более прогрессивными нравственными суждениями, однако при сильной правительственной власти, напротив, законодательство может исходить из нравственных понятий, далеко опережающих собой общий уровень нравственного развития данного общества [7. С. 47].

Е.Н. Ефимовым право определяется как совокупность взятых государством под свою защиту норм общественного поведения, которые разграничивают сферы индивидуальной свободы лиц в обществе и тем обеспечивают возможность их совместного существования, объективное право, устанавливая рамки индивидуальной свободы, разграничивает интересы и делает возможным сотрудничество людей для их удовлетворения [1. С. 65, 110]. В качестве источников права автор называет обычай и закон.

А.Д. Градовский источниками права называл закон, обычное право, автономическое право (юридические нормы, созданные различными общественными союзами для регулирования своей деятельности).

Н.М. Коркунов в своих работах рассматривал закон как один из источников права, и с этой точки зрения, во-первых, противопоставлял его обычаям и судебной практике, во-вторых, противопоставлял закон «теоретическому праву» (в современной науке – правосознанию), которое предшествует закону, в-третьих, считал, согласно своей концепции права как единства объективного и субъективного права, что закон выступает как нечто противостоящее правоотношениям, которые могли возникать и до закона. По мнению ученого необходимо строго различать юридические законы и законы естественных наук. Закон в общенаучном смысле действует неуклонно, ведь сам он есть не что иное, как обобщение наблюдаемого постоянства в явлениях. Такой закон не знает нарушений. Правовые же законы нарушаются постоянно,

так как они в большинстве своем выражают не то, что есть, а предписание того, что должно быть. Законы в общенаучном смысле неизменны (закон всемирного тяготения). Юридические законы не только различно применяются, но и сами чрезвычайно изменчивы [11].

В результате непосредственный источник права он видит не в государстве как таковом и не в государственном аппарате, а в самом обществе, в сознании подвластных и вытекающей отсюда силе, с помощью которой обеспечивается право [8].

Подводя итог сказанному следует отметить, что идеи русских позитивистов являлись важным этапом в развитии представлений о государстве и праве в России и не утратили своей актуальности и по сей день.

Литература

1. Ефимов Е.Н. Курс законовещения. Часть 1. М., 1916. – VIII. – 128 с.
2. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 624 с.
3. Гуторов В.А., Гуляк И.И., А.Д. Градовский – ученый и социально-политический мыслитель // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. IV. № 3. - С. 19-57.
4. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т.1. - СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 419 с.
5. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Пособие к лекциям. Т.1. Введение в общая часть. – СПб.: кн. магазин А.Ф. Цинзерлинга. – 1892. – 402 с.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1908. – 362 с.
7. Зорькин В.Д. Теория права Н. М. Коркунова // Правоведение. -1978. - № 3. - С. 80 – 86.
8. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 81 и др.
9. Поляков А.В. Государственно-правовое учение Н. М. Коркунова //Кодекс info. -2002. - № 5 - 6. - С. 117 – 126.
10. Шаповал О.В. Учение Н. М. Коркунова о праве: Автореф.дис...к.ю.н. -Краснодар, 2005. – 23 с.
11. Воротников А.А. Теоретические воззрения Н. М. Коркунова на право /А. А. Воротников. // Правоведение. -1996. - № 3 (214). - С. 16 – 19.

Н.В. ВЕРЛОС
РЕЦЕПЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ

(Украина, Запорожье)

Современное развитие Украины как суверенного, независимого, правового государства, ее качественно обновленное восприятие мировым сообществом предполагает необходимость научно-теоретического переосмысления и конституционного развития всего спектра общественно-политических отношений.

Общеизвестным является тот факт, что право является основным регулятором общественных отношений, а Конституция как основной закон государства является фундаментом и основным рычагом воздействия на определенный порядок в этой сфере. Именно поэтому, одним из наиболее адекватных и эффективных условий евроинтеграции является применение рецепции как универсального механизма модернизации Конституции Украины и в целом всей отечественной системы права. Как отмечает С.В.Ткаченко, рецепция является самым востребованным инструментом модернизации права. Ученый объясняет это, прежде всего тем, что правовые системы всех стран мира никогда не существовали и не существуют изолированно [1, с. 5]. Подобной точки зрения придерживается и Е.М. Денисова, которая отмечает, что в современном мире не существует ни одной правовой системы, которая исключительно развивалась бы за счет своих внутренних ресурсов, не взаимодействуя с правовыми системами других государств [2, с. 329]. В Украине же на сегодняшний день существует острая потребность в реформировании не только Конституции, а и всей системы отраслевого конституционного законодательства с целью стабилизации общественно-политической ситуации в государстве. Поэтому применение рецепции для конституционно-правовой модернизации может стать незаменимым инструментарием в процессе становления Украины как демократического, независимого, социального, правового государства.

Однако для дальнейшего исследования проблем применения рецепции как средства конституционного реформирования необходимо проанализировать семантику и этимологию самого термина «рецепция», ведь он применяется не только в правовой науке, но и в филологии, биологии, культурологии, литературе и т.д.. Но мы будем рассматривать его исключительно в юридическом аспекте, хотя и здесь ученые по разному трактуют этот термин. Собственно слово происходит от лат. «гесертіо», что означает принятие, прием и имеет два смысловых значения: 1) заимствование и приспособление данного общества к социологическим и культурным формам, возникшим в другой стране или в другую эпоху; 2) физиологически осуществляемое рецепторами восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение [3, с.444].

В юриспруденции также нет терминологического единства мнений в понимании рецепции. Так, одни ученые ее понимают как «заимствования чужеземного права» [4, с.575], другие как «процесс восприятия и приспособления к условиям определенной страны права, выработанного в другом государстве или в предыдущую историческую эпоху» [5, с.10]. Есть мнения относительно понимания рецепции «как заимствования системы общих взглядов отдельных сообществ людей или общества в целом относительно принципов (принципов) социального, политического, правового порядка» [6, с. 40] и даже «как ассимиляции определенным обществом чужих культурных моделей» [7, с.4]. З.П. Мельник предлагает рецепцию определять как «односторонний, добровольный процесс заимствования, восприятия и дальнейшего приспособления к условиям определенной страны более развитого права, созданного в другой момент времени или в другом государстве, с целью совершенствования и улучшения действия собственной правовой системы» [8, с.5]. Практически подобной является позиция Л.В. Сокольской, которая представляет рецепцию как разновидность правовой аккультурации и предлагает определять ее как односторонний процесс передачи элементов правовой системы социума-донора с обязательным усвоением социумом-реципиентом. К тому же инициатором рецепции, в данном случае, предлагается выступать стороне, желающей внедрить у себя частично или полностью правовую систему донора. Донор же, как правило, равнодушен к подобному процессу заимствования [9, с.1289].

Изложенные выше позиции ученых неоднозначны, однако большинство из них все же склоняется к мысли, что под рецепцией следует понимать определенное «заимствование». Хотя существует достаточно интересное с научно-теоретической и практической точек зрения мнение, высказанное В. В. Мантуровым, к которому вполне можно присоединится, а именно ученый предлагает считать такие явления как «заимствование», «адаптация», «восприятие», рассматриваемые в узком смысле, частями масштабного процесса «рецепции» права. В широком же понимании, рецепцию предлагается понимать как сложный процесс, включающий в себя не только процесс переноса норм (то есть их заимствования), но также и процесс внедрения этих норм правовой системой реципиента [10, с.108-109]. Действительно рассматривая рецепцию как феномен с одной стороны, и как процесс с другой, следует отметить, что дополнительно в высказанному хотелось бы добавить, что «заимствование», «адаптация», «восприятие», а также «интеграция», «гармонизация» являются отдельными частями единого целого.

Перед Украиной сегодня достаточно остро стоит вопрос о необходимости внедрения в практику построения государства норм европейского права, но делать это следует крайне осторожно, чтобы с одной стороны избавиться от правовой дисгармонии, а с другой не вызывать появление таких негативных правовых явлений как «правовая декультурация», «правовая аннигиляция» и «правовая мутация». Потому, что бездумное копирование норм международного

права без учета особенностей менталитета, традиций, обычаев может привести к совершенно противоположному результату.

Хотя следует отметить, что применение рецепции как инструмента модернизации и Конституции Украины и соответствующего отраслевого законодательства может способствовать сближению, унификации национальных правовых систем, регулирующих аналогичные отношения в европейских государствах, ориентированных на идеи антропоцентризма и гуманизма. То есть изменения эти, прежде всего, должны быть направлены на общие проблемы выживания человечества в условиях существующих глобальных угроз, таких как распространение ядерного оружия, экологические проблемы разрушения окружающей среды, социальное неравенство, бедность и т.д.. Отдельное внимание целесообразно уделить проблемам обеспечения реального надлежащего гарантирования прав человека и гражданина, ведь в этой сфере рецепция позволит расширить сферу международно-правовой защиты в том числе.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно констатировать, что теоретико-методологические и концептуальные основы трансформационных процессов, охвативших Украину в последнее время, заставляют взглянуть на построение современной государственности сквозь призму необходимости адаптации существующей национальной системы права в соответствии с требованиями европейской. Именно поэтому научное обоснование общей концепции имплементации европейских стандартов государственности во внутринациональное конституционное законодательство Украины, разработки механизмов реализации, последовательное внедрение в практику государственно-правового строительства, обусловлено теоретической и практической значимостью указанной проблемы, особенно в контексте подписания соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. К тому же провозглашенный Украиной политический курс на интеграцию в европейские межгосударственные структуры накладывает на наше государство высокие обязанности, поскольку требует не только выявления внутринациональных особенностей современных трансформационных процессов, но и разработки действенных механизмов гармонизации действующего законодательства Украины с правом Европейского Союза.

Литература

1. Ткаченко С.В. Рецепция права: идеологический компонент / С.В. Ткаченко. – Самара: СамГАПС, 2005. – 193 с.
2. Денисова Е.М. Проблема рецепции римского права в России / Е.М. Денисова // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2012. – Вып.32. – С.328-336.
3. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989 . – 622 с.
4. Юридический словарь / Гл. ред. С. Н. Братусь, Н. Д. Казанцев, С. Ф. Кечекьян и др. – М. : Госюриздат, 1953. – 782 с.

5. Азнагулова Г. М. Рецепция права как форма взаимодействия национальных правовых систем: автореф. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.01 – теория и история права и государства; история правовых учений / Гузель Мухметовна Азнагулова. – Казань, 2004. – 25 с.
6. Спиридонов А. П. Взаимодействие российского уголовного права с системами других государств: исторический аспект / А. П. Спиридонов // Научный вестник Омской академии МВД России. – №3 (34). – 2009. – С.37-43.
7. Томсинов В. А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1998. – № 4. – С.3-17.
8. Мельник З. П. Рецепція права як засіб вдосконалення правової системи (теоретико-правовий аспект): автореф. дисс. канд. юрид. наук 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових вчень / Зоя Петрівна Мельник. – К., 2009. – 14 с.
9. Сокольская Л. В. Виды правовой аккультурации / Л. В. Сокольская // Научные труды МГЮА. – 2009. – №6. – С.1287-1296.
10. Мантуров В. В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований / В. В. Мантуров // Сибирский юридический вестник. – 2012. – №4(59). – С.104-109.

А. Н. ИВАНОВСКАЯ
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОФИЦИАЛЬНОГО
ТОЛКОВАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО
КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ УКРАИНЫ

(Украина, Хмельницкий)

Для четкого и эффективного функционирования механизма правового регулирования общественных отношений необходимо правильное понимание норм права. Толкование правовых норм помогает всем субъектам права осознать смысл и понять содержание нормы. Знание официальных разъяснений содержания действующего законодательства позволяет глубоко понять истинный смысл правовых норм, значительно повышает качество правового регулирования общественной жизни. Занимая обособленное место в механизме правового регулирования, официальное толкование является одним из самых эффективных рычагов воздействия на общественные отношения и предусматривает не только правильное осознание пределов правового регулирования, но и использование в этих целях наиболее действенных правовых средств. Очевидным становится и то, что наиболее значимое положение в свете этого занимает официальное толкование Конституции и законов органами конституционного контроля.

Весомый вклад в исследование проблем официального толкования конституции и законов внесли такие известные ученые как: С. С. Алексеев, Ж.-Л. Бержель, В. Д. Брынцев, Р. Ф. Васильев, Е. В. Васьковский, Н. Н. Вопленко, М. А. Гредескул, П. Б. Евграфов, А. Н. Колодий, Н. М. Коркунов, В. В. Лазарев, Г. С. Лившиц, М. Н. Марченко, И. В. Михайловский, Т. Я. Насырова, П. А. Недбайло, В. С. Нерсисянц, А. С. Пиголкин, В. Ф. Погорилко, П. М. Рабинович, П. Рикер, М. В. Селиванов, А. Ф. Скакун, В. Е. Скомороха, И. Д. Слиденко, С. В. Тарановский, В. Я. Таций, В. М. Тесленко, Ю. А. Тихомиров, В. П. Тихий, Ю.

М. Тодыка, Т. Я. Хабриева, М. В. Цвик, А. Ф. Черданцев, В. Н. Шаповал, Г. Ф. Шершеневич, А. С. Шляпочников, А. М. Шульга, Б. С. Эбзеев, П. С. Элькинд и др. Однако анализ научно-юридической литературы, посвященной этой теме, свидетельствует о том, что, несмотря на значительное количество исследований, разработка теории и законодательное регулирование официального толкования еще не отвечает в полной мере потребностям современной юридической практики.

В Конституции Украины официальное толкование самой Конституции упоминается только один раз — в п. 2 ст. 150, где оно характеризуется как одно из полномочий Конституционного Суда Украины [2]. В п. 6 раздела XV Конституции «Переходные положения» зафиксировано, что до создания Конституционного Суда Украины толкование законов осуществляет Верховная Рада Украины. Из содержания данного положения логически вытекает, что с момента создания Конституционного Суда Украины Верховная Рада Украины лишается этого права. Именно это способствовало возникновению дебатов по поводу того, кто является субъектом официального толкования законов. Эти дебаты ведутся и по сей как на официальном уровне, так и в научных кругах. В теоретическом аспекте аутентичное толкование Конституции и законов имманентно присуще органу, принимающему названы правовые формы. Как считал М. Цвик, отсутствие у законодателя права официально толковать содержание принятых им законов не может положительно влиять на правоприменительную практику. Еще в римском праве подчеркивалось, что право толковать закон имеет лишь тот, кто наделен правом его принимать. Поэтому логичным и понятным является предложение вернуть Верховной Раде Украины право толковать закон [10, с. 9].

Однако с этой точкой зрения нельзя согласиться. Существует ряд причин, по которым право толкования конституции и законов Украины самым законодательным органом является нецелесообразным, а иногда и опасным. Как отмечает В. Е. Скомороха [4, с. 66], для того, чтобы растолковать правовую норму, исходя из общих принципов права, и тем самым обеспечить правильность ее применения, должен действовать независимый от законодателя высококвалифицированный орган, для которого толкования Конституции и законов является исключительной прерогативой благодаря его юридической природе. Официальное толкование должно быть чисто юридическим, а не политическим. Поэтому оно, как правило, не должно меняться с течением времени, исходя из соображений политической целесообразности. Если сравнивать официальное толкование Верховной Рады Украины и Конституционного Суда Украины, то в целом предпочтение следует предоставить последнему, признав его более пригодным для осуществления официального толкования. Об этом свидетельствует и порядок создания (от разных ветвей власти) профессионального состава, срок полномочий, детальное определение процедуры конституционного судопроизводства. Так, девятилетний срок полномочий Конституционного Суда Украины обеспечивает более стабильное толкование, чем пятилетний срок депутатских полномочий. К

тому же депутаты всегда являются политическими деятелями, а судьям запрещено как принадлежать к политическим партиям, так и заниматься политической деятельностью (что, безусловно, не является абсолютной гарантией от отдельных проявлений политических симпатий судей Конституционного Суда). Приход в парламент новых политических сил всегда связан с угрозой того, что новый депутатский корпус будет подходить к толкованию тех или иных норм из новых политических позиций. Поэтому, безусловно, нужно отдать предпочтение профессиональному толкованию Конституционного Суда [10, с. 60]. Эту точку зрения поддерживает В. Тихий [8, с. 40].

Конституция Украины уделяет внимание вопросу официального толкования Конституции и законов Украины, имея в виду исключительное полномочие Конституционного Суда Украины, но при этом не дает определение этому понятию. В Законе Украины «О Конституционном Суде Украины» [3] также не дается нормативное определение понятия «официальное толкование», а речь идет лишь о его основаниях (в. 93-94 Закона). В ст. 93 Закона акцентируется внимание на практические необходимости «в уяснение или разъяснении, официальной интерпретации положений Конституции и законов Украины».

По мнению В. Тихого, официальное толкование Конституции и законов Украины — деятельность Конституционного Суда в рамках законодательно установленных процедур с помощью апробированных наукой и практикой приемов и способов по устранению неопределенности понимания Конституции и законов Украины в форме нормативной или казуальной интерпретации с целью обеспечения законности и конституционного правопорядка [8, с. 42].

Толкование Конституции и законов Украины способствует совершенствованию технологии реализации положений (норм) Основного Закона. Поскольку развитие общества значительно опережает развитие права, конституционные нормы требуют определенной адаптации к реалиям сегодняшнего дня, то есть обновления Конституции без изменений ее текста. Осуществление полномочий в соответствии с урегулированной законом процедурой официального толкования, а также высокий профессиональный уровень восемнадцати членов Конституционного Суда — это основная гарантия обоснованной интерпретации, а следовательно, и полноценной реализации Конституции Украины. В связи с этим, является оправданным, применяя официальное толкование, Конституционному Суду предлагать свое понимание рассматриваемого вопроса, которое содержит в себе элементы новизны, не должно рассматриваться как вмешательство в компетенцию законодательной власти или нарушение принципа разделения властей. При этом официальное толкование должно быть таким, чтобы границы свободы, закрепленной в конституционных нормах, не были нарушены [5, с. 61].

По вопросам официального толкования Конституции и законов Украины Конституционный Суд Украины принимает решения, которые обязательны к исполнению на территории Украины, окончательны и не могут быть

обжалованы (ч. 3 ст. 150 Конституции Украины). В отличие от актов о конституционности, акты официального толкования правовых норм имеют свои особенности. Среди ученых-юристов нет единой точки зрения по поводу нормативной природы этих актов. Одни считают, что при рассмотрении дел о толковании Конституционный Суд может принять все необходимые меры для обеспечения надлежащей реализации положений Конституции, включая их нормативную конкретизацию. То, что решение Конституционного Суда по делам о толковании могут иметь нормативную природу, очевидно. Эти решения можно назвать «квазинормами» (чтобы не вступать в противоречие с теорией разделения властей), что совсем не умаляет их общеобязательного характера, а лишь создает предпосылки к следующему признанию их фактического статуса — статуса норм права [12, с. 8]. Другие ученые считают, что нельзя признавать нормативность актов Конституционного Суда Украины, в первую очередь, решений об официальном толковании, исходя из принципов, положенных в основу самой Конституции. «Признание за этими решениями не только юридической, но и нормативной природы привело бы к тому, что Конституционный Суд Украины был бы поставлен над всем государственным механизмом и даже над самой Конституцией Украины» [11, с. 113].

По нашему мнению, поскольку нормативное определение толкования в законодательстве Украины отсутствует, возможно Конституционный Суд Украины, исходя из его задач, может пользоваться некоторым пространством в толковании, осуществляя все необходимые меры по обеспечению надлежащей реализации положений Конституции Украины. В случае введения Конституционным Судом Украины новых правил официальное толкование не может рассматриваться как вмешательство в компетенцию законодательной власти или как нарушение принципа разделения властей. Как считает В. П. Тихий, решение Конституционного Суда Украины о нормативном толковании — это интерпретационный акт. Оно имеет нормативное содержание, поскольку содержит нормы-разъяснения, но не является нормативно-правовым актом, ведь главной функцией последних является установление новых норм права, отмена или изменение ранее действующих. Такой функции, такого качества решения Конституционного Суда Украины о нормативном толковании не имеют [9, с. 67].

По мнению В.А. Гергелийника, юридическая сила актов толкования полностью зависит от объекта толкования. И если толкование закона может быть изменено Верховной Радой через изменение закона, то толкование Конституции может быть скорректировано только после изменения нормы Основного закона государства. И хотя акты толкования Конституционного Суда Украины имеют некоторые признаки нормативности (имеют общегосударственный обязательный характер), однако они не могут рассматриваться как самостоятельные источники права. Они являются интерпретационными актами, имеют вспомогательный характер и могут быть применены только в связи с применением соответствующей нормы [1, с. 14].

С таким мнением нельзя согласиться, поскольку не всегда акт Конституционного Суда Украины об официальном толковании применяется как неотъемлемая часть нормы, которая толкуется. Это связано с тем, что тот или иной нормативно-правовой акт может отменяться, изменяться или приостанавливаться. Однако правовые позиции Конституционного Суда Украины, сформулированные в актах об официальном толковании, при отмене этого акта могут выступать как правовая основа для принятия вместо старого нормативно-правового акта или положения нового акта и требуют аналогичного официального разъяснения, а следовательно, может сохраниться и значение официальных разъяснений Конституционного Суда Украины.

В вопросе о последствиях решений об официальном толковании Конституционного Суда Украины в действующем законодательстве нет юридической определенности. Само решение об официальном толковании Конституции и законов Украины не влечет утрату силы определенными актами или отдельными положениями, как это происходит с решениями о конституционности законов и других нормативно-правовых актов. Однако оно может стать основанием для судебного обжалования в судах общей юрисдикции определенных решений, действий, если при их вынесении эти органы или должностные лица руководствовались неправильной интерпретацией своих полномочий, которые противоречат официальному толкованию, данному Конституционным Судом Украины. Как отмечает М. В. Тесленко, говоря о толковании Конституции, официальное толкование не может существовать само по себе, применяться самостоятельно, без положений Конституции Украины, которые интерпретируются. В этом случае акты Конституционного Суда Украины по своей юридической силе не уступают Конституции [7, с. 273]. Решение об официальном толковании, будучи в определенной степени частью Конституции Украины, являются высшими по своей юридической природе и поэтому должны стоять в иерархии нормативных актов над законами. Соответственно, решения об официальном толковании законов Украины по своей юридической силе должны стоять на уровне законов.

Исследование особенностей официального толкования, осуществляемого Конституционным Судом Украины, дает основания сделать следующие выводы. Наделение Конституционного Суда Украины правом официального толкования Конституции и законов Украины, которое является обязательным, свидетельствует о его исключительной прерогативе в этой сфере. На конституционном уровне официальное толкование Конституции и законов Украины является отдельной формой деятельности Суда. Официальный характер толкования, осуществляемого Судом, заключается в том, что оно осуществляется специально уполномоченным Основным Законом государственным органом, содержится в специальном акте Суда и является обязательным для всех субъектов права, что обуславливает его нормативное качество. Как результат, толкование становится обязательной составляющей положений юридических актов, интерпретируются [6, с. 32].

Осуществление органом конституционного контроля интерпретационной деятельности, предусматривающей официальное толкование Конституции и законов Украины, имеет особое значение ввиду правовой природы принимаемых им решений. Официальное толкование приобретает юридическую форму в виде завершеного правового акта (решения), направленного на обеспечение адекватного понимания и применения положений Конституции Украины всеми субъектами права. Однако вопрос последствий решений Конституционного Суда Украины об официальном толковании требует более четкого урегулирования, поскольку Конституция Украины имеет непосредственное и прямое действие, соответственно, и официальное толкование ее норм в случае возникновения пробелов в законодательстве способно заполнять их. Вместе с тем Конституционному Суду Украины в любых условиях (политических, социально-экономических) при толковании необходимо быть очень осторожным в попытках наполнения конституционных положений новым содержанием, чтобы не допустить изменения сущности Конституции Украины и не выйти при этом за пределы своих полномочий.

Литература

1. *Гергелійник, В. О.* Правові проблеми становлення та функціонування конституційної юстиції України [Текст] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 “Конституційне право” / В. О. Гергелійник. — К., 2000. — 18 с.
2. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96–ВР (Із змінами, внесеними згідно із Законами № 2222-IV від 08.12.2004, ВВР, 2005, № 2, ст.44; № 2952-VI від 01.02.2011, ВВР, 2011, № 10, ст.68; № 586-VII від 19.09.2013, ВВР, 2014, № 11, ст.142; № 742-VII від 21.02.2014, ВВР, 2014, № 11, ст.143) [Електронний ресурс] Верховна Рада України. Законодавство України. — URL : zakon.rada.gov.ua/go/254k/96-вр
3. Про Конституційний Суд України : Закон України від 16.10.1996 р. № 422/96–ВР [Текст] // Відомості Верховної Ради України. — 1996. — № 49. — Ст. 272.
4. *Скомороха, В.* Окремі питання поділу влади, визначення державної та судової влади, незалежності судової влади [Текст] / В. Скомороха // Вісник Конституційного Суду України. — 2000. — № 1. — С. 66.
5. *Тацій, В.* Межі тлумачення Конституційним Судом Конституції і законів України [Текст] / В. Тацій, Ю. Тодика // Вісник Конституційного Суду України. — 2002. — № 2. — С. 60–63.
6. *Тацій, В.* Правозахисний напрям інтерпретаційної діяльності Конституційного Суду України [Текст] / В. Тацій // Вісник Конституційного Суду України. — 2011. — № 4–5. — С. 32–41.
7. *Тесленко, М. В.* Судебний конституційний контроль в Україні [Текст] : монограф. / М. В. Тесленко ; вступ. ст. В. Ф. Погорилко. — К. : Ін-т державства и права им. В. М. Корецького НАН України, 2001. — 344 с.
8. *Тихий, В.* Офіційне тлумачення Конституції і законів України Конституційним Судом України [Текст] / В. Тихий // Вісник Конституційного Суду України. — 1998. — № 4. — С. 38–45.
9. *Тихий, В.* Правотлумачення Конституційним Судом України та правова природа його рішень [Текст] / В. Тихий // Вісник Конституційного Суду України. — 2001. — № 1. — С. 67–72.

10. Цвік, М. В. Про офіційне тлумачення законів України [Текст] / М. В. Цвік // Вісник Академії правових наук України. — 1997. — № 4 (11). — С. 56–60.
11. Шаповал, В. М. Становлення конституційної юрисдикції в Україні [Текст] / В. М. Шаповал // Правова держава: Щорічник наукових праць. — К., 1998. — Вип. 9. — С. 111–115.
12. Эбзеев, Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы [Текст] / Б. С. Эбзеев // Государство и право. — 1998. — № 5. — С. 5–12.

А.М. КАЛЪЯК
ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ

(Россия, Новосибирск)

Аксиологический подход уже составил заметное направление в конституционно-правовых исследованиях ученых-юристов [1,2,3,4].

По-видимому, рассмотрение неоднозначной практики интерпретации Конституции РФ в решениях Конституционного Суда РФ, ее наполнения «новым смыслом» в отраслевом законодательстве побуждает в поисках более гармоничной картины конституционализма в России обратиться к абстрактным аспектам сущности конституции, в ряду которых ее ценностное понимание занимает важное место.

Такой подход влечет необходимость идентификации конституционно-правовых положений и выражаемых или социально-экономических явлений как конституционных ценностей. В литературе предлагается разделение ценностей права (право соединяет этические, политические, экономические, мировоззренческие и иные элементы социальной культуры) и ценностей в праве (это ценности, которые полностью или частично им урегулированы) [5]. Далее речь пойдет о последних.

Различные авторы указывают на разные «наборы ценностей» (что, как представляется, делает аксиологический подход к Конституции РФ схожим с модификацией естественно-правовой теории с «меняющимся» содержанием).

Например, Н.В. Витрук в ряду конституционных ценностей называл права и свободы человека и гражданина, народовластие, идеологическое и политическое многообразие, иные демократические основы государственного строя, политическую систему в целом [6], закрепленные в гл.1 и 2 Конституции РФ основы-принципы [7].

По мнению В.Д. Зорькина, к числу юридических ценностей, закрепленных в Конституции РФ, относятся права и свободы человека; верховенство права и конституционная законность, справедливость и равенство; демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей, парламентаризм; правовая экономика [8].

Н.С. Бондарь характеризует конституционные ценности как категории действующего права [9] и относит к их числу выработанные в практике Конститу-

ционного Суда РФ конституционные ценности, формально не указанные в Конституции РФ, но оказывающие организующее воздействие на соответствующие общественные отношения: правовая определенность, стабильность и определенность публичных правоотношений, поддержание доверия граждан к закону и т.п. [10]

Как отмечает В.И. Крусс, конституционными ценностями являются высшие идеалы-первопринципы, блага практического порядка и возможности их обретения, а совокупная ценностная установка российского конституционализма воплощена в преамбуле Конституции РФ, ценности выражены в большинстве положений глав 1 и 2 Конституции РФ, в некоторых положениях последующих глав. Источником информации о конституционных ценностях являются акты Конституционного Суда РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы, конституции и уставы субъектов Российской Федерации, иные источники конституционного права [11].

Таким образом, приведенные примеры позволяют сделать вывод, что к числу конституционно-правовых ценностей относятся конституционные и конституционно-правовые принципы. К числу последних можно отнести и принципы, закрепляемые в других нормативных правовых актах, в частности в законодательстве об образовании.

В постсоциалистической России было принято несколько законов об образовании, сопоставление которых позволяет сделать вывод о характере закрепляемых или ценностей и эволюции отношения к ним.

Согласно ст.2 Закона РФ от 10.07.1992 №3266-1 «Об образовании» [12], принципами государственной политики в области образования являются:

«а) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности и любви к Родине;

б) единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства;

в) общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников;

г) светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях;

д) свобода и плюрализм в образовании;

е) демократический, государственно-общественный характер управления образованием. Автономность образовательных учреждений».

Федеральный закон от 22.08.1996 г. №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [13] (ст.2) указывал на специальные принципы государственной политики в области высшего и послевузовского образования:

«1) суверенность прав субъектов Российской Федерации в определении собственной политики в области высшего и послевузовского профессиональ-

ного образования в части национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов;

2) непрерывность и преемственность процесса образования;

3) интеграция системы высшего и послевузовского профессионального образования Российской Федерации при сохранении и развитии достижений и традиций российской высшей школы в мировую систему высшего образования;

4) конкурсность и гласность при определении приоритетных направлений развития науки, техники, технологий, а также подготовки специалистов, переподготовки и повышения квалификации работников;

5) государственная поддержка подготовки специалистов, приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований в области высшего и послевузовского профессионального образования».

В той же статье были определены средства обеспечения приоритетности развития высшего и послевузовского профессионального образования:

1) финансирование за счет средств федерального бюджета государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования. На соответствующие цели не может быть выделено менее чем три процента расходов федерального бюджета для финансирования обучения в государственных высших учебных заведениях не менее чем ста семидесяти студентов на каждые десять тысяч человек, проживающих в Российской Федерации;

2) расширение доступа граждан России к высшему образованию, недопущения сокращения числа студентов, обучающихся за счет средств федерального бюджета;

3) предоставление налоговых льгот высшим учебным заведениям и образовательным учреждениям соответствующего дополнительного образования, а также организациям, вкладывающим средства в развитие высшего и послевузовского профессионального образования;

4) предоставление обучающимся в государственной системе высшего и послевузовского профессионального образования государственных стипендий, мест в общежитиях, пособий и льгот;

5) создания условий для равной доступности высшего и послевузовского профессионального образования;

6) содействия созданию и функционированию негосударственных высших учебных заведений».

Таким образом, наряду с принципами, обеспечивающими приоритетность развития высшего и послевузовского образования, как специальное выделяется положение о направленности на интеграцию российской образовательной системы в мировое образовательное сообщество.

В ст.3 Федерального закона от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [14] указаны следующие основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования:

1) признание приоритетности образования;

2) обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования;

3) гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования;

4) единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства;

5) создание благоприятных условий для интеграции системы образования Российской Федерации с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе;

6) светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность;

7) свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания;

8) обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека;

9) автономия образовательных организаций, академические права и свободы педагогических работников и обучающихся, предусмотренные настоящим Федеральным законом, информационная открытость и публичная отчетность образовательных организаций;

10) демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников, обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся на участие в управлении образовательными организациями;

11) недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования;

12) сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования.

По мнению В.И. Крусса, признаком конституционных ценностей является их складывание в конкретной исторической обстановке существующей цивилизации [11]. Следовательно, корректировка правового выражения этих ценностей показывает их социальную трансформацию.

Приведенные выше принципы-ценности правового регулирования образования показывают существенное изменение в подходах законодателя:

во-первых, если ранее закреплялся гуманизм в совокупности с патриотизмом, любовью к Родине, то в действующем законе эти дополнения исключены;

во-вторых, вместо приоритетности образования, подкрепленной в Федеральном законе 1996 г. хотя бы провозглашением достаточного финансового обеспечения, в действующем законе этот принцип сформулирован лишь как декларация, его конкретные гарантии отсутствуют;

в-третьих, положение о суверенитете в сфере образования субъектов Российской Федерации в Законе 2012 г. устранено;

в-четвертых, закреплены и усилены принципы, переводящие образование из государственной, бюджетной задачи в сферу договорного обеспечения, автономности образовательных учреждений (что, как представляется, связано с введением в действие закона об автономных учреждениях [15], изменяющего порядок финансирования образовательных учреждений); устранено положение о налоговых льготах образовательных учреждений и появилось положение о конкуренции в сфере образования.

Литература

1. Витрук Н.В. Перспективы развития современной отечественной науки конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №11. С.3-5.
2. Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4.
3. Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. №6. С.13-24.
4. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. №3. С.1-13.
5. Комкова Г.Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. 2012. Т.12. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 2.
6. Витрук Н.В. Перспективы развития современной отечественной науки конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №11. С.3-5.
7. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. С.86.
8. Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4.
9. Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. №6. С.13-24.
10. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. №6(12). С.2.
11. Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. №2.
12. Закон РФ от 10.07.1992 №3266-1 «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №30. Ст.1797. (Закон утратил силу.)
13. Федеральный закон от 22.08.1996 г. №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. №35. Ст.4135. (Закон утратил силу.)
14. Федерального закона от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. №53. Ст.7598.
15. Федеральный закон от 03.11.2006 г. №174-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) «Об автономных учреждениях» // Собрание законодательства РФ. 2006. №45. Ст.4626.

Н.В. КОЗЛОВА
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ГРАЖДАНСТВА

(Россия, Новосибирск)

Получение российского гражданства вновь приобрело актуальность в связи с событиями, происходящими в Украине. На основании статистических данных за 8 месяцев 2014 года гражданство РФ получили 95236 человек; прибыло соотечественников и членов семей в Российскую Федерацию и прошло регистрацию в ТО ФМС России – 51592 человека, выдано видов на жительство и разрешений на временное проживание - 258261 [1]. При этом всего на территорию Российской Федерации в период с 01.04.2014 первично въехало и осталось около 820 тыс. граждан Украины. С начала конфликта в миграционную службу обратилось: около 130 тыс. граждан Украины – с заявлением о предоставлении временного убежища или с ходатайством о признании беженцем; более 78 тыс. граждан Украины - для оформления разрешения на временное проживание; более 33 тыс. граждан Украины - с заявлением о предоставлении гражданства РФ; более 22 тыс. граждан Украины - для оформления вида на жительство; более 12 тыс. граждан Украины - для участия в Госпрограмме переселения соотечественников[2].

По итогам законопроектной деятельности законодатели упростили процедуру приобретения гражданства не только для русскоязычных украинцев, но и для всех кто владеет русским языком, но проживает в других государствах. При этом возникают определенного рода проблемы: как для миграционных органов реализующих данные нормы; для иностранных граждан, желающих приобрести гражданство РФ; для государства в целом в силу дальнейшего социального обеспечения данных категорий, так и граждан РФ.

Статья 14 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве РФ» претерпела определённые изменения в 2014 году. В соответствии с ч. 2 ст. 14 теперь правом на получение гражданства в упрощенном порядке без соблюдения 5-летнего срока проживания обладают иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории Российской Федерации, которые: е) получили после 1 июля 2002 года профессиональное образование по основным профессиональным образовательным программам, имеющим государственную аккредитацию, в образовательных или научных организациях РФ на ее территории и осуществляют трудовую деятельность в РФ в совокупности не менее трех лет до дня обращения с заявлением о приеме в гражданство РФ (п. "е" введен ФЗ от 23.06.2014 № 157-ФЗ).

Данное изменение сформулировано в соответствии с категориями, используемыми в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ», обучение приравнивается к обладанию видом на жительство, а срок после 01.07.02 обусловлен вступлением в законную силу ФЗ № 62-ФЗ.

ж) являются индивидуальными предпринимателями и осуществляют предпринимательскую деятельность в Российской Федерации не менее трех лет, предшествующих году обращения с заявлением о приеме в гражданство РФ, и в этот период их ежегодная выручка от реализации товаров (работ, услуг) в результате осуществления предпринимательской деятельности в установленных Правительством Российской Федерации видах экономической деятельности составляет не менее 10 миллионов рублей (п. "ж" введен ФЗ от 23.06.2014 № 157-ФЗ);

з) являются инвесторами, чья доля вклада в уставном (складочном) капитале российского юридического лица, осуществляющего деятельность на территории Российской Федерации в установленных Правительством РФ видах экономической деятельности, составляет не менее 10 процентов. При этом размер уставного (складочного) капитала такого юридического лица и размер его чистых активов должны составлять не менее 100 миллионов рублей каждый либо сумма уплаченных таким юридическим лицом налогов в бюджетную систему РФ и обязательных страховых платежей должна составлять не менее 6 миллионов рублей в год на протяжении не менее трех лет со дня осуществления инвестиций (п. "з" введен ФЗ от 23.06.2014 № 157-ФЗ);

и) осуществляют не менее трех лет до дня обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации трудовую деятельность в Российской Федерации по профессии (специальности, должности), включенной в перечень профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан - квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство РФ в упрощенном порядке, утвержденный федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере занятости населения и безработицы (п. "и" введен ФЗ от 23.06.2014 № 157-ФЗ).

Законодатель желает сделать российское гражданство более привлекательным для иностранцев при этом возникает вопрос, а привлекут ли эти нормы, экономические и политические условия, инвестиционный климат в рамках нашего государства иностранных граждан, в частности инвесторов, тех, кто занимается предпринимательской деятельностью на территории нашего государства или квалифицированных специалистов, возникнет ли у них необходимость получить гражданство нашего государства или нет.

В соответствии с ч. 2.1. ст. 14 иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на законном основании на территории РФ, признанные носителями русского языка в соответствии со ст. 33.1 Федерального закона, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке при условии, если указанные граждане и лица: а) обязуются соблюдать Конституцию РФ и законодательство Российской Федерации; б) имеют законный источник средств к существованию; в) отказались от имеющегося у них гражданства иностранного государства. Отказ от гражданства иностранного государства не требуется, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации либо если отказ от гражданства

Российской Федерации невозможен в силу не зависящих от лица причин (часть 2.1 в ред. ФЗ от 23.06.2014 № 157-ФЗ).

Таким образом, появилась новая категория «носитель русского языка» разрешит ли она существующие проблемы или наоборот усугубит ситуацию. На сегодняшний день уже имеется опыт получения иностранными гражданами сертификатов о том, что они являются носителями русского языка, в Ярославле получили 6 человек из 8 сдававших [3], 2.10.2014 в Астрахани прошло первое заседание комиссии по признанию иностранного гражданина носителем русского языка из 32 соискателей 9 не прошли [4], 24.09.2014 в Югре первые иностранные граждане признаны носителями русского языка 18 из 19 [5].

Теперь для этих иностранных граждан будут существенно упрощены процедуры принятия российского гражданства, что законодательно регламентировано. Так, они сразу могут подавать заявление на выдачу вида на жительство, но при этом должен иметь на руках официальный документ, подтверждающий его выход из гражданства иностранного государства. Но необходимо понимать какие категории граждан признаны носителями русского языка: трудоспособная категория, дети, инвалиды, пенсионеры. Готово ли государство обеспечить необходимый социальный уровень не защищенным категориям иностранных граждан, приобретающим российское гражданство.

В ч. 6 ст. 14 были внесены изменения касающиеся следующего в гражданство РФ принимаются в упрощенном порядке без соблюдения условий, предусмотренных ч. первой [ст. 13](#) ФЗ, ребенок и недееспособное лицо, являющиеся иностранными гражданами или лицами без гражданства: в) ребенок или недееспособное лицо, над которыми установлены опека или попечительство гражданина РФ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 13 ФЗ от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ "Об опеке и попечительстве", - по заявлению опекуна или попечителя (п. "в" в ред. ФЗ от 20.04.2014 № 72-ФЗ);

г) ребенок, помещенный под надзор в российскую организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 155.1 Семейного кодекса РФ, - по заявлению руководителя российской организации, в которую помещен ребенок (п. "г" введен ФЗ от 20.04.2014 № 72-ФЗ);

д) недееспособное лицо, помещенное под надзор в российскую образовательную организацию, медицинскую организацию, организацию, оказывающую социальные услуги, или иную российскую организацию, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 11 ФЗ "Об опеке и попечительстве", - по заявлению руководителя российской организации, в которую помещено недееспособное лицо (п. "д" введен Федеральным законом от 20.04.2014 № 72-ФЗ).

Данные нововведения обусловлены ситуацией в сфере семейно-брачных отношений и направлены на обеспечение прав данной незащищенной категории в силу имеющихся проблемных случаев.

У территориальных органов ФМС России возникло очень много проблемных аспектов по работе с гражданами Украины и лицами без гражданства, при-

бывшими на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке. В настоящее время у украинских граждан, прибывших на территорию Российской Федерации и желающих остаться два варианта: собирать документы на приобретение российского гражданства либо попасть в программу вынужденных переселенцев «Соотечественники». Так 19.09.2014 в Омской области 13 гражданам Украины вручили свидетельства участников Государственной программы [6].

Граждане Украины становятся участниками Государственной программы. Получив соответствующие свидетельства, соотечественникам будут положены социальные выплаты, содействие жилищному обустройству и гарантированное трудоустройство, предоставляется право подать документы на оформления российского гражданства в упрощенном порядке. При этом оформив данный правовой статус и получив социальные выплаты, соотечественнику необходимо прожить на территории выбранного региона не менее двух лет, в том случае, если участник Госпрограммы покидает территорию вселения до истечения, установленного законом срока, ему необходимо будет вернуть денежную сумму социальных выплат в полном объеме.

Таким образом, имеющаяся практика по реализации внесенных изменений не говорит пока не о положительной, не об отрицательной динамике по приобретению гражданства в упрощенном порядке, так как имеет место достаточно много политических, экономических, социальных и административных нюансов и проблем, которые не позволяют говорить об эффективности внесенных изменений.

Литература

1. Официальные статистические данные. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 8 месяцев 2014 года. — [Электр. ресурс] — Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/106302/>
2. Информация о гражданах Украины, вынужденно покинувших территорию своей страны. - — [Электр. ресурс] — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=102422
3. Труханова Э. Проверили на слово. В Ярославле несколько иностранцев признали носителями русского языка // Российская газета (Экономика Центрального округа) - № 6476. – 09. 09.2014.
4. В Астрахани прошло первое заседание комиссии по признанию иностранного гражданина носителем русского языка — [Электр. ресурс] — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=109342
5. В Югре первые иностранные граждане признаны носителями русского языка. — [Электр. ресурс] — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=108263
6. В Омской области гражданам Украины вручили свидетельства участников Государственной программы. — [Электр. ресурс] — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=107751

Ю.С. РАЗМЕТАЕВА
ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(Украина, Харьков)

Демократия имеет давние корни и существует во многих современных государствах, однако это не означает, что развитие ее форм и институтов остановилось. Новую жизнь в некоторые из традиционных институтов демократии способны вдохнуть информационно-коммуникационные технологии. Данным термином принято обозначать унификацию и интеграцию коммуникаций (телефонных линий и беспроводных сигналов), компьютеров, корпоративного программного обеспечения и аудиовизуальных систем, которые позволяют пользователям получать доступ к информации, хранить, передавать и манипулировать ею.

Названные технологии могут способствовать установлению демократических режимов и борьбе с режимами авторитарными, тоталитарными. Они также могут предоставить возможности для реализации свободы выражения мнения, основных прав человека, способствовать взаимодействию государства и общества. Положительное воздействие информационно-коммуникационных технологий на развитие демократии проявляется, прежде всего, в таких аспектах, как обеспечение широкого и доступного участия людей в управлении государством и жизни общества; открытость информации и прозрачность деятельности представителей публичной власти; эффективный контроль за публичной властью; появление новых форм гражданской активности; высокий уровень включения и вовлеченности в демократические процессы.

К наиболее успешным результатам сочетания новых технологий и традиционных правовых и социальных институтов, можно отнести электронную демократию. Согласно одной из концепций, она является дистанционным методом взаимодействия между гражданами и государственными органами при предоставлении услуг. В рамках этой концепции, электронная демократия имеет некоторое сходство с понятием «электронного управления». Согласно другой концепции, электронная демократия является прямым методом осуществления власти народом с помощью дистанционного электронного голосования. Государство, в данном случае, является исполнителем решений людей [4, р. 21]. Как политическое явление электронную демократию определяют в виде электронного представления демократических процессов [1, с. 70-71].

В Рекомендации, подготовленной Специальным комитетом Совета Европы по электронной демократии и принятой затем Комитетом министров Совета Европы (Recommendation CM/Rec(2009)1), определены основные правовые параметры электронной демократии, в том числе расширение участия людей в демократических процессах, прозрачность и ответственность перед обществом, дистанционная связь и электронный документооборот. Там же указаны такие формы реализации электронной демократии как: электронное голосование, электронный парламент, электронное законодательство, электронное правосудие и электронная медиация [6]. Предполагается, что такая демократия

охватывает сферы как публичных, так и частных интересов, способствует формированию политической и правовой активности людей, развитию гражданского общества.

Все большее значение приобретает такое специфическое воплощение электронной демократии, как электронное нормотворчество в значении деятельности по созданию, обсуждению и продвижению проектов нормативных актов со стороны гражданского общества.

Электронная демократия подразумевает непосредственное использование информационно-коммуникационных технологий, требует доступности информации, открытых обсуждений (последние могут быть организованы и на реальных, и на виртуальных площадках), налаживания коммуникации между представителями гражданского общества и отдельными людьми, интересы которых совпадают.

А. Башкарев обращает внимание на два распространенных толкования электронной демократии. Первое предполагает реализацию политической активности посредством новых информационно-коммуникационных технологий. Второе базируется на представлении о том, что новые технологии улучшают гражданство в самом широком смысле, становясь центром политики и управления [2, с. 26]. Так, цель электронной демократии определяется как «создание фундамента для участия общественности в принятии государственных решений, осуществление влияния на политику государства, усиление прозрачности и подотчетности органов власти гражданам» [3].

Электронная демократия, как представляется, содержит элементы прямой и делиберативной демократии. С одной стороны, расширяется доступ к прямому участию (выборы, референдум). С другой – возникает возможность действительного обсуждения. Согласно одному из определений делиберативной демократии, она основана на «надлежащем демократическом принятии решений, на подлинном обсуждении, которое увеличивает легитимность таких решений» [5, р. 903-904]. Электронная демократия позволяет проводить такие предварительные обсуждения, в которые будут вовлечены многие. Инструменты ее разнообразны – от простого опроса до развернутой дискуссии. Главное – простота в доступе и использовании этих инструментов.

Электронная демократия является неотъемлемой частью информационного общества, предполагает существование традиционных и инновационных инструментов, которые могут быть с пользой применены в демократическом процессе. Но главной ее задачей является «электронная поддержка демократии» [6]. Речь идет о технологическом сопровождении функционирования демократических институтов и новых возможностях их развития.

На сегодняшний день, выделяют две волны электронной демократии: первая возникла с появлением и распространением информационно-коммуникационных технологий, прежде всего Интернета и Веб-технологий (World Wide Web), вторая появилась вследствие технологий Веб 2.0 (Web 2.0), основанных на привлечении большого количества пользователей к созданию информации и развитию компьютерных сетей. Так, отмечается, что первая

волна энтузиазма, основанного на цифровом Интернет-видении реальности, предполагала, что уровень демократичности управления может быть значительно повышен за счет открытого и равного обсуждения между гражданами и властью, предоставляемого информационными и коммуникационными технологиями. Несмотря на некоторые неудачи и разочарования в электронной демократии, новая волна технологического оптимизма связана с появлением социальных медиа-платформ, таких как Twitter, Facebook, YouTube, Wikies и блогосфера. Особенностью этого второго поколения демократии является смещение акцента с модели публичной сферы на сферу частную, на «сетевую гражданина» и принадлежность человека не к одной идентичности, а к нескольким, в том числе общественно-политическим. Хотя многие исследователи, признавая силу и влияние социальных медиа, настаивают на осторожном подходе к использованию их в демократических процессах [7].

Так, Я. Антонов, автор работы «Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия», считает, что риск прямой демократии в ее электронном варианте, основан на малой вероятности участия граждан в более чем нескольких проектах. Люди не имеют времени, интереса, знаний или желания осуществлять «прямую демократию», за исключением некоторых особых случаев. Поэтому идея «прямой демократии» имеет реальные риски стать на практике управлением отдельных компетентных групп населения, реально участвующих в демократических процессах и принятии решений. В этом смысле «прямая демократия» имеет шанс превратиться в демократию профессиональных управленческих интеллектуальных элит, отстаивающих конкретные экономические интересы на всех уровнях демократического управления. При этом решения преимущественно будут приниматься от имени большинства, а вернее, при «молчаливом согласии» большинства [1, с. 13]. Другим серьезным недостатком электронной демократии, остается обеспечение безопасности, ведь гарантировать правильный подсчет голосов опроса или сохранение документов в электронном виде невозможно, т. к. с развитием соответствующих технологий, появляются и новые способы использования их не по назначению, вмешательства в технологические процессы, изменения и удаления информации. И это приводит нас к третьей проблеме электронной демократии – доверия и манипуляций. Прежде всего, речь идет о выборе источников информации, которым доверяют или не доверяют граждане, а также о возможностях воздействия на них с помощью информационно-коммуникационных технологий. К примеру, предвыборные опросы, дающие некую картину относительно кандидатов, могут действительно отражать настроения в обществе или влиять на формирование мнения. Искусственное создание неправдивого рейтинга неких политических сил становится возможным при использовании информационно-коммуникационных технологий и т.п.

Таким образом, электронная демократия имеет преимущества и недостатки. Действительно, она содержит риски, связанные с вопросами безопасности, доверия, манипуляций и цифрового неравенства. Однако она же обеспечивает электронную поддержку демократических институтов, формирует новые возможности для участия и выражения мнения со стороны гражданского общества, для контроля и открытости в отношении публичной власти и для роста общественно-политической активности индивидов.

Литература

1. Антонов Я. В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия. Монография / Я. В. Антонов. – LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 116 с.
2. Башкарев А. А. Электронная демократия как форма политической коммуникации / А. А. Башкарев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 69. – 2008. – С. 25-29.
3. Доповідь про стан інформатизації та розвиток інформаційного суспільства в Україні за 2013 рік / Державне агентство з питань науки, інновацій та інформатизації України. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dknii.gov.ua/?q=node/1469>
4. Antonov J. V. Legal Instruments of E-democracy for the Development of Civil Society in International Practice / J. V. Antonov // Czech Yearbook of International Law. – Volume V, 2014. – P. 19-38.
5. Leib, Ethan J. Can Direct Democracy Be Made Deliberative? / Ethan J. Leib // Buffalo Law Review, Vol. 54, 2006. – P. 903-925.
6. Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) (Adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies) // [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.coe.int/t/dgap/democracy/Activities/GGIS/CAHDE/Default_en.asp
7. Social Media and Democracy: Innovations in Participatory Politics (Routledge Research in Political Communication) / ed. by Brian D. Loader, Dan Mercea. – Routledge, 2012. – 2

В.С. СМОРОДИНСКИЙ **ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТ** **ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ПРАВА**

(Украина, Харьков)

Проблемы легитимности как фундамента публичной власти и права, исследования средств легитимации государственно-правовых институтов (убедительных «легитимационных формул»), соотношения легальности позитивного права и легитимности права естественного являются основополагающими для современной теории права. Однако долгое время они считались преимущественно политологическими, находились вне поля зрения правоведов, несмотря на то, что их юридическое происхождение было убедительно обосновано как английскими политологами [1, с. 207], так и немецкими теоретиками и философами права XX в.

Легитимность как фундамент публичной власти. Властители всегда стремились создать впечатление правомерности своей власти и законности правления. Ни одно правительство не может полностью полагаться на физическую силу как гарант согласия с его властью. Путем угроз и репрессий можно заставить повиноваться лишь небольшую часть граждан, но, нарастая, сопротивление властям приводит к массовому гражданскому неповиновению. Первой предпосылкой добровольного согласия является уверенность народа в том, что представители власти правомерно занимают свои должности, разрабатывают и претворяют в жизнь свои решения на основании и с учетом общественных («национальных») интересов. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцараются беззаконие и опасность революционных потрясений [2, с. 113].

Классической является теория М. Вебера, объясняющая социокультурные основания легитимности власти (признание ее правомерности индивидами и обществом в целом). Согласно этой теории власть может приобретать законный характер благодаря сложившейся в обществе традиции (традиционная власть), авторитета, какого-нибудь необычного личного дара, чрезвычайных качеств личности — харизмы (харизматическая власть), опоре на общепризнанный правовой порядок (рационально-правовая власть) [3, с. 486-487]. Понятно, что современное западное общество уделяет наибольшее внимание исследованию третьего из названных факторов. Субъекты такой власти приходят к своему положению на основе узаконенной конституционной процедуры избрания или назначения. Легитимность власти в этом случае базируется на признании разумности, рациональности существующего политического порядка.

Так, известный американский социолог С. Липсет в своем классическом труде «Человек политический» утверждает, что «легитимность предусматривает способность политической системы создавать и поддерживать убеждение, что политические институты оптимальны для данного общества» [4, с. 356]. Профессор политологии Уорикского университета (Великобритания) О. Грант определяет легитимность как «приемлемость свойственных определенному государству процедур принятия и введения законов для подданных этого государства» [4, с. 356]. Американский политолог, профессор Калифорнийского университета Д. Истон выделяет три типа легитимности (типы поддержки гражданами своего государства): идеологическую, структурную и персональную. Идеологическая легитимность вытекает из поддержки гражданами «основных ценностей и норм», на которых базируется определенный политический режим; структурная — основывается на поддержке гражданами конкретного распределения «властных ролей» между различными институтами власти; персональная — определяется поддержкой гражданами конкретных государственных деятелей и их политики [5, с. 97-98].

Профессор Коллеж де Франс П. Розанваллон выделяет две перекрестные формы (способы понимания) легитимности, присущие демократическим государственным режимам XX в., — процедурную и субстанциональную. Первая «происходит от общественного признания определенной власти», вторая рассматривается «как соответствие определенной норме или ценностям» [6, с.

15]. При этом ученый констатирует обвал этой «старой системы двойной легитимности» и постепенное ее замещение новой системой демократических форм легитимности, связанных с новыми формами присоединения народа к политическим действиям, расширением жизни демократий «за пределы электорально-представительной сферы» (классическая «фигура менее активного народа-избирателя», по мнению ученого, дополняется новыми — активными — фигурами «народа надзирающего», «народа-вето» и «народа-судьи») [6, с. 19].

Современные французские исследователи — авторы «Словаря публичной политики» разделяют легитимацию на «исходную» (output) и «обусловленную результатом» (input). При «исходной» легитимации нормы права, оформленные и обеспеченные государственной властью, являются легитимными, если они отражают волю народа, опираясь на мандат, полученный этой властью в результате выборов. При легитимации, «обусловленной результатом», нормы являются легитимными при условии, что они способствуют коллективному благосостояния общества [7, с. 180].

Следует отметить, что еще М. Вебер наряду с легитимностью власти использовал понятие «легальность власти», под которой понимал ее соответствие закону (или правилам) в том виде, в котором она установлена правомочными органами [8, с. 83]. Современный французский ученый Л. Саллерон под легальностью понимает «соответствие закону писаному, позитивному», а под легитимностью — «соответствие закону неписаному, природе человеческой или Господнему сознанию» [9, с. 202]. Таким образом, легитимность и легальность могут не только не совпадать, но даже противопоставляться друг другу. Источником легальности является государство, воплощением — издаваемый ею закон. Источником легитимности является общество, высшим символом — право. Легальность может быть отнесена к объективной стороне власти, а легитимность — к субъективной.

Именно подвластные субъекты в первую очередь формируют важный признак субъективной стороны государственной власти — ее легитимность. В зависимости от отношения субъекта, на которого направлено властное воздействие, власть можно разделить на: 1) абсолютно легитимную — принимается полностью и безоговорочно, без специальных условий и ограничений в сроках и методах осуществления; 2) относительно легитимную — принимается на определенных условиях и с некоторыми ограничениями; 3) относительно нелегитимную — принимается в исключительных случаях на определенный непродолжительный срок, со значительными оговорками, часто на условиях контроля; 4) абсолютно нелегитимную — не принимается обществом, не имеет авторитета, осуществляется преимущественно с применением насилия и привлечением «административного ресурса».

В позитивном плане, с точки зрения конституирования власти, положение о том, что народ является ее носителем и источником, означает, что любое использование и осуществление государственных полномочий должно быть конкретно опосредовано народом. Решение государственных задач или реализация властных полномочий нуждается в легитимации, исходящей от самого народа

или исходит к нему (так называемая непрерывная цепь демократической легитимации). Когда-то легитимированная власть не может стать автономной, она постоянно и конкретно должна быть связана с народом и нести ответственность перед ним. Только при этом условии деятельность органов государственной власти, не совпадающих с народом и организационно отделенных от него, можно рассматривать как осуществление государственной власти народом через эти органы. Представление о народе как об исходном и конечном пункте демократической легитимации является основополагающим в понимании демократии [10, с. 35].

По мнению российского правоведа В. Корельского, существует легитимная власть «в узком смысле» — «власть, образованная в соответствии с процедурой, предусмотренной правовыми нормами; органы управления приобретают легитимность путем конкурсного отбора, назначения их в порядке, предусмотренном законом» [11, с. 137]. Из этого автор делает вывод, что легальность — это юридическое выражение легитимности. По нашему мнению, это не так. Легитимность и легальность — очень важные, но совершенно разные по своей природе и средствам установления свойства публичной власти, характеризующие ее с субъективной и объективной сторон соответственно. Их смешивание и тем более объединение — такая же ошибка, как отождествление права и закона. Сочетание легитимности и легальности публичной власти — такое же требование правовой государственности, как и существование исключительно правовых законов. Но это скорее цель, чем повседневная реальность.

Легитимность как фундамент права. Ряд известных правоведов разных времен считали легитимность основой права. Так, по мнению немецкого юриста Г. Краббе, современная идея государства предполагает владычество не лица, а духовных сил (т.е. владычество не легальности, а легитимности), «потому что этим силам, поскольку они выходят из духовной природы человека, можно подчиняться добровольно». Основа, источник правопорядка «находится только в правовом чувстве и правосознании соотечественников» [12, с. 38]. В совокупности с последующей идеей Краббе о том, что «власть должна принадлежать не государству, а праву» [12, с. 39], мы логично получаем знак равенства между легитимностью и правом, правопорядком. И это было бы верным, если бы означало легитимность права. Но в результате мы получаем истину наоборот — право легитимности (т.е. все легитимное автоматически соответствует праву). Очевидно, именно так считал и немецкий правовед К. Шмитт, обосновывая свою теорию «плебисцитной легитимности» в противовес легальному, но слабому парламентаризму [13, с. 647-648].

Согласно концепции российского государствоведа начала XX в. Ф. Кошкина, во многом схожей с позицией М. Вебера, в основе всякой государственной власти лежит коллективная поддержка населения, следует из признания им этой власти (то, что мы называем легитимацией). В этом общественном признании, что составляет фактическую и юридическую основания государственной власти, переплетаются два психологических элемента: стихийное, инстинктивное подчинение, основанное на чувствах и привычках, и сознатель-

ная, умственная повинование, что следует из рациональных мотивов. Политический прогресс в истории человечества, по мнению Ф. Кокошкина, сводится к постепенному расширению второго элемента (рационализации власти) путем вовлечения широких масс населения в процесс сознательной политической деятельности и преодоления иррациональных элементов социального развития [14, с. 79].

С легитимностью государственной власти органически связана легитимация юридических норм. Как отмечает украинский правовед А. Заец, «все предписания государства оцениваются населением с точки зрения правового или неправового характера и признаются или не признаются именно как правовые нормы» [15, с. 38]. И далее: «Власть, которая не получила поддержки своих полномочий определенным в обществе путем, не может претендовать на правовой характер своих предписаний, пусть и изданных с добрыми намерениями. Даже лучшее правило поведения не станет правом, если не будет исходить от легитимной общественной власти... Государственная власть, которая не получила легитимации в обществе, не только не может создать новое право, но и разрушает то, которое существовало раньше» [15, 39].

По нашему мнению, следует принять эту позицию и не согласиться с мнением Р. Лившица, считающего, что конституция является основой легитимности, поскольку она заведомо, а priori, признается правовой [16, с. 20-21]. Но ведь нельзя отвергать возможность существования неправовой конституции, фиктивной, такой, которая «не соответствует народному волеизъявлению, общественным представлениям о должном правопорядке» [15, с. 91-92]. Автоматической легитимации государственной власти одновременно с ее легализации путем принятия конституции не происходит.

Известно, что немецкая «довоенная» теория права первой половины XX в. — от М. Вебера до К. Шмитта — отрицала нравственно-правовую легитимацию [17, 25]. И только катастрофические (в том числе для немецкой нации) последствия фашизма и Второй мировой войны изменили позицию юристов. «Первой ласточкой» была серия статей профессора Гейдельбергского университета Г. Радбруха 1946-1947 гг. («Пять минут философии права», «Законное неправо и надзаконное право» и др.) [18, с. 225-238]. В этих статьях правовед доказывает, что народ не обязан подчиняться несправедливым, произвольным законам, а юристы должны находить в себе мужество признавать такие законы противоправными. Ибо существуют правовые принципы более авторитетные, чем юридические предписания («надзаконное право»), — это естественное право, библейские принципы, а Богу следует подчиняться больше, чем человеку, именно Богу принадлежит решающий голос. С целью обеспечения правовой определенности позитивное право, исходящее от власти, должно исполняться даже тогда, когда оно по содержанию является неправильным и нецелесообразным. Исключением является ситуация, когда действующий закон становится настолько вопиюще несовместимым со справедливостью, что отрицает ее, превращается в «законное неправо». Итак, совершенно несправедливое право является бесправием («неправом»), ведь право (включая позитивное) по своей сути

призвано служить справедливости. Критериями признания закона абсолютно противоправным являются, во-первых, полное отсутствие стремления к справедливости, и, во-вторых, сознательное отрицание равенства в правотворческом процессе. Примером такого «законного неправа» является нацистское право. Радбрух отмечает, что справедливость и правовая определенность, которая сама по себе является частью справедливости, — это две идеи, которым одновременно должно соответствовать правовое государство.

Следует отметить, что юридические конфликты между абсолютной легитимностью морально-правовой аргументации естественного права и легальностью права положительного свойственны не только бурным послевоенным временам. С этими проблемами сталкиваются и современные суды, в частности Европейский суд по правам человека [19, с. 32].

Дальнейшие исследования проблем права и легитимности связаны с плеядой ведущих немецких философов второй половины XX в., наиболее известными из которых являются Ю. Хабермас, О. Хеффе, К.-О. Аппель. Так, Ю. Хабермас на раннем этапе своих юридических исследований абсолютизировал легитимность юридических норм (их признания гражданами) как единственный и исключительный фактор их соблюдения. Однако уже в ранних лекциях по философии права ученый наряду с этим фактором отмечает и второй — принуждение, связанное с санкциями государственной власти [17, с. 32].

О. Хеффе выдвигает ряд требований к легитимации государственного принуждения, определяя их как этико-правовые основы легитимности. Во-первых, принуждение является легитимным только там, где объекты принуждения могут с ним согласиться (или не согласиться). Легитимация принуждения не может осуществляться извне, а только теми, кого оно затрагивает — «иначе принуждение сохранит характер простого насилия» [20, 280]. Во-вторых, консенсус как результат легитимации может быть достигнут только в случае, если принуждение обещает большую пользу, чем причиненный им вред. В-третьих, эта польза должна быть дистрибутивной — пользой каждого члена общества. Таким образом, принудительная власть является полностью легитимной только в случае, «когда ее наличие полезнее ее отсутствия, и когда... она полезнее для всех, на кого она направлена» [20, с. 281].

Правильно помещая право в одну систему координат со справедливостью и моралью, К.-О. Аппель — на любимом для его коллег примере «кражи лекарств нищим для больной жены» — исследует хрупкость и неоднозначность моральной легитимации права [21, с. 281]. Ученик Аппеля немецкий философ В. Кульман легитимность связывает прежде всего с консенсусом. Так, например, норму, запрещающую убийство, он не считает абсолютно значимой на том основании, что для легитимации ее нарушения (убийства) «вполне достаточно консенсуса» [22, с. 477]. Не отрицая идеи демократической легитимности (т.е. идеи выяснения возможности консенсуса), все же отметим, что процесс легитимации права достижением консенсуса не ограничивается. Важное значение также имеет легитимность цели права, которую немецкий правовед Р. Циппелиус видит в том, чтобы «обеспечивать принятие непротиворечивых между

собой решений, способных направлять установленные правила поведения и гарантировать их правильность, решений, ведущих к справедливому и полезному удовлетворению интересов участников тех или иных отношений» [23, с. 75].

Подытоживая изложенное, отметим, что исследование проблем легитимности публичной власти и права, легитимации позитивного права естественным и легализации естественного права позитивным является необходимым условием полноценного научного исследования современного понимания сущности и целей установления и функционирования государства.

Литература

1. Политическая наука: новые направления: Пер. с англ. — М. : Вече, 1999. — 816 с.
2. Шаран П. Сравнительная политология. Ч. 1 / П. Шаран. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. — 289 с.
3. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма: Пер. с нем. — 2-е изд., доп. и испр. / М. Вебер. — М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 656 с.
4. Короткий оксфордський політичний словник / За ред. І. Макліна, А. Макмілана: Пер. з англ. — К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2006. — 789 с.
5. Дибиров А.-Н. З. Теория политической легитимности: Курс лекций / А.-Н. З. Дибиров. — М.: РОССПЭН, 2007. — 272 с.
6. Розанвалон П. Демократична легітимність. Безсторонність, рефлексивність, наближеність: Пер. з фр. / П. Розанвалон. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — 287 с.
7. Новый общественно-политический словарь: Пер. с фр. — М. : Московская школа полит. исследований, 2008. — 548 с.
8. Кола Д. Политическая социология: Пер. с фр. / Д. Кола. — М. : Изд-во «Весь мир», «ИНФРА-М», 2000. — 406 с.
9. Шевчук С. Основы конституційної юриспруденції / С. Шевчук — К. : Український центр правничих студій, 2001. — 302 с.
10. Государственное право Германии в 2 т.: Пер. с нем. / Издатели: Й. Изензее, П. Кирххоф. — Т. 1. — М. : Ин-т гос. и права Рос. акад. наук, 1994. - 312 с.
11. Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов и фак-тов / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. — М. : Изд. группа ИНФРА М - НОРМА, 1997. — 570 с.
12. Шмитт К. Политическая теология: Сб.: Пер. с нем. / К. Шмитт. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. — 336 с.
13. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. — М. : Мысль, 1999. — Т. 3. — 829 с.
14. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. — М. : Изд. Башмаковых, 1912. — 289 с.
15. Заець А. П. Правова держава в контексті новітнього українського досвіду / А. П. Заець. — К. : Парламентське вид-во, 1999. — 309 с.
16. Лившиц Р. З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи: Сб. статей. — Вып. 4. — М. : Ин-т гос. и права Рос. акад. наук, 1995. — С. 18-30.
17. Апель К.-О. Дискурсивна етика: політика і право: Пер. з нім. / К.-О. Апель. — К. : Укр. філософський фонд, 1999. — 76 с.
18. Радбрух Г. Философия права: Пер. з нем. / Г. Радбрух. — М. : Междунар. отношения, 2004. — 240 с.
19. Шевчук С. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні / С. Шевчук. — К. : Реферат, 2007. — 640 с.

20. Политическая философия в Германии: Сб. статей: Пер. с нем. — М. : Современные тетради, 2005. — 520 с.
21. Апель К.-О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до постконвенціональної моралі: Пер. з нім. / К.-О. Апель. — К. : Дух і Літера, 2009. — 430 с.
22. Єрмоленко А. М. Комунікативна практична філософія. Підручник / А. М. Єрмоленко. — К. : Лібра, 1999. — 488 с.
23. Циппеліус Р. Юридична методологія: Пер. з нім. / Р. Циппеліус. — К. : Вид-во «Реферат», 2004. — 176 с.
24. Фуллер Л. Л. Мораль права: Пер. за англ. / Л. Л. Фуллер. — К. : Вид-во «Сфера», 1999. — 232 с.
25. Аллан Т. Р. С. Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права: Пер. з англ. / Т. Р. С. Аллан. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — 385 с.

Е.-Д.С. ТРЕТЬЯКОВА
АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННОЙ
С УСТАНОВЛЕНИЕМ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ
В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

(Россия, Новосибирск)

Нормативная регламентация порядка проведения антикоррупционной экспертизы нашла свое отражение в постановлении Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 [1], которым утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Названная Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее по тексту – Антикоррупционная методика) содержит одиннадцать коррупциогенных факторов.

Коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и *тем самым создающие условия для проявления коррупции.*

Автором проанализирован достаточно большой массив судебной практики за 2013-2014 гг. В рассматриваемых судебных актах в той или иной степени рассматривался вопрос оценки наличия/отсутствия в нормативных правовых актах коррупциогенных факторов. Например, Верховный суд РФ 23 апреля 2014 г. [2] *отклонил доводы прокурора о наличии в оспариваемых нормах положений* (ст. 2, 3 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителей», ст. 17, 27 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных

объединениях», ст. 2, 3 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля») *коррупциогенных факторов, предусмотренных Антикоррупционной методикой. Утверждение прокурора о наличии таких факторов ничем не подтверждено.*

Так, в решении от 29 апреля 2014 г. по делу № 2-2/81/2014 Шабалинский районный суд Кировской области, указал, что делегированное главе района, главе администрации района и руководителю отраслевого органа права установления размера ежемесячного денежного поощрения в нормативном правовом акте Кировской области свидетельствует о наличии в Положении коррупциогенных факторов, связанных с широтой дискреционных полномочий, предусмотренных пп. "а" п. 3 Антикоррупционной методики. По мнению прокурора, делегирование представительным органом главе района, главе администрации, руководителю отраслевого органа права установления размера ЕДП является коррупциогенным фактором, связанным с широтой дискреционных полномочий, предусмотренных пп. "а" п. 3 Антикоррупционной методики, поскольку предоставляет указанным должностным лицам субъективно подходить к определению размера ЕДП, тем самым нарушать права и интересы работников на справедливую оплату труда, исходя из категории занимаемой муниципальным служащим должности, стажа и интенсивности работы. *Однако суд не находит в указанном Положении коррупциогенного фактора и противоречий действующему законодательству.*

В апелляционном определении Курганского областного суда от 29 апреля 2014 г. по делу № 33-1247/2014 установлено следующее. Как указывалось в заявлении прокурора, федеральными законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», «Об образовании в РФ» Администрации города Кургана, как учредителю организаций, осуществляющих образовательную деятельность, не предоставлено право нормативно определять срок внесения и порядок распределения родительской платы, *разрешение данных вопросов находится за пределами компетенции Администрации города Кургана и в соответствии с подпунктом "д" пункта 3 Антикоррупционной методики, является коррупциогенным фактором. Однако бездоказательные утверждения прокурора, что определение Администрацией города Кургана срока внесения родительской платы и ее распределения находится вне компетенции учредителя и поэтому является коррупциогенным фактором в соответствии с пп. "д" п. 3 Антикоррупционной методики, судебная коллегия находит несостоятельными.*

Заслуживает отдельного внимания Постановление Четвертого Арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2014 г. по делу № А19-4620/2013, в котором Доводы заявителя апелляционной жалобы о том, что неопределенный срок принятия решения о предоставлении земельного участка (пункт 3.2 Порядка прохождения документов не определяет момент окончания данного срока) *содержит коррупциогенный фактор в виде "широты*

дискреционных полномочий", повлекший необоснованный отказ Администрации в предоставлении земельного участка, суд апелляционной инстанции считает неправомерным по следующим причинам. В обоснование своей позиции о наличии в пункте 3.2 Порядка прохождения документов коррупционного фактора предприниматель ссылается на заключение научно-правовой экспертизы от 23 апреля 2014 года, подготовленное Фондом «Право и демократия». Однако указанное заключение обоснованно не принято судом первой инстанции в качестве надлежащего доказательства по причине того, что такое заключение содержит лишь толкование нормативного правового акта органа местного самоуправления (Порядка прохождения документов). Однако в пункте 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 года № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» прямо указано, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом. Довод представителей предпринимателя (со ссылкой на пункт 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 года № 23 "О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе") о том, что названное заключение научно-правовой экспертизы должно быть оценено судом в качестве иного доказательства по делу (статья 89 АПК РФ), а именно как заключение специалиста, также не может быть принят во внимание, поскольку при рассмотрении споров вопросы толкования норм права и применения нормативных правовых актов подлежат разрешению исключительно судом. АПК РФ допускает использование правовой доктрины исключительно при толковании норм иностранного права (часть 1 статьи 14 АПК РФ). Следовательно, вопросы толкования Порядка прохождения документов являются исключительной прерогативой арбитражного суда, при этом мнение различного рода специалистов не является для суда обязательным.

Интересным представляется иллюстрация апелляционного определения Санкт-Петербургского областного суда от 11 декабря 2013 г. № 33-19112/2013. В частности, заявительница обратилась в Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением, в котором просила признать незаконным отказ Министерства юстиции РФ о предоставлении информации - заключения антикоррупционной экспертизы законопроекта N <...> "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам". Заявительница, просила сообщить проводилась ли Министерством юстиции РФ антикоррупционная экспертиза законопроекта N <...> "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" и, в случае, если такая экспертиза проводилась, предоставить ей копию заключения антикоррупционной экспертизы данного законопроекта, а при невозможности предоставления указанной информации в форме копии документа - предоставить возможность ознакомления с данной информацией в том виде, в каком она имеется в Министерстве юстиции РФ. Судом установлено следующее. Письмом

Министерство юстиции РФ отказало заявителю в предоставлении указанной информации, ссылаясь на то, что нормативно-правовыми актами Министерству юстиции РФ не предусмотрена обязанность направлять копии заключений антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов иным лицам, кроме разработчиков проекта. Суд первой инстанции при рассмотрении заявления пришел к правильному выводу о том, что *законодательством РФ не предусмотрена обязанность органа исполнительной власти опубликования или доведения до всеобщего сведения иным способом результатов антикоррупционной экспертизы, а само экспертное заключение не относится к виду информации о деятельности государственного органа.*

Приведем другую группу примеров судебных решений, в которых затрагивалась оценка норм на предмет содержания коррупциогенных факторов. В частности, *суды признавали оспариваемые нормативные правовые акты недействующими, однако не по основаниям содержащихся в актах коррупциогенных норм, а исключительно на основании противоречия их закону.* Например, апелляционное определение Московского областного суда от 30 июня 2014 г. по делу N 33-13609/2014, в котором установлено, что решение органа местного самоуправления противоречит Федеральному закону от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» и Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», *содержит коррупциогенный фактор, поскольку наделяет представительный орган муниципального образования исполнительно-распорядительными функциями. Принимая оспариваемое решение, Совет депутатов города Красноармейска вышел за пределы своей компетенции.*

Другой пример, иллюстрирует аналогичную ситуацию. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 11-7185/2014, в котором изложено следующее. Так, прокурор указал на наличие коррупциогенного фактора - нарушение компетенции органов местного самоуправления в части регламентации деятельности территориального органа полиции и его структурных подразделений. Включение оспариваемым нормативным правовым актом в качестве исполнителей (соисполнителей) мероприятий муниципальной программы органов полиции свидетельствует о нарушении компетенции органа местного самоуправления и нарушении регламентации деятельности территориального органа полиции, что является коррупциогенным фактором, предусмотренным ч. 3 п. "д" Антикоррупционной методики. Суд руководствовался положением п. 38 Порядка принятия решения о разработке муниципальных программ Озерского городского округа, их формированию и реализации, утвержденного постановлением администрации Озерского городского округа от 16 августа 2013 года № 2476 в редакции постановления от 26 февраля 2014 года № 509, согласно которого муниципальные программы, предлагаемые к реализации начиная с очередного финансового года, а также изменения в ранее утвержденные муниципальные программы подлежат утверждению в сроки, установленные графиком

подготовки и рассмотрения материалов, необходимых для составления проекта бюджета Озерского городского округа на очередной финансовый и плановый период. Суд также не усмотрел наличия коррупциогенного фактора при нулевом финансировании Программы. В соответствии с п. "д" ч. 3 Антикоррупционной методики, принятие нормативного правового акта за пределами компетенции, нарушение компетенции органов местного самоуправления при принятии нормативных правовых актов отнесено к коррупциогенным факторам. Суд первой инстанции обоснованно исходил из того, что федеральный закон, регулирующий деятельность органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений в РФ отсутствует. Вместе с тем, правило, предусмотренное ст. 73 Конституции РФ, в силу которой вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти, а, следовательно, вправе осуществлять собственное регулирование по этим вопросам, не означает, что орган местного самоуправления вправе самостоятельно урегулировать правоотношения по вопросам, которые не были урегулированы на федеральном или региональном уровне. Таким образом, *оспариваемый нормативный правовой акт в указанной части издан с превышением полномочий органа местного самоуправления и противоречит нормам действующего законодательства.* При таких обстоятельствах решение суда первой инстанции подлежит отмене с вынесением по делу нового решения об удовлетворении требований прокурора и признании оспариваемого нормативного правового акта в целом противоречащим федеральному закону и недействующим со дня его принятия, поскольку оспариваемый нормативный правовой акт принят с нарушением установленного действующим законодательством порядка его принятия.

Итак, в настоящее время активно выявляют коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах только прокуратура и Министерство юстиции РФ. Как известно, согласно статье 118 Конституции РФ правосудие в РФ осуществляется только судом. Суд является основным гарантом защиты прав и интересов граждан и организаций. Однако как показывает анализ судебной практики, в настоящее время суды различных инстанций в нормативных правовых актах наличия коррупциогенных факторов не усматривают.

Литература

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10, ст. 1084.
2. Об оставлении без изменения решения Пермского краевого суда от 23.12.2013, которым удовлетворено заявление о признании недействующими отдельных положений постановления правительства Пермского края от 11.01.2013 № 14-п: Определение Верховного Суда РФ от 23.04.2014 № 44-АПГ14-8 // [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

В.А. ШАТИЛО
ПРЕЗИДЕНТ УКРАИНЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ: ОСНОВЫ ЕГО ПРАВОВОГО СТАТУСА
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

(Украина, Киев)

В новейших трудах по конституционному праву Украины Президент Украины определяется как носитель верховной государственной власти и высший представитель государства в его отношениях с другими странами. Более того, некоторые авторы прямо указывают, что общей чертой статуса президента для парламентско-президентской формы правления является стремление поставить президента над традиционными ветвями власти, всеми институтами государства в самостоятельном качестве, в частности, как арбитра, координатора отношении органов государственной власти, государства и общества. Такое толкование статуса Президента Украины фактически является реанимацией обоснования статуса конституционного монарха с точки зрения органической теории государства в изложении немецких конституционалистов XVIII-XIX вв. Гербера, Мейера и Аншютца и является опасным для неустановившихся традиций украинской демократической республики.

Эволюция института президентства в передовых странах западной демократии позволяет утверждать, что его статус постоянно менялся. При этом интересен тот факт, что с конца XVIII века с промежутком в 80-90 лет мировая политико-правовая теория и практика дарили миру новую модель республиканской формы правления: 1787 год - президентская республика (США), 1875 год - парламентская республика (Франция), 1958 год – президентско-парламентская республика (Франция). Кроме того, можно констатировать, что последние десятилетия сказались разнообразием уникальных форм правления. Сейчас фактически нет государств с тождественным правовым статусом главы государства. Компетенция каждого из них отличается определенными различиями даже в пределах каждой из трех основных моделей республиканского правления. При этом почти во всех постсоветских государствах острую актуальность приобретает проблема оптимизации правового статуса главы государства путем определения необходимого объема полномочий.

Поэтому определение «президент - глава государства» фактически ничего не проясняет в его правовом статусе и не дает возможности более или менее четко выявить его место в системе высших органов государственной власти. Именно этим объясняется тот факт, что термин «глава государства» не встречается в подавляющем большинстве конституций развитых демократических стран. Исключение составляют Испания (ст. 56 Конституции 1978 г.), Италия (ст. 87 Конституции 1947 г.) и Швеция (глава 5 «Формы правления», 1974 г.), хотя и в указанных актах содержится детализация правового статуса главы государства путем указания на его функции и

полномочия. Ст. 99 Конституции Аргентины 1853 г. (в редакции 1994 г.) провозглашает президента главой нации и главой правительства. Единственное, что объединяет глав всех государств мира - это право внешне-и внутривластного представительства. Все другие полномочия могут существенно отличаться в каждом из государств.

В государственном механизме Украины, построенном на принципах законности, республиканизма, народного суверенитета и разделения властей, президент является лишь одним из высших органов государственной власти (наряду с парламентом, правительством, Верховным Судом Украины, Конституционным Судом Украины и т. д.), т.е. подчиняется только народу. Он стоит не над ветвями власти, а между ними, обеспечивая единство государственной власти и слаженное функционирование ее ветвей. Именно во исполнение указанных функций и направлены полномочия Президента Украины, которые «проникают» в сферы функционирования всех ветвей власти. Поэтому деятельность Президента Украины должна направляться в первую очередь не наружу государственного механизма, а внутрь. Гарантирование Конституции Украины, основных прав и свобод человека и гражданина Президентом Украины должно достигаться не путем непосредственного влияния на гражданское общество (для этого существуют «традиционные» ветви власти), а путем воздействия на другие высшие органы государственной власти в целях их координации, согласования и консолидации на выполнение Конституции Украины, принципов внутренней и внешней политики, определяемых парламентом. Именно в этом, по нашему мнению, заключается сущность института президента в той модели парламентско-президентской республики, которая закреплена Конституцией Украины 1996 г. с изменениями 2014 г.

Для Украины, которая за двадцать три года своей независимости пережила существенные изменения формы правления - от советской республики через президентскую республику (1991 – 1996 гг.), президентско-парламентскую (1996 – 2004 и 2010 – 2014 гг.) к парламентско-президентской (2004 – 2010 гг. и с февраля 2014г. по сегодняшнее время) республики, - были характерны соответствующие изменения правового статуса Президента Украины - главы украинского государства.

К сожалению, основания и становления института президентства в нашей стране не базировались на надлежащих теоретических и государственно-правовых разработках. Они происходили преимущественно путем «проб и ошибок» и некритического восприятия соответствующих моделей США, Франции и России. В итоге институт президентства в Украине на сегодня является гипертрофированным, что в своей текущей деятельности значительно выходит за пределы своих и без того широких полномочий, фактически выполняя роль высшего органа власти. Сам термин «глава государства» еще более расплывчат по смыслу термином «гарант Конституции» и приобрёл искаженное толкование. Нечеткость конституционных норм, закрепляющих правовой статус Президента Украины, и их определенное противоречие с

провозглашенным принципом разделения властей дали основания некоторым авторам даже утверждать, что выбранная в Украине форма правления - смешанная форма правления - является «неправильной».

Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что дальнейшее развитие института президентства в Украине необходимо осуществлять в направлении формирования современного украинского конституционализма с целью утверждения Украины как демократического, конституционно-правового государства.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

С.А. ДОСТОВАЛОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ САНКЦИЯ И ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

(Россия, Новосибирск)

Модернизация правовой системы государства обуславливает практическое решение вопроса об уголовно-правовых санкциях, теоретическое осмысление юридической природы этого правового явления, выяснение характера общественных отношений, в рамках которых она реализуется.

По мнению С. С. Алексеева, «правовая природа – это юридическая характеристика данного явления, выражающая его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой» [1, с.227].

В связи с этим возникает необходимость анализа проблемы уголовно-правовых отношений в контексте выяснения места уголовно-правовой санкции, определения форм ее реализации в этих отношениях.

Как справедливо указывает П. А. Фефелов: «Уголовное правоотношение является одним из основных методологических понятий уголовного права. Но ни одна из уголовно-правовых проблем не породила столь значительного расхождения во взглядах не только по частным вопросам, но и по ее концептуальным основам» [7, с. 4].

Не ставя перед собой задачу осветить весь спектр проблем общественных отношений акцентирую внимание лишь на определении рассматриваемого понятия и пределах реализации санкции в рамках уголовно-правовых отношениях. Вполне понятно, что высказанные автором суждения ни в коей мере не претендуют на категоричность и не могут рассматриваться в качестве истины в последней инстанции.

В уголовно-правовой теории по вопросу правоотношений сформулированы различные точки зрения. По поводу определения правоотношения отсутствует единство мнений среди ученых-юристов.

Ряд авторов высказывается за то, что уголовное правоотношение – это отношение, возникающее в связи с совершением преступления между государством и лицом, совершившим преступление. Так, Б. В. Здравомыслов пишет, что когда совершается преступление, возникает конкретное уголовно-правовое отношение [6, с. 67].

И.Я. Козаченко, А. И. Марцев считают, что правоотношение (совокупность правоотношений) – это отношение между государством и лицом, совершившим преступление, в котором одна сторона – государство в лице уполномоченных на то органов – ограничивает правовой статус виновного, возлагает на него тяготы

и лишения, а другая сторона – лицо, совершившее преступление – обязано претерпевать эти тяготы и лишения [2, с. 21.; 4, с. 23].

Данная позиция авторов абсолютно не учитывает ситуации имеющие место в реальной правовой действительности. Уголовно-правовые запреты нарушаются также лицами, которые в соответствии с законом не могут быть признаны субъектами преступлений в связи с их невменяемостью или несовершеннолетием (при условии освобождения таких лиц от уголовной ответственности на основании п. 1. ст. 90 УК РФ). В подобных ситуациях совершается общественно опасное деяние; причиняется вред охраняемым уголовным законам интересам; и непризнание лица субъектом преступления вовсе не означает, что его поведение не подлежит уголовно-правовой оценке. Иначе задачи Уголовного кодекса (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений) решены не будут. Государство в лице уполномоченных на то органов обязано отреагировать на нарушение уголовно-правового запрета, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Необходимо отметить, что за последние годы в уголовно-правовой науке наметилась тенденция к новому пониманию правоотношения. При этом группа авторов определяет уголовное правоотношение как правовую связь, урегулированную нормами уголовного права, возникающую в связи с совершением общественно опасного деяния между государством и физическим лицом, совершившим это деяние. П. А. Колмаков, рассматривая проблему правоотношений, возникающих при применении принудительных мер медицинского характера отмечает: «Действительно, типичным, общепризнанным основанием для возникновения уголовно-правовых отношений является уголовно-наказуемое деяние, а субъектом – вменяемое лицо, совершившее преступление. Однако в этой связи необходимо заметить, что уголовно-правовое регулирование охватывает более широкие правовые категории и не исчерпывается только преступлением и наказанием» [3, с. 18].

В настоящее время и теория уголовного права и практика имеют полное представление о том, что не только преступное, но и любое другое поведение может иметь уголовно-правовое значение. Данный подход по существу вытекает из сформулированного в общей теории права положения о том, что «правовые отношения – это отношения урегулированные правом» [5, с. 473].

Рассматривая проблему уголовно-правовых отношений, автор исследования исходит из того, что устанавливая уголовно-правовые запреты, уголовный закон в значительной степени регламентирует поведение людей. При этом уголовные правоотношения возникают с одной стороны между государством, а с другой - лицом к кому обращен уголовный запрет.

Нарушение уголовно-правового запрета предусматривает применение уголовно-правовой санкции.

С.С. Алексеев рассматривает санкции как: - «основную группу государственно-правовых мер, отличающихся от всех иных тем, что они выступают в качестве государственно-властной реакции на факт противоправного поведения, направлены на предупреждение правонарушений и иного противоправного поведения, на ликвидацию их последствий, связаны с воздействием на правонарушителя и всем этим выражают особую правовую оценку противоправного поведения» [1, с. 227].

Таким образом, уголовно-правовая санкция может быть охарактеризована как специфическое правоотношение, складывающееся между органами и должностными лицами (субъектами применения санкции) и лицами, совершившими общественно опасные деяния.

В связи с обусловленной полярностью и правовой несовместимостью субъективных прав и обязанностей сторон (или одной стороны - в лице уполномоченных органов) данного правоотношения санкция приобретает характер резко выраженного властеотношения.

Литература

1. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М., 1989. – С.227
2. Козаченко, И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения / И. Я. Козаченко. – Свердловск, 1987. – С. 21.;
3. Колмаков П. А. О правоотношениях, возникающих при применении принудительных мер медицинского характера. // П. А. Колмаков. «Медицинское право», 2008, №3. – С. 18
4. Марцев, А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений / А. И. Марцев. - Омск, 1973. – С .23
5. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И Матузова, А. В. Малько. – М., «Юрист», 1999. – С. 473
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М.: «Юрист», 1996. – С. 67
7. Фефелов, П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы / П. А. Фефелов. – М.: «Юр. лит.», 1972. – С.4

М.В. ЗАСЫПКИНА НОВЕЛЛЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА

Научный руководитель – Т.Ю. Сабельфельд
(Россия, Новосибирск)

Еще в XVIII веке М. Ротшильд очень точно прочувствовал тенденцию развития современного общества, уместив ее в короткой, но емкой фразе: «Кто владеет информацией – тот владеет миром». На сегодняшний день информация стала, пожалуй, самым ценным ресурсом, а время – очень дорогой единицей измерения. Состояние рыночной экономики напрямую зависит от развития

Интернет – технологий, сетевых инноваций. Меняющиеся реалии экономической жизни требуют адаптации к ним трудового законодательства.

В апреле 2013 года Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №60 – ФЗ [1], который ввел в Трудовой кодекс новую главу 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Эта глава устанавливает особенности регулирования труда сотрудников организаций, работающих дистанционно. Согласно легальному определению, закрепленному в ст. 312.1 дистанционная работа представляет собой выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя при условии взаимодействия работника и работодателя посредством информационно – телекоммуникационных сетей общего пользования [2]. Заметим, что до введения данной главы, отношения с удаленными сотрудниками оформлялись либо посредством гражданско-правовых договоров (договоры возмездного оказания услуг или подряда), либо такие работники приравнивались к надомникам [3].

По существу, законодатель не ввел ничего принципиально нового – было лишь официально закреплено то, что существует на практике уже длительное время. Самыми распространенными и востребованными специалистами, которые в основном общаются с работодателем «на дистанции», являются ИТ – специалисты, веб – дизайнеры, журналисты, модераторы, переводчики и некоторые другие.

Среди положительных моментов данного режима работы стоит отметить следующее:

Во – первых, значительно упрощается процедура оформления трудовых отношений, документооборот. Кадровик оформляет все необходимые документы, как и для офисного сотрудника, при этом отпадает необходимость лично знакомить работника со всем пакетом документов, достаточно направить их по электронной почте и получить ответ с электронной подписью. А затем такому работнику заказным письмом с уведомлением будет выслан экземпляр трудового договора на бумажном носителе. Страховое свидетельство государственного пенсионного страхования работник также будет получать самостоятельно (если впервые заключает трудовой договор).

Во – вторых, у сотрудника отпадает необходимость постоянно посещать офис, что позволяет ему рационально и максимально эффективно использовать свое время (по общему правилу режим рабочего времени и времени отдыха устанавливается дистанционным работником по его усмотрению), а работодателю это позволит избежать дополнительных затрат на оборудование и содержание рабочих мест.

В – третьих, такой режим работы обеспечивает для работника комфортный эмоциональный фон, позволяет избежать конфликтных ситуаций с коллегами, начальством, есть возможность контролировать поток поступающей информации, сосредотачиваясь на главном, что положительно сказывается на результативности работы.

В – четвертых, решается проблема перевода работника из одного города в другой, что особенно актуально, когда работодатель и работник находятся на значительном расстоянии друг от друга.

В – пятых, определенным плюсом для работодателя является то, что он должен выполнять перед таким работником значительно меньший объем обязанностей в плане обеспечения безопасных условий и охраны труда, нежели в отношениях с офисным сотрудником. Также следует отметить, что заключение такого рода трудового договора не приводит к образованию у компании обособленного подразделения и, следовательно, не влечет обязанности вставать на налоговый учет по месту работы дистанционного сотрудника.

Однако нельзя не сказать и о некоторых минусах данного режима работы и недоработках законодателя, которые создают определенные сложности в правоприменении.

Под вопросом остается возможность контроля работодателем выполняемой работы, ведь, по сути, в таком случае контроль за рабочим процессом практически отсутствует, нет возможности отследить приступил ли работник к выполнению своих обязанностей или нет, на какой стадии находится работа, проект и т.д. И сам работник не имеет возможности оперативно обратиться к руководству, чтобы уточнить, что именно от него требуется. Это может повлечь некачественное выполнение работы, выполнение с опозданием и др.

С определенными сложностями работодателям придется столкнуться при обеспечении электронного документооборота. Потребуется тщательная разработка системы хранения таких документов, обеспечения конфиденциальности персональных данных при их передаче по сетям общего пользования. Нельзя проигнорировать и такой момент, как возможность сбоя информационной системы, что приведет к задержке и неполучению в срок необходимой информации от той или другой стороны и отразится на качестве профессиональной деятельности. Необходимо отметить, что окончательного и полного перехода на электронный документооборот пока не предусмотрено.

Особенно хотелось бы обратить внимание на институт электронной подписи. Для того, чтобы электронная документация стала равнозначной по юридической силе бумажной, необходимо проставить на ней усиленную квалифицированную электронную подпись. Процесс этот довольно трудоемкий на начальном этапе, требующий финансовых и временных затрат, ведь сначала необходимо пройти определенную процедуру ее получения: обратиться в удостоверяющий центр, получить сертификат ключа проверки электронных подписей, который будет действовать определенный срок, установить необходимое программное обеспечение [4].

Обращает на себя внимание указание законодателя на необязательность ведения трудовых книжек. Получается, что если трудовая книжка для такого работника не заводится или данные о дистанционной работе в нее не вносятся, то единственным документом, подтверждающим трудовой стаж, является

трудовой договор. Хотя, как отмечают специалисты, трудовая книжка уже начинает утрачивать свою актуальность и не за горами тот день, когда она совсем уйдет из оборота [5]. Об этом неоднократно говорило и Министерство труда и социальной защиты России. Тем более сведения о трудовом стаже работников в настоящее время хранятся в Пенсионном фонде России, поэтому особых сложностей по доказыванию трудового стажа работником возникнуть не должно [6]. Проблемные ситуации по данному вопросу могут возникнуть, например, когда работник по каким-либо причинам не получит по почте заверенную копию трудового договора, то очевидно, что ему будет сложно подтвердить период дистанционной работы для учета трудового стажа [7].

Хотелось бы обратить внимание и на особенности расторжения трудового договора с дистанционным работником. В законе сказано, что трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя по основаниям, предусмотренным трудовым договором [8]. Речь идет о возможном включении в трудовой договор дополнительных оснований его прекращения по инициативе работодателя. Понятно, что данная норма направлена на защиту интересов работодателей, которые в отношении большинства категорий работников связаны исчерпывающим перечнем оснований для прекращения трудовых отношений. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно подобное включение и не приведет ли оно к злоупотреблению со стороны работодателя.

И последнее, что также заслуживает внимания, это вопрос относительно правовых гарантий для дистанционных работников. Неясным остается момент, каким образом будет осуществляться защита и представительство их трудовых прав и интересов. Законодательная неурегулированность данного вопроса делает эту категорию работников малозащищенными. Представляется необходимым предусмотреть возможность создания такими работниками своего «дистанционного» профсоюза [9].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что дистанционный труд на сегодняшний день становится полноценной альтернативой офисной работе. С дальнейшим развитием информационных технологий такая работа станет все более актуальной. Остаются неурегулированными некоторые вопросы, которые, как представляется, будут решены по мере накопления практики применения такого труда и внесения законодательных поправок в ТК РФ.

Литература

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 N 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. N 14. Ст. 1668.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // СЗ РФ. N 1 (ч. 1). 2002. Ст. 3.
3. Беляева М.Г. Особенности трудовых отношений в условиях дистанционной занятости // Трудовое право. №5. 2008. С. 21 – 23.
4. Федеральный закон от 6 апреля 2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «Об электронной подписи» // СЗ РФ. N 15. 2011. Ст. 2036.

5. Журнал «Кадровая служба и управление персоналом предприятия» июнь 2013 [Электронный ресурс] // <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=13283>
6. Федеральный закон от 1 апреля 1996 N 27-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» // СЗ РФ. N 14. 1996. Ст. 1401.
7. Журнал «Юрист предприятия в вопросах и ответах» № 8/2013 [Электронный ресурс] // http://matec.ru/_Files/ypvo_stefanenkova_august2013.pdf
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // СЗ РФ. N 1 (ч. 1). 2002. Ст. 3.
9. Соيفер В.Г. Проблемы правового обеспечения достойного труда и современных форм занятости // Законодательство и экономика. 2013. N 5. С. 10 - 18.

Е.И. КИСЕЛЕВА

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

(Россия, Новосибирск)

Практика применения новых механизмов перераспределения финансовых потоков между бюджетами бюджетной системы РФ выявила целый ряд проблем как относительно использования каждой из основных форм трансфертов, так и относительно их взаимосочетания. Рассмотрим некоторые из таких проблем на примере межбюджетных отношений, складывающихся между субъектом Российской Федерации – Новосибирской областью и муниципальными образованиями.

Методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в Новосибирской области была разработана в целях реализации положений Бюджетного кодекса Российской Федерации [1].

Методика распределения дотаций для выравнивания бюджетной обеспеченности включала последовательное осуществление двух направлений, во-первых, определение уровня расчетной бюджетной обеспеченности и, во-вторых, собственно распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности исходя из уровня расчетной бюджетной обеспеченности. При расчете дотаций местным бюджетам показателями, определяющими объем предоставляемых дотаций, были определены собственные доходы бюджетов и численность проживающих в муниципальном образовании населения. Соответственно, максимальный объем дотаций должен был предоставляться муниципальным образованиям с незначительными собственными доходами и значительной плотностью населения.

Однако, применение данной методики, с одной стороны, не создавало стимулов для повышения заинтересованности муниципальных образований в увеличении собственных доходов, а с другой – усложняло обеспечение финансовыми ресурсами муниципальных образований с низкой плотностью населения.

При формировании областного бюджета Новосибирской области на 2013 год в данную методику были внесены изменения [2]. Во-первых, был введен

новый показатель - прогнозный объем налоговых и неналоговых доходов муниципального образования на очередной финансовый год, рассчитанный с темпом роста не выше среднего уровня по всем муниципальным образованиям. Муниципальные образования, имеющие более высокие темпы развития, получили право при расчете дотаций применять показатель роста по собственным доходам не выше среднего муниципального уровня. Это означало, что часть дополнительных доходов муниципального образования не должна была снижать расчетную величину дотации.

Вторым показателем, изменившим методику распределения дотаций, стал коэффициент плотности населения муниципального района, применение которого призвано обеспечить дополнительную поддержку районов, имеющих большую территорию, но низкую численность населения.

Результаты применения принятой системы бюджетного выравнивания муниципальных образований и в целом обеспечения их финансовой самостоятельности ежегодно анализируются Контрольно-счетной палатой Новосибирской области. Общий вывод после изучения годовых отчетов может быть сформулирован определенно: проблема обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований не была решена. В отчете Контрольно-счетной палаты за 2005 год отмечено, что удельный вес дотаций в расходах местных бюджетов (за исключением города Новосибирска) от 30 до 86 %. Всего лишь 46,8% расходов местных бюджетов было обеспечено собственными доходами. Соответственно 53,2% расходов были осуществлены за счет межбюджетных трансфертов из областного бюджета. И это средние показатели. В отчетах Контрольно-счетной палаты за последующие годы вновь зафиксировано, что межбюджетные трансферты оставались основным источником получения доходов местных бюджетов [3].

Понятие «бюджетная обеспеченность» - экономическое понятие. Бюджетный кодекс Российской Федерации вводит понятие «уровень бюджетной обеспеченности», предполагающий его количественную характеристику. Уровень бюджетной обеспеченности является и показателем уровня экономического развития территории, и критерием получения в бюджет дополнительных средств из другого бюджета бюджетной системы РФ. В связи с этим возникает проблема учета факторов, влияющих на показатели уровней доходного и расходного потенциалов муниципальных образований.

Прежде всего, следует отметить сложность учета большого (точнее - бесконечного) числа таких факторов. Формальное перечисление этих факторов и построение на их основе методики распределения дотаций прямо влияет на качество нормативного правового акта, делая его громоздким, требующим дополнительных разъяснительных материалов. В отчете Контрольно-счетной палаты Новосибирской области за 2010 год отмечено, что принятые практически во всех муниципальных районах правовые акты, регулирующие распределение дотаций, не соответствуют законодательству. С другой стороны, произведенные расчеты дотаций поселениям не соответствовали принятым

правовым актам. Часть дотаций распределялась субъективно, без формализованной методики.

Само понятие «финансовая помощь» не согласовывается с установленными Бюджетным кодексом Российской Федерации принципами бюджетной системы, а именно принципом самостоятельности бюджетов и принципом разграничения доходов и расходов бюджетов. Системное рассмотрение этих принципов приводит к выводу о том, что закрепленные за каждым бюджетом доходы должны позволить реализовать полномочия соответствующих органов власти по самостоятельному осуществлению бюджетного процесса.

Механизм межбюджетных трансфертов следует рассматривать как дополнительный инструмент, позволяющий сгладить формирование и исполнение бюджетов с учетом конкретных географических и социально-экономических особенностей территорий. Но в случае, когда доходы бюджета муниципального образования формируются в основном только за счет получаемых трансфертов, сложно говорить о дополнительном значении механизма межбюджетных трансфертов.

Сложность построения системы перераспределения финансовых потоков между бюджетами бюджетной системы РФ является следствием низкого уровня собственных доходов муниципальных бюджетов.

Литература

1. О единых нормативах отчислений в бюджеты муниципальных образований Новосибирской области от налога на доходы физических лиц и межбюджетных трансфертах между областным бюджетом Новосибирской области и бюджетами муниципальных образований Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 07.11.2011. № 132-ОЗ // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов от 09.11. 2011. № 57.

2. О внесении изменения в Закон Новосибирской области « О единых нормативах отчислений в бюджеты муниципальных образований Новосибирской области от налога на доходы физических лиц и межбюджетных трансфертах между областным бюджетом и бюджетами муниципальных образований Новосибирской области»: Закон Новосибирской области от 07.11.2012. № 258-ОЗ// Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов от 09.11.2012. № 56.

3. Использованы отчеты Контрольно-счетной палаты Новосибирской области. См.: www/ksp/nso.ru.

А.А. КОПЫЛОВ ПРАВО И МОРАЛЬ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

(Россия, Новосибирск)

Идеи взаимосвязи и взаимозависимости права и морали имеют давние онтологические, гносеологические и аксиологические корни и богатые

традиции осмысления. Им посвятили свои труды Аристотель и Платон, Ш.Монтескье и Н.Макавелли, Г.Гегель и И.Кант, В.Соловьев и Н.Бердяев.

Нынешние коренные преобразования во всех сферах жизнедеятельности общества (политических, экономических, информационных, правовых, нравственных и т.д.) побуждают обратиться к старой проблеме соотношения права и морали. Различные подходы к пониманию роли морального модуса в праве нашли отражение в формировании двух направлений – диалектическом и метафизическом. В философии права также сформировались 2 направления, которые абсолютизуют одну из двух составляющих дуализма права и морали: естественное и позитивное право. Так, естественное право (право повседневного мира человека) рассматривается как притязание человека, вытекающие из его естественных потребностей, тем самым совпадающее с моралью. К естественному праву относятся право на жизнь, честь, достоинство, свободу.

Позитивное (иногда называют государственное) право представляет собой право официальное, т.е. издаваемое государственными органами и фиксируемые в источниках права, которое «очищенное» от морали, политики и психологии.

Идея единства, взаимосвязи и взаимозависимости право и морали является концептуально-методологической для юридической теории и практики, поскольку с ними связаны решения различных проблем, начиная с регуляции общественной жизни и кончая механизмами формирования правовых норм.

Усиление взаимодействия права и морали тесно связано с этической обоснованности права. Например, правовая система Российской Федерации согласована с общепризнанными принципами и нормами международного права (ст.15 Конституции Российской Федерации), тем самым общечеловеческие ценности и идеалы «вплетены» в национальные нормативно-правовые акты. Многие статьи Конституции Российской Федерации свидетельствуют, о взаимосвязи правовых и нравственных начал во взаимоотношениях личности, общества и государства. Так, ст.2 Конституции Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Осмысление взаимовлияния и взаимозависимости права и морали обусловлено не только тем, что в современное время предъявляются повышенные требования к нравственной обоснованности права, но и также негативными процессами, происходящими в сфере духовной жизни. В современном мире в целом и в России в частности происходит трудный процесс переосмысления идеалов и ценностей, трансформация и приспособление их к изменившимся условиям жизни.

В условиях западного мультикультурализма стимулируется этнизация всяких социальных меньшинств (включая, например, геев, гомосексуалистов, однополые браки). Принимаются законы (либо их трактовка), отражающие интересы этих социальных меньшинств в ущерб большинства.

Вот прецедент в области права: в 1996 г. в штате Висконсин (США) суд оправдал иммигранта из Юго-Восточной Азии, обвиняемого в растлении двух 11-летних девочек, на основании того, что «сексуальные контакты с молодыми девушками являются традиционной чертой азиатской культуры. В порядке порицания суд приговорил растлителя к бесплатному двухмесячному изучению английского языка – чтобы стимулировать его контакты с англоязычной протестантской культурой» [2].

Другой пример взаимосвязи и взаимозависимости право и морали.

В период смены социальных парадигм как совокупности определенных представлений и определений, а также ценностных установок происходят кардинальные преобразования в нормативно-правовых актах. Так, за время Советской власти в России спекуляция считалась одним из опасных экономических преступлений. Только за 25 лет (1966 – 1991гг.) за её совершение было привлечено к уголовной ответственности около 1 млн. человек. В 1991г. это деяние было декриминализовано и стало считаться одной из форм легальной экономической деятельности. В УК РФ (1996г.) не вошло около 60 составов деяний, которые значились в предыдущем УК РСФСР (1960г.) и включено 78 новых.

Единство право и морали обусловлены, на наш взгляд, следующими коррелирующими основаниями:

1. Являются социальными регуляторами, поскольку представляют собой нормы активного воздействия на поведение людей.
2. Относятся к элементам надстройки и обусловлены прежде всего экономическим базисом.
3. Представляют собой феномены социальной реальности, которая являет собой целостность во взаимосвязи и взаимозависимости составляющих её элементов, в том числе право и морали.

Между правом и моралью могут быть и есть противоречия, отражающие их специфику и трудности в самореализации.

1. Правовые и нравственные нормы не всегда согласуются, а иногда и противоречат друг другу.
2. Право более консервативно, менее подвержено изменениям, в отличие от морали и её носителей.
3. Право отличается единообразием нормативных предписаний, мораль же разнообразна и не однородна в своем проявлении у отдельных различных социальных групп (личностей, классов, этносов).

В целом же право и мораль взаимодействуют и дополняют друг друга:

1. Правовым является закон, отражающий основополагающие принципы гуманизма, справедливости и соответствующие господствующие в обществе ценностям и идеалам.
2. Значительная часть правовых норм обязаны своим происхождением моральным регуляторам.
3. Правовые нормы защищают моральные ценности и идеалы.

4. Мораль и право способствуют формированию у людей правовой и нравственной культуры.

5. Мораль и право реализуется через диалектику идеального (должного) и реального (сущего) в поведении человека.

6. Право и мораль, имея относительную самостоятельность, в историческом развитии обладают преемственностью.

Таким образом, диалектическое единство права и морали предполагает анализ следующих составляющих:

1) единство; 2) противоречие; 3) взаимосвязь и взаимозависимость.

При этом действительная проблема состоит не только в том, чтобы обнаружить корреляцию права и морали, но и определить каналы морального осмысления правовых реальностей и их влияния на жизнедеятельность общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. – М.: Алгоритм, 2007. – С.41.

Н.В. КРИВОРУЧКО

ТОТАЛИТАРИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

(Польша, Варшава)

Начало XXI столетия является одним из наиболее значимых периодов мировой истории. Это определяется в первую очередь глобализационными процессами. Часть государств пребывает в состоянии быстрых экономических, политических, социальных изменений, часть – в состоянии глубокого застоя [1]. Несмотря на сущностную эволюцию государственных систем на протяжении последнего десятилетия, к категории «свободных» и «демократических» можно отнести незначительное количество. В связи с чем существует угроза возрождения тоталитарных режимов, их имитация и трансформация в новую, более адаптированную, но по сути антагонистичную и антигуманную государственно-политическую систему. Амбициозные лидеры, избранные должностные лица и политические партии не преминут воспользоваться возможностью навязать свою волю мировому сообществу (по примеру Камбоджи конца 70-х гг.). Пережив шок, вызванный публикациями В. Шаламова, П. Леви, А. Солженицына, Ж. Амери и др., познав многообразие тоталитаризма XX столетия человечество парадоксальным образом утратило ощущение его действительной угрозы в будущем. Сегодня все, от религиозных сект до политических мегасистем (по типу ЕС или США), может содержать компоненты тоталитаризма или в целом быть тоталитарным.

Тоталитаризм как вид политической системы является способом развития государственного строя, но его необходимо рассматривать в таком смысле, что не имеется четких моделей управления (управление, основанное на насилии, не

может быть добровольным и продолжительным), не способствует благосостоянию граждан, развитию и расширению их прав и свобод. Вместо этого основными его приемами становятся монополизация власти и создание насильственных механизмов взаимодействия между населением и высшим эшелонem власти (лидером, диктатором и др.), а также тотальностью одностипных насильственных норм и правил поведения, которые навязывают ощущение страха, покорности, зависимости, рабства.

В переводе с латинского «тоталитарный» означает «такой, что касается целого». Дж. Джентиле как идеолог итальянского фашизма объяснял содержание тоталитаризма через тотальное подчинение человека государству и устранение индивида из политической истории, поскольку все человеческое и духовное губит ценность государства [2, с. 30]. Политическую лексику дополнил в отношении этого термина после выступления Б. Муссолини в 1925 г., в котором он раскрывает понятие «тоталитарное государство». Неоднозначное влияние на общественное восприятие сущности тоталитаризма реализовали знаменитые романы-антиутопии Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и др.

К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» утверждает, что Платон, Гегель и Маркс были основными авторами доктрины тоталитаризма. «Она проходит через всю историю человечества и в любой момент может стать угрозой на его пути к «открытому обществу»» [3, с. 98]. Идея тотальности власти испокон веков связана с малым социальным пространством и ограниченностью его ресурсов.

Развивая учение о типологии тоталитаризма, М. Драхт указывает на то, что тоталитарные диктатуры, в отличие от авторитарных, нацелены внедрить в обществе радикально новую систему ценностей (мышления). Несколько иное толкование указанной категории дал М. Кертис, который обозначил тоталитаризм как «специфический тип современного режима в отличие от массовой демократии, держащий население под контролем с помощью разнообразных способов, в особенности террором». Автор отметил, что существуют другие диктатуры, где имеет место «элитарное управление, несвободное использование политической власти, сведение к минимуму специальных прав индивидов, иерархические институты» [4, с. 76].

Анализируя типологию политических режимов, Р. Арон рассматривает тоталитарный режим в сравнении с либеральным. В качестве критерия сравнения он берет тип организации политических партий [5, с. 56]. С такой точки зрения исследователь разделил две группы режимов – конституционно-плюралистический и монополистический. Доминирующей чертой конституционно-плюралистического режима он считал организацию мирной конкуренции для завоевания власти и управления государством.

Особенность тоталитаризма, по утверждению Ханны Арендт, проявляется в двух формах его отношений с внешним и внутренним миром – в пропаганде и терроре соответственно [6]. Первая предназначена для нетоталитарного обеспечения тоталитарного режима, она позволяет создавать, исправлять, фальсифицировать прошлое, истолковывать современное и прогнозировать будущее. На

основе этого формируется приятный или заманчивый образ тоталитарного режима в глазах интеллектуалов, маргиналов, приезжающих граждан демократических государств. Диктатура и террор становятся формами отношений с внутренним миром – собственным населением, обществом, даже государственными органами. Население атомизируется, превращаясь в массу изолированных индивидов, не способных действовать ради свободы, полагаясь один на другого или делая что-то по собственному усмотрению. Как следствие: народ становится слабым, утрачивает уверенность в себе.

На наш взгляд наиболее полное и удачное определение тоталитаризма – это политический режим, которому присущи политическое, экономическое, идеологическое влияние на правящую элиту, организованную в целостный партийно-бюрократический аппарат (возглавляемый лидером), тотальный контроль над обществом, включая все его сферы с целью реализации такого контроля.

На ранних или начальных стадиях зарождения и развития тоталитаризм выполняет конструктивную и формирующую функцию, но, развиваясь и прогрессируя, превращается в замкнутую и самоизолированную систему. Если такие системы не трансформируются в качественно новую демократическую общность (по примеру Китая в XX-XXI вв.), то, как показывает исторический опыт, становятся типичными депрессивными элементами общемирового политического процесса (большинство государств Центральной, Восточной и Западной Африки).

Как показывают социологические исследования, человека в нетоталитарном мире готовят к тоталитарной среде, разочарованию и отсутствию веры в завтрашний день. Безжалостный процесс, к которому тоталитаризм организует массы, может увести их от реальности.

Однако важно оценивать и тот факт, что как тоталитарные системы прошлого, так и формы тоталитарности в современных переходных фазах зависят от электората – людей, которыми управляют и без которых невозможно функционирование системы как таковой. Однако само население оживляет (активно или пассивно поддерживает) ту или иную политическую силу. Таким образом, каждый из тоталитарных режимов содержит такие субстанционные компоненты:

- политический лидер и вера народа в легитимность режима и свою моральную обязанность покориться ему;

- человеческий ресурс, качественный и количественный состав людей, которые сотрудничают или подчиняются, и которыми управляют. В этом аспекте Карл Дойч в 1953 году писал: «Тоталитарная власть сильна лишь в условиях, когда ею пользуются не часто. Если ею приходится пользоваться постоянно и против всего населения, вряд ли она может долго сохраниться. Поскольку тоталитарные режимы требуют больше силы в отношении своих подчиненных, они также требуют формирования у народа привычки быть зависимым» [7, с. 24];

- нематериальные действия: психологические, идеологические, которые помогают манипулировать мыслями людей;

- матеріальний ресурс, с помощью которого правители контролюють соборність, природні ресурси, економічну систему, способи зв'язи і транспорт;

- можливості застосування системи санкцій і покарань з метою переконати непокорних до співпраці з владою.

Якщо ж говорити про тоталітарне суспільство, то не менш важливою є особливість ментально-мисленних феноменів. За думкою більшості дослідників, вивчаючих роль мисленної діяльності в формуванні державного і суспільного ладу, саме тип мислення призводить до деформації індивідуального мислення і соціального поведіння.

Література

1. Мельник Я., Криворучко Н. Прологомени до українського дискурсу: етнокультурний, політичний та лінгво-семіотичний аспекти. Івано-Франківськ, 2012. С. 162-176.
2. Мілован Д. Обличчя тоталітаризму. Розмови зі Сталіним (1953-1954). К., Знання, 2003.
3. Поппер К. Відкрите суспільство і його вороги. Т.1-2. М., 1992.
4. Гантінгтон С. Криза демократії. К., Демократична хвиля, 1997.
5. Арон Р. Демократія та тоталітаризм. М., Літера, 1997.
6. Арндт Х. Джерела тоталітаризму. К., Дух і літера, 2002.
7. Політологічний енциклопедичний словник. За ред. В.М. Головатого. К., МАУП, 2005.

А.А. ЛАПТЕВ
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ МЕНЕДЖМЕНТА
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА

(Россия, Новосибирск)

Стратегическая деятельность в вузе по управлению конкурентными преимуществами формируется из стратегических намерений, т.е. с осознания руководством и сотрудниками вуза необходимости маркетинга. Затем следует маркетинговый анализ среды вуза, а именно его потребителей, конкурентов, предполагаемых образовательных продуктов, дополнительных услуг и клиентов; анализ наиболее приемлемых для данного вуза форм и методов маркетинговой деятельности; оценка эффективности процесса. Без применения стратегического подхода в управлении вузом невозможно сохранить длительное время конкурентоспособность и наращивать конкурентные преимущества. Необходима постоянная готовность к внедрению различных инноваций.

В целом управление конкурентоспособностью вуза – это совокупность методов менеджмента и маркетинга, нацеленных на повышение качественного профессионального уровня выпускников вуза (рис. 1). При этом менеджмент образовательных услуг – это деятельность по эффективному достижению целей на основе конкурентных преимуществ и своевременной адаптации к изменениям внешней и внутренней среды. Этапами менеджмента является: анализ внешней и внутренней среды, планирование, формирование миссии, конкретизация целей и задач.

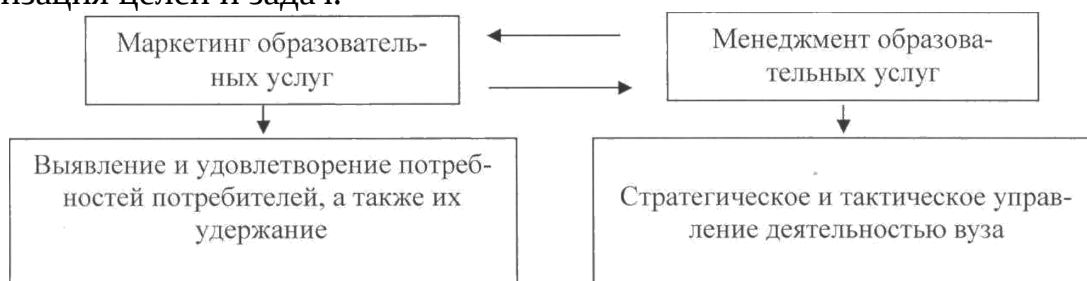

Рис.1. Структура управления конкурентоспособностью вуза

Для установления стратегических целей используют SWOT-анализ, который систематизирует информацию об эффективности деятельности вуза и позволяет формулировать основные направления стратегии образовательного учреждения. Невозможно достичь самокупаемости образовательных услуг без маркетинга, который представляет собой выявление потребностей потребителей услуг. Маркетинг образовательного учреждения включает в себя постоянный мониторинг нужд и запросов потребностей потребителей (студентов и предприятий), сегментирование с целью формирования собственной рыночной ниши; создание банка информации о трудоустройстве выпускников; отслеживание удовлетворения студентов качеством образовательных услуг.

Один из специалистов – А.В. Лукин – считает, что суть создания конкурентного преимущества заключается в выделении рыночных характеристик деятельности компании, которые и создают превосходства над конкурентами [3]. С точки зрения маркетинга автор рассматривает создание конкурентных преимуществ как разработку и реализацию комплекса маркетинга, который, несомненно, превосходит по эффективности реализацию маркетинга по одному или нескольким направлениям.

По критерию готовности к созданию и реализации системы качества вузы можно разделить на три группы:

- вузы, создавшие и внедрившие систему качества;
- вузы имеющие отдельные элементы системы менеджмента качества, сформированные в структурные подразделения. К основным задачам, которых входит решение организационных проблем, связанных с формированием вузовской системы качества, но система не работает в полной мере;
- к третьей группе относятся вузы, не осознавшие важность проблемы качества и не занимающиеся ее решением.

Конкурентные преимущества строятся на сильных сторонах образовательного учреждения и представляют собой преимущества над конкурентами, получаемые по средствам высокого качества продукта и доступной цене. Следовательно, конкурентоспособность любого образовательного учреждения находится в прямой зависимости от качества образовательной услуги. В борьбе за лояльность потребителя конкурентные преимущества занимают центральное место, их формирование и развитие возможно лишь в среде конкуренции. Конкурентные преимущества являются целью конкурентной стратегии и выступают ключевыми факторами успеха в конкурентоспособности субъекта.

В частности, в работе Борисова Ю.В. «Анализ конкурентоспособности образовательного учреждения» понятие конкурентных преимуществ высшего учебного заведения рассматривается как, «характеристики, свойства марки или образовательных продуктов и услуг, которые создают для образовательного учреждения определенное превосходство над своими прямыми конкурентами» [1]. Данные характеристики относятся как к образовательным продуктам, так и дополнительным услугам которые предоставляются высшими учебными заведениями.

Согласно Е.Д. Липкиной, конкурентные преимущества учреждений предоставляющих высшее профессиональное образование заключаются в результатах общей деятельности вуза в «отличительных ценностях», сама возможность получения которых мотивирует потенциального потребителя выбрать данное учреждение. Поэтому обеспечение этих ценностей, сохранение и их преумножение создают превосходство над прямыми конкурентами вуза. Существует и другое мнение, что конкурентные преимущества вуза основаны на профессионализме и опыте преподавательского состава вуза. При условии, что данные преимущества нельзя приобрести за короткий промежуток времени.

Отечественные исследователи Г.Л. Азоева, А.П. Челенкова рассмотрели восемь оснований для классификации конкурентных преимуществ: предмет,

определяющий источник преимущества; тот благодаря кому появляется конкурентное преимущество; срок его действия; динамичный характер; иерархия конкурентных преимуществ; возможность повторения конкурентами; ценовой фактор; сфера действия конкурентного преимущества. Р.А. Фатхутдинов предлагает классифицировать конкурентные преимущества по отношению к образовательной системе; по сферам возникновения конкурентных преимуществ; месту их реализации; виду конечного результата [5]. Так же возможно классифицировать конкурентные преимущества вуза согласно статье Екшикеева Т.К. в которой предлагается основание для классификации конкурентный потенциал, к которому относится, «функциональный потенциал» и выделяются следующие его виды: учебно-методический и инновационный; научно-исследовательский; человеческий; финансово-экономический; социальный; управленческий; маркетинговый.

Проанализировав различные классификации конкурентных преимуществ, выделим два общих типа: внешние и внутренние. Внешние конкурентные преимущества формируются благодаря факторам внешней среды: политике и законодательству государства, состоянию спроса и предложения, а так же внутренние конкурентные преимущества, которые формируются только благодаря внутренним ресурсам и усилиям самого вуза и его составных элементов. Управление конкурентоспособностью вуза состоит в основном из создания внутренних конкурентных преимуществ.

Большинство организаций выбирают для себя две заинтересованные стороны чаще всего это персонал и потребители. В современной экономике роль управления заинтересованными группами усиливается, постоянно разрабатываются и обновляются инструменты измерения репутации, изучается влияние заинтересованных групп на деятельность компании в целом. Лидерами рынка становятся организации, которые проводят единую коммуникационную политику со всеми заинтересованными сторонами. Мало создать товар обладающий новой ценностью для клиентов, нужно доказать им, насколько важны и необходимы новые услуги. Для этого нужно создавать механизм, при помощи которого созданная ценность товара или услуги передаваться от компании клиенту. Это и является основой в работе с заинтересованными группами.

Литература

1. Борисова Ю.В., Тихомирова Н.В. Анализ конкурентоспособности образовательного учреждения // Открытое образование. - 2012. - № 2. - С. 132 – 140.
2. Исарова Н.С. Статистический анализ развития регионального рынка профессиональных образовательных услуг в России на основе кластеризации// Вестник НГУЭУ. 2011. № 1 - С. 213 – 224.
3. Лукина А.В., Лукин А.А. Создание конкурентного преимущества на основе дифференциации// Маркетинг в России и за рубежом. -2010. № 3 - С. 88-95.
4. Мищенко С. Н. Исследование спроса и предложения на рынке образовательных услуг ВПО// Вестник Московской Государственной Академии Делового Администрирования. Серия: Экономика - 2012. № 6 - С. 33 – 41.

Н.Ю. ЛИНЦОВА
«РАБОТА НА ЗЕМЛЕ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
СЕЛЯН УКРАИНЫ

(Украина, Киев)

Прекращение функционирования колхозной системы изменило сельскую повседневность и предоставило новый практический смысл сельскому образу жизни. В новейшем украинском социологическом дискурсе сельская повседневность почти не исследована, отсутствуют эмпирические данные о способе и стиле жизни современных селян - эти вопросы и определили постановку проблемы исследования.

Цель исследования. Проверить, остается ли украинское село собственно аграрным по образу жизни и занятости населения, какие формы трудового поведения определяют способ в стиль жизни селян, было решено с использованием феноменологического подхода, методами качественных методов социологических исследований. Для этого в январе - феврале 2014 г. было проведено 15 фокус групповых дискуссий, которые раскрыли реальные практики адаптации селян к новому экономическому и социокультурному пространству. Целью публикации является изложение результатов эмпирического исследования относительно смысла и значения сельскохозяйственных форм трудового поведения селян.

Анализ исследований и публикаций. Повседневность, с точки зрения основателя феноменологической социологии А. Шюца, это та сфера человеческого опыта, которая формируется на основе практического опыта. Сельская повседневность напрямую связана с трудом и трудовым поведением, что определяет восприятие мира вокруг. В 90-х годах украинское село, как объект социологических исследований, практически не было представлено, лишь в начале 2000-х гг. произошла некоторая активизация социологических исследований села за счет проблематики реформирования земельных отношений. В трудах В. Тарасенко, О. Гончарука, Ван Агта, Дональд Аллена получили социологическое осмысление формат и последствия аграрной реформы Украины [1; 2]. В последнее десятилетие отдельные стороны сельского образа жизни, сельскохозяйственного производства и влияния экономических преобразований на жизнь селян рассмотрены в публикациях таких украинских авторов как А. Шатохин, С. Рыжук, Л. Шепотько, И. Прокопа, В. Мига, Т. Решитько [3; 4]. Социокультурная и экономическая реальность украинского села отражена в исследованиях ценностных ориентаций и в повседневных практиках сельских жителей, в частности в стиле потребления селян [5; 6]. Сегодня проблематика украинского села остается наиболее исследованной усилиями экономистов [7]. Эмпирических источников собственно социологической информации об особенностях жизни жи-

телей сел есть только два, это двадцатилетний мониторинг украинского общества Институтом социологии Академии наук Украины и данные выборочных исследований Государственного комитета статистики Украины.

Понятно, что интенсивность привлечения и массовость проявлений конкретных форм трудового поведения напрямую связаны с сельскохозяйственной специализацией села и района. Самый высокий показатель занятых в сельском хозяйстве характерен для Херсонской, Тернопольской, Кировоградской, Волынской и Винницкой областей, а самый низкий - в Донецкой, Днепропетровской, Харьковской и Луганской областях Украины. Эта ситуация также отражает и специализацию экономики указанных регионов и тенденции распределения занятости населения в сельском хозяйстве Украины [3].

Описание процедуры исследования. В географии исследования представлены пять регионов Украины и различные типы сельских населенных пунктов - от хутора до райцентра. Согласно процедуре отбора, в каждом регионе сначала определялась типичная по сельскохозяйственным признакам область, а в пределах каждой области был отобран кейс с одного типичного села.

Всего в исследовании получены кейсы пяти сел во всех регионах страны: в Центре Полтавская область, Полтавский район - село Дубина (хутор, 672 жителей); на Востоке Запорожская область, Мелитопольский район - село Мирное (райцентр, 3111 жителей); на Западе Ивано-Франковская область, Тысменицкий район - село Старый Лисец (среднее село, 3795 жителей); на Юге, Николаевская область, Вознесенский район - село Александровка («кустовой центр», 5134 жителей); на Севере, Житомирская область, Барановский район - село Довбыш (среднее село, 4496 жителей).

Отбор села осуществлялся не только (и не столько) на основе размера сельского населенного пункта, сколько с опорой на его функциональное значение и специфику занятости населения. Изучались инвестиционные паспорта районов, анализировались структура занятости в районе, удаленность от ближайшего города, наличие регулярного транспортного сообщения, наличие сельского совета, почты, школы, фельдшерского пункта, уточняли количество продуктовых и хозяйственных магазинов, наличие вещевого рынка и т.д. Дополнительно в беседах с председателями сельских советов и «проводниками» из числа местных жителей уточнялась специфика населенного пункта по сравнению с соседними населенными пунктами, фиксировались впечатления о депрессивности или прогрессивности исследуемого села, находились сведения об истории села и его уникальные особенности. Наконец, на основе собранной информации делался вывод о типичности села как кейса.

Целевой отбор сельских жителей для участия в исследовании был направлен на то, чтобы получить половину состава группы из представителей тех домохозяйств, которые заняты в аграрном секторе и получают основную прибыль от работы на земле, а вторую половину группы - из домохозяйств, которые имеют доходы вне агропромышленного сектора. По первой квоте проходили те домохозяйства, у которых работа в агропроизводствах происходит по найму, фермерству, или же работа в личном подсобном хозяйстве является основным

источником доходов. По второй - сельская интеллигенция (учителя, работники культуры и управленцы), маятниковые трудовые мигранты и работники, частные предприниматели в сферах торговли и услуг и т.п., то есть сельские жители в целом.

Набор участников в селах Запорожской и Николаевской областей осуществляли специалисты по рекрутингу, которые несколько раз выезжали из областных городов. В Ивано-Франковской, Полтавской и Житомирской областях набор участников проводили те «проводники» на местах, которых непосредственно посоветовали председатели сельских советов. Всего, в каждом селе проведено по три фокус групповые дискуссии, в каждой из которых приняли участие 8 селян. Перед началом дискуссии исследователь проводила короткую беседу со всеми приглашенными к участию и отобранными после заполнения анкет селянами, как правило, таких было не менее 10-ти, а как максимум - 18 человек. Средняя продолжительность каждой фокус групповой дискуссии составила два часа. Восприятие селянами практического смысла и результатов трансформации сельского образа жизни приведены в прямой речи и цитатах селян в этой публикации.

Перейдем к *изложению основного материала* - рассмотрению имеющихся форм трудового поведения, которые прямо связаны с аграрной сферой, «работой на земле». Результаты специализированного социологического исследования иллюстрируют и раскрывают содержание каждой формы.

Личные селянские хозяйства (ЛСХ) сегодня обеспечивают Украину необходимыми продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем в размере почти 2/3 от общих потребностей. В секторе личных селянских хозяйств в 2000 было занято 4,4 млн. человек. В 2008 их количество сократилось уже до 3300000., Или на 25,0%, а в 2010 - количество работников сократилось до 3,1 млн. человек, или 29,5% [10]. Максимальное количество личных селянских домохозяйств было зафиксировано в Винницкой (337,6 тыс.ед.), Львовской (306,7 тыс.ед.), и Ивано-Франковской (270,6 тыс.ед.) областях.

Этот традиционно-сельский элемент экономики и образа жизни села обеспечил выживание селян в начале реформ в 90-х годах, когда селяне прибегали к «неформальным сетям поддержки», используя практики которые остались еще с колхозных времен: в частности активно практиковался бартер кормов на производимое сырье, договоренности по аренде техники и т.д. Следующее десятилетие стало временем расширения объемов ЛСХ, и последующей товарной специализации, когда сектор ЛСХ перешел на денежные отношения и укрепился, поглотив основные трудовые ресурсы сельского населения среднего возраста с опытом работы в колхозах. В 2001-2008 гг. ЛСХ были привлекательной и наиболее доступной формой занятости в сельском хозяйстве для большинства селян. Далее наиболее специализированные ЛСХ становились фермерскими хозяйствами.

В 2013 году личные селянские хозяйства населения увеличили величину валового производства на 7 млрд. по сравнению с 2012, однако впервые за годы реформ уменьшили свою долю в структуре производителей на 3% в расте-

ниевождении и на 2% в животноводстве. В 2014 году практики ЛСХ играют значительно меньшую роль, став преимущественно источником продуктов для собственных нужд домохозяйства и дополнительным источником дохода для старшего поколения, часто, однако, не средством выживания значительной части селян. Личные селянские хозяйства все меньше трансформируются в фермерские хозяйства, как показали результаты специализированных экономических исследований, темпы такой трансформации в последние годы, постепенно снижаются [7]. Сейчас происходит формализация отношений ЛСХ и государства, в частности селяне отмечают, что доступ к дотационным программам для производителей скота требует прохождения все более сложных процедур ветеринарного контроля, который под силу пройти только специализированным ЛСХ и фермерам, но не лицам старшего возраста (кто преимущественно и занимаются ведением мелкого личного селянского хозяйства).

Установки *«стыдно не обрабатывать свой огород»* и *«обязательно все должно быть свое, выращенное собственноручно»* - специфическое сельское представление о добросовестном поведении. Чаще высказывается селянами старшего возраста, однако характерно для сельского населения всех регионов и групп исследования. *«Нет таких, чтобы своя земля в селе совсем заброшенная стояла, если и оставили, то там, за селом. Где никто не видит. Увидят - стыдно же будет.»* Женщина, 46 лет, ЛСХ, Запад, село Старый Лисец.

Вместе с тем, коммерческий (корпоративный) сектор аграрной экономики динамично развивается с начала 2000-х годов и не снижает темпов роста. Согласно официальной статистике, объем валового производства аграрной отрасли в 2013 году составил 253 700 000 000. грн., что на 20 млрд. грн. превышает показатель рекордного 2011, когда сельскохозяйственной продукции было произведено на 233 700 000 000. грн. (в ценах 2010) [11].

После распада колхозной системы такая форма трудового поведения, как *работа по найму* в аграрном секторе, на вновь основанных или реформированных сельскохозяйственных предприятиях кооперативного и корпоративного типа, - частных предприятиях (ЧП), сельскохозяйственных обществах с ограниченной ответственностью (СООО) и т.д., не стала массовой альтернативой для трудоустройства селян, и почти полностью исчезла за годы реформ, а вместе с ней – исчезли и привычные практики колхозной жизни.

Общая тенденция в Украине: в аграрном секторе находят работу все меньшее количество сельских жителей, и каждый год количество работников продолжает снижаться. В сельскохозяйственных предприятиях и фермерских хозяйствах численность наемных рабочих с 2000 по 2010 сократилась на 71,4% (с 2,8 млн. человек до 0,8 млн. человек).

Современные технологии ведения сельского хозяйства, которые используют крупные аграрные производители, обеспечивают высокую производительность труда, поэтому в обработке земель задействовано в десятки раз меньшее количество специалистов. Ценность наемного труда в аграрной сфере для селянина остается чрезвычайно высокой, ведь здесь рабочий обеспечен официальной заработной платой, социальным пакетом и гарантированным доходом по

месту проживания. Рассказывая о заработной плате тракториста в сельскохозяйственных предприятиях, участники фокус групповых дискуссий в Центре называли цифру в 50 тыс. грн. за сельскохозяйственный сезон в 4 месяца, а на юге Украины - около 12 тысяч гривен в каждый сельскохозяйственный месяц. Это достаточно высокая заработная плата, однако предполагает от работника незаурядных умений и навыков. *«За сезон может заработать 50 тысяч. Если нормально работать, будут и премии и все. Но не все это могут. Трактор ранее был МТЗ простенький, можно было в школе выучиться, на трактор сесть и поторохтели. А вот сейчас техника на компьютере. Очень многие не могут работать уже на тракторах как раньше было. Но если специалист есть, то за него бьются сами директора частных фирм».* Мужчина, 52, тракторист, Центр.

Отметим, однако, что образцы и нормы трудового поведения тех селян, чей возраст составляет 40 лет, непосредственно связан с опытом работы в колхозах - государственном секторе сельского хозяйства, поэтому для селян постарше, ощутима ностальгия за государственным сектором аграрной экономики, который по итогам 2013 использовал только 2,5% из 22,4 млн. га угодий сельскохозяйственных угодий Украины. Подавляющее большинство угодий на данный момент сосредоточено в коммерческом секторе и около четверти (20,4%) - в фермерских хозяйствах [11].

Организация фермерского хозяйства как форма трудового поведения. Эта практика относительно новая для современного селянства и не вносит существенный вклад в структуру занятости сельского населения. По данным Государственной службы статистики в Украине на 1 июля 2013 зарегистрировано 40 тыс. 856 фермерских хозяйств, которые имеют в пользовании 4 млн. 451,7 тыс. гектаров земли [11]. Больше всего зарегистрированных фермерских хозяйств в Одесской и Николаевской областях, а меньше всего - в Ивано-Франковский и Ровенской областях.

На фокус-группах в каждом регионе исследования было представлено, по крайней мере, по одному фермеру или члену фермерской семьи. На Западе и в Центре нашлись и такие участники, которые обрабатывают большие земельные участки, однако официально не являются фермерами. *«Если человек обрабатывает до двух гектаров земли, это называется ведение личного селянского хозяйства. Если более двух гектаров - это уже фермерское хозяйство. Если ты берешь в аренду, ты автоматически должен открыть фермерское хозяйство, ты платишь соответствующий налог. А до двух гектаров, пожалуйста. Таким образом, если у меня жена, двое детей, то у нас вместе может быть восемь гектаров земли, а у жены также еще родственники есть».* Мужчина, 39, товарное ЛСХ, Центр.

Сегодня фермерство наиболее инновационная форма деятельности в селе, которая требует от владельца эффективного использования внутренних ресурсов и принятие на себя полной ответственности за хозяйственные, производственные и финансовые результаты деятельности. Для фермеров характерна особая сезонность в получении доходов и расходов, то есть крупные денежные

поступления осенью после реализации произведенного и расходы на закупку семян, удобрений весной и во время сбора урожая. Как правило, фермеры относятся к обеспеченной категории сельских жителей, владеющих техникой, арендуют земельные участки, многие из них создают рабочие места для односельчан, обычно для выполнения сезонных работ. Фермеры и их семьи работают значительно больше времени, чем представители других слоев сельского населения, поэтому определенным образом удалены от мира сельской повседневности.

По результатам бесед с фермерами во время дискуссий и с председателями сельских советов во время интервью можно сделать вывод и об особом стиле фермерского поведения, потребительского, в частности. Большие доходы, предприимчивость, наличие личного транспорта, сезонность доходов и расходов выступают основой для формирования особого фермерского стиля жизни.

Сезонные сельскохозяйственные работы имеют значительную географическую специфику, различаются по значимости, привлекательности и распространенности для конкретной сельской местности, однако везде осуществляют значительное влияние на доходы селян. В частности в Хмельницкой области заработки от сбора и реализации фруктов (яблок и груш) определяют сферу приложения усилий значительной части населения. В Мелитопольском районе участники отметили определяющее влияние сбора черешни на доход *«Обычные люди больше за счет черешни живут. Собрали, продали или вывезли и весь год живут. У нас же черешни столько, горы просто лежат. Обычный человек будет ее по месту продавать, а то, кто проезжает фурами - то вывозят и в Москву и дальше ...»*, Мужчина, неработающий, Восток.

Во время групп на Западе и Севере часто говорили, что выезжают на краткосрочные сезонные сельскохозяйственные работы за границу: *«на огурцы и ягоды в Польшу»*, *«на клубнику в Финляндию»*: *«хоть на ягоды или на малину, на короткий срок, но надо ездить почти всем кто хочет чего – то. Ну хоть в Польшу, на месяц-два. Человек берет себе отпуск на постоянной работе и уезжает, нам тут недалеко»*, Женщина, 35 лет, семья работников и ЛСХ, Запад. Среди участников Востока опыт сезонных сельскохозяйственных работ не зафиксирован. Селяне в Центре имеют работу в сезон на месте.

Еще один вид сельскохозяйственной трудовой активности сельчан это *собирачество* (сбор лесных ягод, грибов, лекарственных растений) с целью продажи. Реализацией занимаются преимущественно торговые агенты-закупщики. В хороший урожайный сезон доходы от этой трудовой деятельности позволяют селянам накопить денег, чтобы продержаться весь год. На Севере эту деятельность респонденты называли очень важным источником доходов *«У нас все кто могут те собирают грибы, ягоды. Вот все едут семьями и на 200-300 гривен в день - легонько собрать .. Ну, ведро это 100 с лишним гривен. Конечно, есть, кто за эти ягоды и грибы семьями год живут. А эти ягоды даже завод нам раньше останавливали. Потому что люди сами писали эти заявления, за свой счет. Конечно большинство сдают, потому единицы может могут отвести на Киев и на Житомир. Это очень редко чтобы сами везли»* Женщина, 53,

неработающая, собирательство и сезонные сельскохозяйственные работы, Север.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. За два десятилетия реформ АПК Украины на селе сложились пять основных форм трудового поведения, которые пришли на замену традиционной массовой занятости в колхозах - это ведение личного селянского хозяйства (ЛСХ), работа в корпоративном аграрном секторе по найму, сезонные сельскохозяйственные работы, фермерство и собирательство. Рассмотрев роль и значение сельскохозяйственной занятости и формы трудового поведения, которые связаны с работой «на земле», делаем вывод, что традиционное представление об украинском селе не соответствует реальным практикам занятости населения - сельское хозяйство перестает быть ведущей сферой занятости сельского населения, а село перестает быть аграрным по значению и содержанию трудовых практик.

Литература

1. Аграрна реформа в Україні (Соціологічна діагностика) / В. Тарасенко, О. Москві, Н. Сараєва та ін. / За ред. В. Тарасенка. — К.: Ін-т соціології НАН України, 1998. — 214 с.
2. Алєн Ван Атта Доналд, Гончарук Олександр, Перотта Луїз. Українське село на зламі століть. Соціологічний та антропологічний зріз. — К.: Скарби, 2001.
3. Міга В.К. Асиметричність положення суб'єктів ринку праці. [Електронний ресурс] . – Режим доступа: <http://ena.lp.edu.ua:8080/bitstream/ntb/23296/1/47-327-331.pdf> - Название с экрана.
4. Решитько Т.В. Проблеми розширення сфери зайнятості сільського населення. [Електронний ресурс] . – Режим доступа: www.kntu.kr.ua/doc/zb_19_okon/stat_19/24.pdf - Название с экрана.
5. Лінцова Н.Ю. Специфіка споживання в умовах сільського способу життя // Грані : Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. - 2012. - № 12. - с. 83-87.
6. Лінцова Н.Ю. Ціннісні орієнтації українських селян в умовах соціокультурних трансформацій // Соціальні виміри суспільства: Збірник наукових праць. К – 2014. - № 6 (17). – с. 34-40.
7. Музиченко А.С., Булавка Л.В. Особисті селянські господарства в системі суб'єктів аграрного ринку. [Електронний ресурс] . – Режим доступа: <http://www.pdaa.edu.ua/sites/default/files/nppdaa/5.1/179.pdf> - Название с экрана.
8. Наказ Державного комітету статистики України: інструкція щодо заповнення форми державного статистичного спостереження N 6-сільрада. [Електронний ресурс] . – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0740-05> - Название с экрана.
9. Закон України про особисте селянське господарство . [Електронний ресурс] . – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/742-15> - Название с экрана.
10. Влада "доїть" АПК [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.tyzhden.ua/Economics/29717 - Название с экрана.
11. Государственная служба статистики Украины: Сельское хозяйство Украины в 2013 году 2013 році. [Електронний ресурс] . – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/> - Название с экрана.

Ю.И. ЛОШКАРЕВА
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМ
ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Россия, Новосибирск)

21 июля 2014 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1].

Со 2 августа 2014 года закон вступил в законную силу и установил правовые основы организации и осуществления общественного контроля над деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Федеральный закон предоставляет возможность гражданам осуществлять общественный контроль, под которым понимается деятельность субъектов, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов, осуществляющих публичную власть, а также общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. Основной целью общественного контроля является создание условий для прямого взаимовыгодного диалога между властью и гражданским обществом, имея своей первоочередной задачей выявить и устранить несовершенства законодательства, обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан России, защитить их от нарушения конституционных прав.

Федеральный закон регламентирует, что субъектами общественного контроля являются Общественная палата РФ, Палаты субъектов РФ и муниципальных образований, а также общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти регионов России. Кроме того, могут создаваться общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы и иные организационные структуры общественного контроля.

К формам осуществления общественного контроля, согласно закону относятся:

- общественный мониторинг, то есть постоянное или временное наблюдение за деятельностью органов государственной власти, местного самоуправления или иных объектов контроля, проводящийся публично и открыто с использованием информационно-телекоммуникационных систем;

- общественная проверка, представляющая собой совокупность действий по сбору и анализу информации, проверке фактов и обстоятельств, касающихся общественно значимой деятельности органов публичной власти, а также деятельности, затрагивающей права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы общественных объединений и иных некоммерческих организаций;

- общественная экспертиза – анализ и оценка нормативных правовых актов, их общественное обсуждение, рассмотрение социально значимых вопросов и проведение общественных (публичных) слушаний.

Важно отметить, что вследствие осуществления любой из форм общественного контроля, создается итоговый документ, который подлежит обязательному рассмотрению органами государственной власти, содержащий в себе объективные, достоверные и обоснованные выводы о результатах той или иной формы общественного контроля, а также имеющий непосредственно перечень предложений и рекомендаций. На случай возникновения противоречий с чиновниками, иными лицами или организациями, являющимися объектами контроля, в федеральный закон включена статья о конфликте интересов при осуществлении общественного контроля, которая и регулирует такие ситуации.

Новый закон, несомненно, расширяет возможности и методы влияния общественности на жизнь органов государственной власти. Среди его задач можно выделить задачи по формированию и развитию гражданского правосознания, повышению уровня доверия граждан к деятельности государства и обеспечению тесного взаимодействия между государством и гражданским обществом, содействию предупреждению и разрешению социальных конфликтов, реализацию гражданских инициатив. Все это в итоге должно обеспечить прозрачность и открытость деятельности органов власти, сформировать в обществе доверие к власти и в целом повысить эффективность деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, и иных организаций, осуществляющих публичные полномочия.

Вместе с тем, уже сейчас видны недостатки в принятом законе. В первую очередь, не урегулированы механизмы и критерии отбора экспертов для включения в состав субъектов общественного контроля. Не дается ответ на вопрос, а как будет реализоваться личная инициатива непосредственно отдельно взятого обычного гражданина. Во-вторых, как и кто сможет дать оценку общественному контролю и резюмировать вмешательство в деятельность органов публичной власти как необоснованное? В целом закон является скорее сбором понятий об общественном контроле и носит рамочный характер, субъекты Российской Федерации в любом случае будут вынуждены дорабатывать закон, учитывая особенности, специфику своего региона. Кроме того, следует учитывать готовность российского гражданина к такому демократическому шагу. Достаточно ли людей в стране, способных проявить инициативу и готовых грамотно и конструктивно выражать свою гражданскую позицию на общественных началах?

«Как юрист скажу, что это правовой и демократический прорыв. Такого закона нет ни в одной стране мира, – сказал корреспонденту «Российской газеты» президент Российской ассоциации общественного контроля Владислав Гриб. – Это беспрецедентный закон, фактически дающий конституционное право каждому гражданину и организациям управлять государством» [2].

Андрей Бабушкин, председатель межрегиональной общественной благотворительной организации «Комитет за гражданские права» также высказался по поводу принятия данного закона: «Думаю, оно (принятие закона) немного запоздало. Когда закон готовился в конце 90-х годов, у меня сложилось впечатление, что надо принять закон об основах общественного контроля, а потом принимать отраслевые законы об общественном контроле в местах принудительного содержания, об общественном контроле за здравоохранением, за психиатрией, в сфере образования, в сфере бюджетного процесса. Так что мне кажется, что закон опоздал лет на 15, но то, что его приняли сейчас, а не еще через два поколения – это уже хорошо» [3].

Действительно, принятие Федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» является позитивным шагом в российском законодательстве, дающим путь к социально-экономическому развитию, но как этот закон будет реализовываться на практике пока не ясно.

Несмотря на это, нельзя сказать, что общественный контроль - абсолютно новое направление в законодательстве. С 2009 г. в России нормативно сформировались институты оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ) (для не вступивших в законную силу нормативно-правовых актов), а также экспертизы нормативно-правовых актов, вступивших в силу.

В современных условиях одной из ключевых задач осуществления политики российского государства становится эффективная реализация административной реформы. Она предполагает оптимизацию управленческих функций органов исполнительной власти, выстраивание взаимовыгодных отношений государственных органов с институтами гражданского общества и бизнес-сообществом и целостной системы правотворческой и правоприменительной деятельности. Все эти задачи на официальном уровне отражены в Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы, в которой в качестве инструмента оценки качества государственной политики вводятся новые критерии, включая своевременную и компетентную экспертизу положений действующих нормативных правовых актов [4].

Экспертиза действующих нормативных правовых актов представляет собой оценку фактического воздействия – совокупность критериев оценки нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности, которые позволяют заинтересованным представителям бизнеса и общественных бизнес-объединений в процессе применения правовых норм внести свои предложения и замечания по устранению административных барьеров [5].

В процессе социально-экономической экспертизы осуществляется исследование совместно заинтересованными представителями бизнеса во взаимодействии с органом исполнительной власти, принявшим нормативный правовой акт. Публичные консультации по проектам нормативных правовых актов с участием бизнеса – важнейший элемент процедуры ОРВ и экспертизы нормативно-правовых актов, вступивших в силу. Подобные консультации

подразумевают собой в первую очередь получение отклика от бизнес-сообщества. Осуществляется это в уведомительном характере. Обычно проект нормативно правового акта публикуется на официальных сайтах, а также направляется в бизнес-ассоциации, для обеспечения сбора комментариев от максимального числа представителей бизнеса. Это еще одна возможность для получения более точного определения возможных рисков, размера издержек и негативных эффектов. Процесс взаимодействия в ходе публичный консультаций, с целью обеспечения возможности учета высказанных мнений, а также оперативной подготовки заключений, должен быть формализован в определенной мере.

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1) публичные консультации являются механизмом непосредственного взаимодействия их участников с органами власти, с целью достижения консенсуса между властью при принятии управленческих решений;

2) отсутствуют какие-либо барьеры для участия в публичных консультациях – возможность участия предпринимателей ограничена только волеизъявлением его участников;

3) мнения заинтересованных лиц, выраженных по результатам публичных консультаций, в обязательном порядке должны включаться в комплект сопроводительных документов к проектам нормативных правовых актов (концепций государственного регулирования), чем обеспечивается гласность и публичность государственного регулирования. В соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 27.05.2013 № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» результаты публичных консультаций оформляются в виде справок, которые должны прилагаться к заключениям об оценке регулирующего воздействия [6].

Таким образом, существование механизма публичных консультаций в рамках оценки регулирующего воздействия является положительным фактом, обеспечивающим развитие взаимоотношений предпринимателей и органов власти, а также ярким примером своеобразной формы общественного контроля.

Литература

1. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014 – № 30 (часть I) – Ст. 2485

2. Петров И. Закон об общественном контроле защитит граждан от произвола чиновников [Электронный ресурс] // RG.RU – Российская газета – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/23/kontrol.html>

3. Демократический прорыв: общественность сможет контролировать работу чиновников и госорганов [Электронный ресурс] // Правовой центр «Человек и закон» – Режим доступа: <http://www.chelovek-zakon.ru/горячие-события/демократический-прорыв-общественно/>

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1021-р об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения

доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 гг. [Электронный ресурс] // Интернет-портал Правительства Российской Федерации – Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/gov/results/15707>

5. Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия как форма общественного контроля в сфере экономики // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. №2. С. 3-6.

6. Приказ Минэкономразвития России от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // Российская газета. 2013. 21 августа. № 184.

С.Ф. ОЛЕНСКИЙ
ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА:
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

(Россия, Новосибирск)

Качество образования, со стороны подготовки выпускника, чаще всего, определяется как совокупность характеристик, получаемых или освоенных личностью (выпускником) в процессе обучения в образовательном учреждении знаний, умений и навыков, которые соответствуют запросам самой личности, а также общества и государства.

Анализ научных работ в области качества образования позволил выявить то, что на сегодняшний день среди ученых превалирует понимание «качества образования», прежде всего, как социальной категории, «определяющей состояние и результативность процесса образования, его соответствие потребностям и ожиданиям общества в развитии и формировании гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности», оцениваемой «совокупностью показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности образовательного учреждения»

В исследованиях ряда педагогов и социологов (А.М. Стрижова, В.И. Шишковский и других) доказывается необходимость отражения внутренних и внешних компонентов качества образования, характеризующих образовательный процесс. К внутренним показателям относят основные условия образовательного процесса (результаты до вузовского образования, научно-методическая работа, наличие методик, используемых технологий и т.д.), показатели реализации образовательного процесса (содержание образовательного процесса, учение, преподавание), результаты образовательного процесса (знания, умения, владение процедурами творческой деятельности, воспитанность, развитие личности учащегося). Внешними же характеристиками являются следующие: соответствие образования ожидаемым результатам и запросам потребителей образовательных услуг, соответствие образования государственным образовательным стандартам и госзаказу (обученность учащихся; уровень сформированности обще учебных умений и навыков, владения творческой деятельностью; уровень воспитанности; уровень жизненной защищенности, социальной адаптации и другие показатели); наличие утвержденных в установленном порядке учебных планов, графиков учебного процесса, рабочих программ по дисциплинам; комплексность и достаточность методического обеспечения по дисциплинам и т.д. Главным результатом образовательного процесса является подготовленность как «совокупность усвоенных знаний, умений и навыков, личностных свойств» или образованность выпускника как «мера достижения личностью такого уровня развития отдельных свойств и качеств, которые в наибольшей степени отвечают

потребностям как ее самой (дальнейшее совершенствование и самореализация), так и сфер профессионального использования», Поэтому, когда речь идет о качестве подготовки выпускника, приоритетным становится направление на личность и уровень ее образованности, а при определении качества обучения - непосредственно на образовательный процесс. Кроме того, приняв за основу определение качества профессионального образования как «совокупности свойств, которая обуславливает его способность удовлетворять требованиям общества в области подготовки (воспроизводства) квалифицированных рабочих кадров и специалистов, обладающих необходимыми личностными качествами и квалификацией»

Качество образования предполагает также и соответствие продукта образовательных услуг (личности) требованиям общества. При этом образование должно предоставлять личности возможность для ее индивидуальной реализации в обществе посредством постановки участниками образовательного процесса социально значимых целей, а его качество определяться качеством обучения и качеством воспитания, так как «именно качество обучения в значительной мере определяет качество образования». В связи с этим, качество образования будет рассматриваться с позиций результативности общеправового обучения, т.е. как определенный уровень образованности выпускника, а качество правового образования будущих юристов как комплексная, системная и целостная характеристика определенных параметров. Данная характеристика включает в себя, кроме качества обученности (уровень освоения студентом вуза системы правовых знаний, умений и навыков), группу следующих показателей: уровень сформированности системы ценностных ориентаций, правовых качеств личности и уровень позитивной социально-правовой активности в поведении, которых он достигает в ходе образовательного процесса, в соответствии со своими возможностями, желаниями, целями правового образования, а также в соответствии с требованиями образовательных стандартов.

Необходимость перехода образования на высокий качественный уровень, повышение требований к качеству подготовки молодых специалистов-юристов в современных условиях вызвана усложнением социально-экономических и политических отношений в обществе, демократизацией учебно-воспитательного процесса, усилением социальной значимости, наполнением качественно новым содержанием деятельности юридических кадров.

Обеспечение непрерывности правового образования юриста на сегодняшний день заключается, прежде всего, в том, что его реализация должна быть предусмотрена на всех ступенях развития личности, в основном посредством правового обучения и воспитания в образовательных учреждениях. На основе анализа научно-педагогической и методической литературы по проблемам правового образования можно констатировать, что в процессе правового образования юристов необходимо выделять 3 ступени: до вузовская общеправовая подготовка; вузовская общеправовая подготовка; послевузовское правовое образование. На 1-ой ступени, до момента

поступления в вуз общеправовая подготовка личности юриста осуществляется в образовательных учреждениях системы среднего общего образования (с 1 по 11 класс), а также в системе начального, среднего или высшего профессионального образования.

Целью правового образования в юридическом вузе (на 2-ой ступени), является повышение уровня правового сознания и правовой культуры личности будущего юриста, процесс формирования которых начинается на 1-ой ступени непрерывного правового образования.

Процесс правового обучения и воспитания будущих юристов целесообразно осуществлять на 1-2 курсе вуза в рамках юридических дисциплин. 3 ступень непрерывного правового образования юриста также имеет свои особенности, для которых в настоящее время эффективно функционирует система повышения профессиональной и научной квалификации, осуществляемая институтами (академией) повышения квалификации юридических работников, а также отделами аспирантуры и докторантуры системы послевузовского профессионального образования. Остальные выпускники юридического вуза получают возможность повышать уровень своего правового образования и правовой культуры только посредством сформированной в юридическом вузе готовности к непрерывному правовому самообразованию и его практической реализации в дальнейшей профессиональной и частной жизнедеятельности. При этом непрерывное правовое образование юриста будет эффективным только в условиях дополнительного правового самообразования личности на всех ступенях обучения и воспитания в различных образовательных учреждениях и осуществления постоянного контроля качества его правового образования.

Таким образом, можно выделить следующие социально-педагогические аспекты проблемы повышения качества правового образования студентов юридических вузов: - главной задачей высшего юридического образования является подготовка конкурентоспособных специалистов высшей квалификации с высоким уровнем как профессиональной, так и общегуманитарной культуры.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. - СПб.: Питер, 2002. - 282 с.
2. Гайков В., Назаров В. Отношение к преподаванию правовых дисциплин надо изменить //Российская юстиция. - 1994. - №1. - С.55.
3. Качура Н.Е. Модульное обучение как педагогическая технология: Автореф.дис... канд.пед.наук. -М., 2002. -25 с.
4. Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Президентом РФ от 31.07.2008 № Пр-1568
5. Певцова Е.А. Теория и методика обучения праву: Учеб. Для студ.высш.учеб.заведений. - М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 2003. - 400 с.

О. В. ПАВЛЫШИН **МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕМИОТИКИ ПРАВА**

ДЛЯ ПРАВОВОГО ПОЗНАНИЯ

(Украина, Киев)

Как известно, современные семиотико-правовые исследования посвящены знаковой природе права как социокультурного феномена, особенностям знаковой организации правового пространства и многим другим вопросам. В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес представляют труды А. А. Денисовой, Н. И. Хабибулиной, А. К. Саркисова, С. Э. Зархиной, В. Д. Титова и других авторов. Характерно, что отдельные аспекты этой проблематики проанализированы академиком П. М. Рабиновичем, несколько опередившим время, в научных статьях еще в 1970-е годы. В данный момент наблюдается новая волна интереса к семиотико-правовой методологии.

Определение методологического значения семиотики права для философско-правовой науки предполагает построение логического ряда понятий и последовательное выяснение их содержания. Такими основными понятиями являются рефлексия, парадигма, методология. Ключевым понятием для правовой гносеологии является рефлексия. Рефлексия – осознание, осмысление субъектом форм и предпосылок собственной деятельности. Рефлексивная система, таким образом, представляет собой систему, которая способна к самоосознанию, самоорганизации и саморегулированию в процессе функционирования. Рефлексия права необходима для развития, раскрытия полноты права как духовного феномена.

Право как форма общественного сознания обладает мировоззренческой, научно-рациональной и обыденно-эмпирической рефлексивностью, что означает наличие соответствующих способностей, о которых говорилось выше, в каждом из ее видов – в частности, мировоззренческая рефлексивность выражается в системе философских концептов, научно-рациональная рефлексивность является причиной образования теории (или ряда научных теорий) права, а обыденно-эмпирическая рефлексивность является источником оценки права в бытовых, ежедневных отношениях между социальными субъектами.

На основании того, что право имеет рефлексивный характер (является рефлексивной системой), можно сделать вывод о необходимости рассмотрения соответствующей правовой знаковой конструкции – правовой рефлексии, которую мы определим как способность правового субъекта к самопознанию, осмыслению и регулированию собственной правовой деятельности.

Правовая рефлексия состоит из ряда взаимосвязанных элементов и имеет следующую структуру:

- 1) мировоззренческие основы права (мировоззренческая рефлексия);
- 2) надпарадигмальная правовая рефлексия и межпарадигмальная правовая рефлексия;
- 3) парадигмальная правовая рефлексия – правовые парадигмы (этому уровню соответствуют понятия «правопонимание» и «типы правопонимания»);

4) общие правовые теории (общетеоретическая правовая рефлексия);

5) специальные юридические дисциплины (отраслевая и специально-юридическая правовая рефлексия);

6) обыденная правовая рефлексия (оценки, убеждения, взгляды, настроения, эмоции) – восприятие права на чувственно-психологическом, эмоциональном уровне. Интеллектуальная компонента на этом структурном «этаже» безусловно присутствует, однако «примеси» правовых эмоций проявляются в связи с жизненным характером конкретной правовой ситуации и ее оценки, а не осмыслением права как целого на мировоззренческом уровне.

Мировоззренческая рефлексия индивида или научного сообщества перерастает в надпарадигмальную (межпарадигмальную, парадигмальную) по мере того, как осуществляется формирование теоретико-методологического инструментария и категориального аппарата. Оформление мировоззренческой рефлексии в конкретной системе представлений и взглядов может происходить как «сверху», когда парадигмы еще не сформированы, так и «снизу», когда парадигмы уже есть в наличии.

Механизм философской (философско-правовой) рефлексии юриспруденции следует раскрывать через последовательное взаимодействие следующих элементов: 1) осознание необходимости философского осмысления; 2) критический научный анализ правовой теории; 3) постановка научной проблемы («знание о незнании» в сфере права); 4) предварительное рассмотрение поставленной проблемы с разработкой вариантов философской ориентации; 5) философско-научный анализ и коррекция выбранных философских установок; 6) продолжение научного исследования на основе определенной философско-правовой парадигмы, выбранной или созданной в процессе анализа.

Понятие «парадигма» характеризует своеобразную логическую модель постановки и решения познавательной проблемы. Правовая рефлексия на этом уровне является определенным стандартом, согласно которому решается вопрос о сущности права и его характеристиках.

Парадигма как объединяющая символическая система для членов научного сообщества, которое исследует право, имеет следующую структуру:

1) символические обобщения, то есть формализованные определения и законы, которыми оперирует теория;

2) метафизические части парадигмы, то есть общепринятые установки, которые задают способ видения предмета;

3) ценностные установки, характерные для исследовательской деятельности научного сообщества;

4) общепринятые образцы и признанные примеры решения исследовательских задач.

Следует иметь в виду, что правовая парадигма как теоретическая модель в юриспруденции реализуется в конкретных подходах к решению практических задач. Парадигма в юриспруденции как совокупность мировоззренческих, научно-теоретических, методологических установок, которые направляют

профессиональную теоретико-познавательную и практическую юридическую деятельность в рамках определенной правовой системы, выступает единством следующих элементов: а) мировоззренческие представления (мифологические, религиозные, философские) о сущности общества, человека, права; б) научно-теоретические понятия, закономерности и методологические установки; в) законодательный массив, то есть база действующих нормативно-правовых актов; г) процессуальные и профессионально-этические, юридико-деонтологические требования к практической деятельности юристов; д) требования к профессионально-личностным качествам юристов, выраженные в образовательных стандартах.

Методология наполняет парадигму новым знанием, укрепляет ее, однако всегда содержит источник развития, который может разрушить парадигму и привести к появлению новой парадигмы. Научные подходы, которые формируют парадигму, объединяют различные методы научных исследований. Основными (наиболее разработанными) научными подходами к праву являются системный, структурно-функциональный, нормативно-ценностный, институциональный, культурологический, психологический, социологический, антропологический, исторический, математический, кибернетический, семиотический и другие.

Такое разнообразие позиций наблюдателя выразительно отражает множество проявлений права. «Право является формой общественного сознания, феноменом культуры и цивилизации, одной из высших социальных и духовных ценностей, оно является неотъемлемой чертой жизни наций, народов, рас, человечества», – именно так характеризует этот феномен академик М. В. Костицкий [2, с. 186]. Для того, чтобы во всей полноте раскрыть сущность такого сложного и многоаспектного явления следует использовать различные методологические подходы.

Использование семиотической методологии в праве позволяет исследовать и раскрыть одно из важнейших свойств правовой и человеческой деятельности в целом – их коммуникативный характер. Семиотика права раскрывает не только особенности структурного построения права как знаковой системы, но также принципы организации и общесемиотические закономерности человеческого мышления.

Российские исследователи, идущие в авангарде правовой науки, пишут о том, что любое действие человека по своей сути является коммуникативным действием, поскольку направлено на передачу информации другим, при этом информация может касаться как объектов окружающего мира, так и субъективных намерений лица. И хотя большая часть таких актов имеют вербальную форму или сопровождается вербальными средствами, однако отсутствие вербальных компонентов не может и не должно служить основанием для того, чтобы отрицать коммуникативную функцию такого рода актов [3, с. 62]. Однако не все разделяют эти взгляды и соглашаются с данным подходом, в частности, в авторитетных изданиях по общей теории права встречается позиция, согласно которой существует два вида правового поведения – одно

(вербальное) состоит из различных высказываний, суждений и оценок, а второе – содержит в себе определенные действия людей [4, с. 383]. Вряд ли это утверждение В. В. Оксамытного можно считать справедливым, по крайней мере, если рассматривать правовое поведение в контексте универсального понимания коммуникации, о котором было сказано выше.

Информация объективируется в знаковых формах, многообразие информации отвечает многообразию знаков. Уже для древних греков было очевидно, что процессы мышления и познания связаны с порождением и интерпретацией знаков, как показывает исследование Г. Нады [5, с. 67-292]. Применение семиотической методологии приводит к кардинальному изменению представлений о праве, способствует реализации антропологической парадигмы, поскольку позволяет рассматривать право как феномен, тесно связанный с человеком и порождаемый им – с одной стороны, именно человек является творцом права как объективации коммуникативного взаимодействия субъектов в юридической сфере, а с другой – в основе системы права лежит антропологическая модель как образ, концепция человека, с которой соотносится вся совокупность юридических норм и которая будет действовать лишь при условии соответствия реальным характеристикам адресатов правовых предписаний, а потому требует выявления, расшифровки и соотнесения с реальным положением вещей [3, с. 65-67]. Разработка семиотико-правовой методологии и ее применение для анализа правовых явлений в перспективе способна обогатить юриспруденцию принципиально новым знанием о закономерностях функционирования различных элементов правовой системы и взаимосвязи между основными формами существования права как целостного образования.

Семиотика права является рациональной методологической парадигмой исследования права, развивающей стремление объективно описать знаковые структуры, в которые организована правовая реальность. Однако отдельные ученые выражают сомнение, можно ли вообще считать правоведение наукой, ведь оно ближе к искусству. По этому поводу можно констатировать, что правоведение среди прочего изучает общественные отношения, урегулированные нормами права, и в этом смысле является социальной наукой, которая пытается описать социальную реальность (речь идет не только о социологии права, но о ряде других дисциплин, изучающих правовую жизнь). Кроме того, правоведение исследует юридические тексты в том числе и с точки зрения их логической организации, что дополнительно четко подтверждает научный характер соответствующих исследований. Семиотика права – это методология, которая выразительно подчеркивает научный статус правоведения, поскольку позволяет выявить структурно-организационное построение правового бытия на уровне идеи права, нормы права и реальных жизненных ситуаций, которые имеют правовой характер.

Другие исследователи отрицают принципиальную возможность объективного описания права. Действительно, для неклассического типа рациональности характерно признание неразрывного единства субъекта и

объекта, ведь в любом знании об объекте имеются субъективные элементы, связанные со способами познания, целевыми и ценностными установками субъекта, его идеалами и нормами. Субъект познания права также не отделен от сферы права как от чего внешнего по отношению к нему, а входит в нее полностью. Итак, субъект познания права сам является агентом правовой жизни, а значит, его представления об этой жизни обусловлены самим этой жизнью. И здесь с особой остротой встает вопрос об объективности познания, то есть о возможности познания права «как такового», в своей собственной сущности.

С точки зрения неклассической рациональности подобные намерения не имеют достаточных оснований, поэтому то или иное представление о праве будет выражением определенного толкования правовой жизни, обусловленного позицией самого наблюдателя, а не отстраненным объективистским взглядом на жизнь. Следовательно, подытоживая обоснования этой позиции, можно сделать вывод, что «правовая жизнь познается самой жизнью, то есть герменевтически» [6, с. 175-176].

Семиотика права, как и юридическая герменевтика, тесно связана с другими науками, отраслями философско-правового знания, философско-правовыми направлениями и соответствующими методологическими подходами, в ее проблематике можно выделить онтологический, гносеологический, эпистемологический, антропологический, аксиологический, праксеологический, структуралистский, диалогический, диалектический, конфликтологический, феноменологический, экзистенциальный и другие аспекты.

Описывая юридическую герменевтику как один из наиболее продуктивных методов познания права, который занимает особое место в методологии права, А. А. Мережко определяет ее в широком смысле как науку о толковании и применении норм права, которая берет свое начало от философской герменевтики, однако отмечает, что герменевтика является понятием, открытым для нескольких возможных интерпретаций [7, с. 159]. Это же в полной мере касается и семиотики права, которая может рассматриваться как самостоятельная наука, философско-правовое направление, методологическая парадигма философско-правовых исследований, знаковая теория права и даже собственно сама знаковая структура правовой реальности.

Литература

1. Рабінович П.М. Методологія вітчизняного загальнотеоретичного праводержавознавства: сучасні тенденції / Петро Мойсейович Рабінович // Український правовий часопис. – 2004. – Вип. 7 (12). – С. 38-43.
2. Костицький М.В. Сучасні філософські та психологічні проблеми правознавства і спроба їх теоретичного осмислення / Михайло Васильович Костицький // Університетські записки. – 2010. – № 1. – С. 185-189.
3. Честнов И.Л., Разуваев Н.В., Харитонов Л.А., Черноков А.Э. Социальная антропология права современного общества. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2006. – 248 с.

4. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 3. – М. : Зерцало-М, 2002. – 528 с.
5. Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Грегори Надь / Пер. с англ. и предисл. Н. П. Гринцера. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 432 с.
6. Михайлов А.Е. Методология исследования правовой жизни / А.Е. Михайлов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 175-176.
7. Мережко А.А. Юридическая герменевтика и методология права / Александр Александрович Мережко // Проблемы філософії права. – 2003. – Т.1. – С. 159-162.

А.И. ПАЛЬЦЕВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕРРОРИЗМА

(Россия, Новосибирск)

Эпоха глобализма вызвала к жизни феномен международного терроризма. Под международным терроризмом принято понимать трансграничное насилие в отношении населения и инфраструктур, преследующее политические, в т. ч. геополитические, цели [4].

О геостратегическом стремлении Океана (талассократия, США, Англия) на поглощение «островной» Евразии утверждалось еще в концепции британского геополитика Х. Маккиндера.

Новый импульс эта концепция получила в результате победы в «холодной» войне евроатлантической цивилизации (Океана) над СССР и странами Варшавского Договора (Евразия). «В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой»[1, с.20].

Оставшись единственной супердержавой, США стали назначать виновных в соответствии со своими представлениями о сфере жизненных интересов своего государства. Их уже не смущало, что приведенная ими аргументация о необходимости применения военной силы в Ираке, Сирии, Ливане, Афганистане, впоследствии не находила подтверждения.

Крушение биполярной системы безопасности заставило страны третьего мира искать новые модели достижения справедливого общества. Формы достижения справедливого общества варьировались от легитимных до террористических.

Само содержание понятия терроризма претерпело существенную эволюцию. В рамках ведущегося информационного противоборства отнесение той или иной политической организации радикального характера к террористической определяется исходя из критериев доминирующей на социально-политическом поле идеологии. Таковой сейчас является идеология победителя в холодной войне. Присоединение России после событий 11 сентября 2001г. к «антитеррористической коалиции» означало и использование терминологии принятой в евроатлантическом сообществе. В результате то, что в биполярный период определялось как национально-освободительное движение, в настоящее время рассматривается так называемым «мировым сообществом» как террористическая деятельность.

ОИС² (исламский аналог ООН) делает разграничение между актами терроризма и актами сопротивления, относящимся к национально-освободительному движению (НОД). Так статья вторая Конвенции ОИК по борьбе с международным терроризмом гласит, что «Борьба народов, включая вооружённую борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и гегемонии, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права, не рассматривается как террористическое преступление» [7].

Геополитический подход победителя в «холодной войне» лишает человечество перспективы солидарного решения проблемы «устойчивого развития», и закрепляет глобальную стратификацию человечества в пользу стран составляющих «золотой миллиард». Причем для большей части человечества в этом раскладе предстояла процедура социальной утилизации.

Деятельность глобального управляющего класса направленная на социальную утилизацию «лишнего» населения планеты в соответствии с принципом Ле Шателье³, сформулированным им еще в 1884г., привела в движение силы сопротивления, часть из которых была определена как международный терроризм. «Война с террором» после 11 сентября 2001 года стала синонимом внешней политики США, отмечает Зб. Бжезинский[2, с.187].

Отказ глобального управляющего класса⁴ от перспективы поиска пути выживания всего человечества в условиях сокращения традиционных не возобновляемых ресурсов и принятие в качестве тренда регулирования мировых процессов сокращение численности значительной (большей) части населения планеты, является, как нам представляется, той причиной, которая лежит в основе международного терроризма.

В контексте геополитического противоборства возникает вопрос о статусе терроризма. Придание терроризму статуса субъекта позволило США объявить ему войну и даже создать антитеррористическую коалицию государств. Но, как справедливо замечает Зб. Бжезинский, «Называть в качестве врага терроризм, значит расписаться в блаженном неведении относительно того, что терроризм является используемым индивидуумами, группами и государствами смертоносным методом устрашения. Войны не ведут против метода или тактики действий. К примеру, никто не стал бы провозглашать в начале Второй мировой войны, что она ведется против «блицкрига».

---

² Организация исламского сотрудничества (англ. *Organisation of Islamic Cooperation* (OIC), араб. منظمة التعاون الإسلامي) — международная организация исламских стран (до 2011 года называлась — Организация Исламская конференция (ОИК).

³ Принцип Ле Шателье. гласит, что «внешнее воздействие, выводящее систему из положения равновесия, вызывает в ней такие процессы, которые стремятся ослабить результата воздействия»

⁴ Глобальная устойчивая сетевая структура, состоящая из собственников и управленцев, члены которой объединены на основе общности личных интересов и образа жизни, не замкнутых на национально-культурные основы, координирующих свои интересы посредством согласовательных механизмов глобального управления в рамках таких структур как Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия

Терроризм в качестве метода борьбы применяется конкретными людьми, как правило, в политических целях, вполне поддающихся расшифровке. И, следовательно, почти за каждым террористическим актом скрывается политическая проблема. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что терроризм есть продолжение политики иными средствами» [3, с.46].

Анализируя субъект терроризма необходимо признать его многосоставной характер, включающий заказчиков, организаторов, структуры обеспечения и исполнителей.

Ю. Дроздов солидаризируется с мнением американского политолога Энтони Саттона о том, что современная ситуация в мире преднамеренно создана некой *властной элитой* путем манипуляций «правыми» и «левыми» элементами, которые были созданы этой элитой с целью получения нового исторического синтеза. Конечным результатом такого синтеза, возможно, должна стать организация системы, в которой одной группой лиц осуществляется:

- управление и контроль над всеми мировыми процессами, позволяющими монополизировать использование новейших технологий;
- обладание источниками энергии;
- реальное обеспечение бумажных денег.

Собственно, перечисленные три цели контроля и являются желанными для многих государств и транснациональных корпораций, за достижение этих целей и ведется борьба между ними. И эта борьба приобретает различные формы – от локальных дипломатических конфликтов до мировых войн, в том числе и войн террористических.

Бывшая сотрудница ФБР С. Эдмондс утверждает: «За каждым крупным террористическим актом в России с 1996 по май 2002 года стояло правительство США». С. Эдмондс ограничивает американский террор против России маем 2002 года лишь потому, что считает себя вправе говорить только на основе документов, к которым она имела доступ до своего увольнения в мае 2002 [9].

Не случайно опрос, проведенный фондом Гэллага, показал, что страной, представляющей наибольшую угрозу миру, респонденты чаще всего считают США [12].

Сенатор-республиканец от штата Кентукки Рэнд Пол прокомментировал факт поставки вооружения сирийской оппозиции следующим образом: «В том, что США поддерживают сирийских повстанцев, есть ирония. Ведь таким образом США поддерживают тех, кто связан с «Аль-Каидой» [10].

Контролируемая США сетевая структура террористов способствует достижению таких геополитических задач, как ослабление основных противников США – России и Китая и выстраивание преград на пути объединения мусульманского мира. Последняя задача вызвана смещением центра тяжести мировой власти и экономического динамизма с атлантического региона на тихоокеанский, с Запада на Восток, которое стало, по мнению Зб. Бжезинского, новой геополитической реальностью. Причем, нынешний экономический подъем Азии – это, по сути, возвращение утерянного, но достаточно длительного могущества. В течение восемнадцати столетий в общемировом

ВВП неизменно преобладала доля Азии. Еще в 1800 году на Азию приходилось около 60% мирового ВНП – по сравнению с европейскими 30% [2, с.24-25].

«Исламский ренессанс», начатый в 70-х годах прошлого столетия имеет в своей основе демографический фактор. Только в ФРГ число мусульман ежегодно увеличивается на 60-80 тысяч человек и уже достигло 4 млн. человек. За последние годы в Германии было закрыто 400 католических церквей и более 100 протестантских. Еще 700 католических церквей запланировано к закрытию в течение ближайшего десятилетия. Мусульмане весьма охотно покупают здания бывших соборов и переделывают их в мечети. Аналогичная картина наблюдается в других странах Евросоюза [5].

Идеологическое обоснование своей борьбы за справедливое переустройство мира после вытеснения социалистической идеи на периферию общественного сознания, приговоренные к «социальной утилизации» массы, начали искать в сфере религии. «Если в 1970-х годах все без исключения палестинские политические движения были светскими, отмечает Осборн Р., то сегодня таких нет ни одного; мусульмане на Западе, чьи родители когда-то пытались приноровиться к секуляризму новой родины, все активнее ищут прибежища в религии» [8, с.740].

Исходя из того, что основные политические идеологии двадцатого века порождение западной цивилизации, а все главные мировые религии родились в не-западных цивилизациях, то в замене идеологий религиозными и другими формами культурной идентичности С. Хантингтон видит тенденцию ухода мира от господства Запада [11, с.68].

Характер отношений с внешним миром Исламского мира определяет, по мнению А.А. Игнатенко, внутренняя борьба трех проектов - либерального (модернизаторского), джихадистского (фундаменталистского) и традиционалистского [6].

Либеральный (модернизаторский, вестернизированный и т.п.) проект предполагает перенос на почву исламских стран, так называемых общечеловеческих (реально - западных по своему происхождению и сути) форм социальной жизни при одновременном изменении самого ислама с тем, чтобы он был идеологией, мобилизующей граждан или подданных на реализацию этих форм. Этот проект характерен в первую очередь для правящих режимов в странах распространения ислама. В России либеральный проект представлен приверженцами Евроислама, сторонниками которого являются некоторые духовные и общественно-политические деятели Татарстана.

Джихадистский (фундаменталистский и т.п.) проект сформировался во многом как альтернатива - как Западу как таковому, так и либеральному исламскому проекту, реализуемому правящими режимами. Этот проект оппозиционен. Для него характерна опора на жесткое толкование предписаний ислама. Для джихадистского ислама характерна экспансия - экспансия политическая (стремление к установлению истинно исламской власти в странах распространения ислама) и территориальная (продвижение на новые для этой формы ислама территории).

Оба эти проекта реализуются в ходе взаимной борьбы на фоне традиционалистского (традиционного) ислама, т.е. такого, который является оправданием сложившегося на нынешний день статус-кво и не предполагает никаких резких трансформаций.

В реальной политической практике нередко наблюдается, если и не сотрудничество, то, как минимум, совпадение векторов действий либерального (модернизированного) и джихадистского ислама.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 20.
2. Бжезинский, Збигнев Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Збигнев Бжезинский; пер. с англ. М. Десятовой. – М.: АСТ, 2013.
3. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения. 2005.
4. Вертлиб Е.А. (США) геостратегический контекст проблематики национальной безопасности России и стабильности Центрально азиатского региона http://www.analitika.nl/sbornik_vertlib_1.htm
5. Иванов С. «Ренессанс ислама»: стоит ли его бояться? // <http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=36764>
6. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира / Научно-исследовательский институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова / http://www.niiss.ru/misc_autoarab.shtml
7. Конвенция ОИК по борьбе с международным терроризмом <http://constitutions.ru/archives/527/2>
8. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008.
9. Правительство США стоит за всеми крупными актами террора в России...// <http://oko-planet.su/politik/politiklist/print:page,1,225166-pravitelstvo-ssha-stoit-za-vsemi-kрупnymi-aktami-terrora-v-rossii.html>
10. Семенов А. США – главный спонсор «Аль-Каиды»/ <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=17717>
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимева. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
12. Щедрова О. США – главный мировой террорист / Фонд стратегической культуры <http://www.fondsk.ru/pview/2014/01/10/usa-glavnyj-mirovoj-terrorist-25097.html>

С.А. ПЕРЕГУДОВ, А.А. КОПЫЛОВ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

(Россия, Новосибирск)

Этнорелигиозный терроризм является в современном мире самым распространенным и опасным видом терроризма, по масштабам с ним может сравниться лишь общеуголовный терроризм, но последний, очевидно, менее опасен чем первый, в силу особенностей России ее полиэтничности и

многоконфессиональности. Начать с того, что парадокс российской действительности 90-х годов состоял в том, что снятие запретов, позволившие официальным структурам всех религий развить бурную деятельность, одновременно способствовало успехам и расцвету нетрадиционных религий.

Рост интереса к религии одновременно сопровождался ростом интереса к нетрадиционным, конфронтационным религиозным течениям и сектам, таким как «Церкви объединения С. Муна», «Общества сознания Кришны», «Церкви сайентологии», а так же возникших на почве православия объединений «Великое белое братство», «Богородичный центр», «Группа Виссарiona» и многих других.

В начале 1990х гг. в стране почти автоматически регистрировалась любая организация объявившая себя религиозной – будь то миролюбивые квакеры или террористическая «Ананда марг». Этому способствовала не только активная пропаганда в прошлом рационализма и атеизма, пронизывавшая все образование и воспитание в советском обществе, но и неясность, расплывчатость, слабость позиций официально признаваемых религий относительно происходящего, что способствовало появлению экстремистских течений вроде ваххабизма в исламе или оживлению сатанизма в его борьбе с христианством.

Однако надо отдать должное, последние годы государство, столкнувшись с таким явлением как терроризм и экстремизм во всех его проявлениях, стало более четко формулировать свою позицию. По мнению многих ученых и политиков, терроризм – одно из разновидностей экстремизма. Этот подход нашел выражение в российском законодательстве – в Федеральном законе «о противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ. К экстремистской деятельности Федеральным законом относят: возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценность по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; публичное оправдание терроризма или иная террористическая деятельность. Россия, кроме того, подписала и ратифицировала все 13 универсальных конвенций ООН в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Как уже говорилось выше, религиозный экстремизм как разновидность терроризма, широко распространен в мире и наиболее опасен. Что следует понимать под религиозным экстремизмом? В комплексном исследовании, осуществленном Институтом гуманитарного образования, и Академией права и управления Федеральной службой исполнения наказаний (2006), под религиозным экстремизмом понимается социальное явление, существующее в четырех взаимосвязанных формах:

1) Религиозное сознание (общественное и индивидуальное), которому свойственны признаки тоталитаризации и преувеличения ценности определенной совокупности религиозных идей, нигилизма отрицания всех иных идей... безусловного верования в истинность единственной религиозной

идеи (совокупности идей) и готовность следовать ей при любых обстоятельствах.

2) Религиозная идеология (религиозная доктрина). Характеризующаяся произвольным провозглашением истинным единственным объяснения проблемы существующего мира и предложением однозначных (истинных) способов их разрешения...разделением всех социальных явлений на «добро» и «зло»; приданием исключительного положения одному из аспектов бытия в ущерб остальным, отрицанием объективно господствующей иерархии общесоциальных (общечеловеческих) ценностей;... игнорирование правовых норм не соответствующих объявленной истинной религиозной доктрине.

3) Деятельность по реализации религиозной доктрины, провозглашенной единственно истинной.

4) Организационные формы осуществления религиозной доктрины, в частности религиозные экстремистские организации (тоталитарные секты).

В свою очередь, религиозный экстремизм необходимо рассматривать как целостную совокупность (систему) признанных преступлениями общественно опасных деяний, направленных на формирование и распространение любым способом религиозных идей, произвольно объявленных истинными, в угрозу всем иным религиозным, либо светским идеям, а также на реализацию этих идей уголовно наказуемым способом [2].

Религиозный экстремизм нельзя сводить лишь к противостоянию между исламом и христианством, потому что не все мусульманские народы и не все исповедующие ислам прибегают к экстремизму, разделяют ценности и идеалы радикальных исламских группировок, превративших одну из мировых религий ислам, в маскировку своих, зачастую далеких от религии, целей. Такие явления имеют место и внутри ислама, между шиитами и суннитами, а также внутри христианства, в частности, между католиками-ирландцами с шотландцами, англичанами-протестантами, элементы экстремизма можно увидеть и в иудаизме.

В целом следует сделать вывод, что данное явление многосложно и его нельзя распространять лишь в отношении одной религии. К сожалению, последнее время в печати очень часто можно встретить именно такой односторонний подход. Например, в статье Б.Ф. Федотова «Исламский экстремизм и некоторые методы борьбы с ним за рубежом» опубликованной в «Вестнике МВД России» №6 за 2005 г. Автор не видит разницы между исламом, как миролюбивой мировой религией и теми радикальными проявлениями ислама, которыми прикрывают свою деятельность враждебные исламу силы (например: талибан был создан ЦРУ США для борьбы с советскими войсками в Афганистане). Поэтому важно различать исламский фундаментализм и экстремизм. Ислам вобрал в себя многое из иудаизма и христианства. Содержание Корана преподносится как откровения единого Бога, доводимого до людей через его последнего посланника Мухамеда. При этом Кораном не отрицаются другие посланники Бога иудеи и христиане. В Коране говорится, если вступаете (Вы) в споры с людьми Писания, то (приведите им доводы)

наилучшее. И не спорьте с теми из них, кто бесчинствует. Говорите: «Уверовали мы в то, что ниспослано нам (то есть в Коран) и что ниспослано вам (то есть в Тору и в Евангелия). Бог наш и Бог ваш – один и тот же (Бог единый) и придаемся мы ему.

Отдельные фразы, выхваченные из Корана, навряд ли могут служить характеристикой всего религиозного направления, тем более, что в Коране наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, в обилии имеют место призывы к миру и терпению. Радикальные изречения в Коране нельзя рассматривать вне исторического контекста. Хочется отметить два важных положения, которые имеются в Коране, и составленных известным мусульманским средневековым ученым Кудири «Постановлениях Мухаммеданского права относительно войны с неверными». Первое – призыв в случае применения силы против противников ислама, не причинять вреда мирному населению – женщинам, детям, беспомощным старикам. «Не прилично мусульманам нарушать клятву, употреблять хитрости, уродовать людей, убивать женщин, стариков дряхлых, детей, слепых, хромых, если никто из них не будет участвовать в войне своими советами или если женщина не будет царицей – провозглашается в «Постановлениях» - не позволительно убивать безумных». Второе положение в контексте Корана – отрицание права мусульман на самоубийство. Оба эти положения весьма важны, особенно учитывая попытки отождествлять терроризм с исламом как таковым. Все эти рассуждения, основанные на фактах, приводятся не для того, чтобы замалчивать, убрать из обозрения экстремистские идеи широко распространенных в массах мусульман. Они имеют место, и отрицать их не имеет смысла.

Но эти экстремистские идеи уходят корнями скорее не в религию, а в политику. Экстремизм зародился в лоне ислама, не как результат естественного его развития, а в ходе возникновения и деятельности ряда исламских сект. Примером может служить ваххабизм. Это движение возникло в Аравии в 18 веке его основатель Абд аль-Ваххаб выступил против распространения культа исламских святых, усмотрев в этом возвращение к многобожию. Основываясь только на Коране и сунне ваххабизм исключал даже возможность их толкования, видя в этом, тоже сползание к многобожию.

Именно эти мотивы лежали и в отрицании культа пророка, которого как утверждали ваххабиты нельзя считать «заступником» ибо это противоречит могуществу Аллаха. Они считали что нельзя почитать что то сотворенное людьми, даже могилу пророка отвергали целование главной святыни мусульман в Мекке – Каабы.

Не разрешали клясться именем пророка или членов его семьи. В обыденной жизни жестко преследовали тех, кто не только потреблял спиртное, слушал музыку, курил, играл в любые игры. Было создано в Аравии государство ваххабитов, войны которого в начале 19 века разграбили шиитские святыни, штурмом взяли Мекку, разрушив мечети и исцарапав Каабу. С захватом Медины, ими была осквернена могила пророка Мухаммеда. Для ваххабитов

были характерны призывы к возвращению к первоначальному – аскетичному исламу и как следствие, гонение на разбогатевших мусульман. Ваххабиты были разгромлены в 1811 г. египетским правителем Мохамедом-Али, но вскоре восстановили свое государство. В настоящее время, ваххабизм, потерявший многие из своих черт, во всяком случае, тягу к пуританству и иным преобразованиям в исламе, стал официальной религией в Саудовской Аравии, руководство которой сказочно разбогатело на нефтяном бизнесе. Знают ли историю и суть ваххабизма его доморожденные последователи в Чечне, Дагестане, других регионах Северного Кавказа?

Как уже отмечалось, необходимо видеть разницу между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Первый, как и любой религиозный фундаментализм, ратует за религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту. Второй, ставит своей целью распространение силой, в т.ч. на другие страны и народы – исламской модели государства, исламских правил поведения в обществе и в семье. В статье «Как относиться к исламу после Беслана?», профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев утверждает: «Не в терроризме виноват ислам, а в том, что не достаточно яростно защищает свою святыню – Коран – от фанатичных перетолкований. И еще одна вина исламского мира заключается в том, что он позволяет использовать себя...мозг, управляющий исламским терроризмом,... находится за пределами исламского мира.... Я убежден, что стратегическое планирование терактов, совершаемых от имени ислама, совершается в западном мире» («Известия» 16.09.2005 г.) [6].

Для России религиозный экстремизм не был характерен, в силу целого ряда причин, в частности на Северном Кавказе и в Северной Азии ислам в высшей степени отражен суфийскими красками. То есть, многие мусульмане, считая себя правоверными, совершают обряды и одновременно принадлежат в своем большинстве к определенным суфийским орденам. В Средней Азии существует до 5 орденов, на Северном Кавказе два. Суфии христианам дружелюбны. Христиане не просто «люди книги» - это братья. Например, некие глубокие суфийские системы не отрицают пресвятую Троицу. Только суфии считают, что триединство это тайна, а христиане сделали ее доступной всем профанам. Суфизм из всего ислама наиболее близок к христианству и это не потому, что они собираются стать христианами. Просто они лучше все понимают нашу близость и это надо использовать в развитии и укреплении отношений сотрудничества между мусульманами и христианами в России, с целью недопущения использования той или иной религии в экстремистских целях, в интересах третьих лиц. Впервые в Российской печати был опубликован список экстремистских организаций, действующих на территории России и отдельных граждан, по которым есть вступившее в силу решение суда или чья деятельность на территории России официально прекращена. В список организаций попали не только крупные и всемирно известные террористические организации такие как «Аль-Каида» или «Имарат-Кавказ», но и такие довольно экзотические объединения и организации, как например

«Общество ведической культуры ». Или секта с громким названием «Благородный орден Дьявола». Эта секта действовала несколько лет на территории Мордовии и Нижегородской, Ульяновской, Пензенской и Тульской областях. Верховный суд Мордовии признал «Орден Дьявола» экстремистской организацией и запретил ее деятельность. Татарский писатель Фирдус Девташ отмечает распространение радикальных религиозных взглядов в Поволжье, Приуралье, отмечает рост влияния зарубежных эмиссаров на умы молодежи («Аргументы недели» №17 от 05.05.2011) [7].

Все эти факты говорят о многом. В первую очередь о непродуманной политике клерикализации страны, которая может усугубить раскол общества по религиозному признаку, от отсутствия в стране единой системы религиозно-просветительского просвещения молодежи в школах и вузах. Особенность этого просвещения в том, что оно должно носить не религиозный или атеистический характер, а четко выраженный феноменологический характер, как основу для религиозно-культурного диалога, сотрудничество культур и религий.

Литература

1. Федеральный закон от 25.06.2002г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [www.pravo.gov.ru].
2. Антонян Ю.М., Белокуров Г.Н., Боковиков А.К. Этнорелигиозный терроризм. - М., 2006, С.58
3. Жолудев С.И., Плотников В.Г. Влияние древних религий на современные общественные корпорации. М., 2007
4. Федорович А. Чечня: Тейпово религиозные отношения и их источники // Войсковой вестник. 2001г №5
5. Федотов Б.В. Исламский экстремизм и некоторые методы борьбы с ним за рубежом// Вестник МВД России 2005 №6
6. Кураев А. Как относится к исламу после Беслана. // Известия №171, 16.09.2005г.
7. Девташ Ф. Российский ислам на развилке истории. // Аргументы недели №17, 05.05.2011г.
8. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. // Российская газета №144, 06.07.2011г.

А. ПОЦЕЛУЙКО ПОНЯТИЕ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В СОЦИОЛОГИИ И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(Украина, Киев)

Социологическое теоретизирование опирается на те образы, которые наработаны в корпусе социального познания в конкретных исторических условиях, учитывая научную картину общества в целом. Поскольку социология самостоятельно не производит образы государства, а пользуется теми, которые

продуцируются в других социальных науках, а также традиционно заимствует их из социальной философии, то её задачей является подключение к соответствующему междисциплинарному дискурсу через синтетико-теоретическую работу и концептуализацию возникающих новых образов государства, раскрытие их социальных смыслов в условиях включения Украины в глобальное информационное пространство. Нельзя утверждать, что осознание этой темы в социологии является полностью беспрецедентным. Различные подходы к формированию образов государства в СМИ, политике, средствами информационных технологий, изучение их влияния на общество в целом и общественное мнение в частности нашли свое отражение в целом ряде коммуникативных теорий, в частности таких как "Теория массового общества", "Критическая теория общества", "Теория гегемонии массовой коммуникации", "Теория эгалитарной массовой коммуникации" и др.

Концептуализация образа государства предусматривает также выделение этого понятия, имеющего междисциплинарный характер, среди близких и родственных понятий. В связи с вышеизложенным, необходимо в процессе исследования: а) выяснить сущность понятия образа государства в соотношении с понятиями "имидж", "бренд" и "идентичность"; б) определить структуру и основные характеристики образа государства. Источников, которые непосредственно рассматривают "образ государства", в научной социологической литературе немного. При этом имеющимся в литературе определениям понятия "образ государства", подходам к пониманию его сущности и построениям типологий в основной их массе, к сожалению, свойственны расплывчатость, относительность, нечеткость, семантическая неопределенность и многозначность. Проблематика образа и имиджа государства рассматривалась в исследованиях западных ученых: Р. Хермана, Р. Джервиса, С. Хантингтона, Д. Скара, Дж. Ная, А. Холсти, российских – Э.Галумова, Д. Замятина, И. Киселева, В. Панарина, Е. Шестопаля, Л. Мамута и др. В Украине немногочисленные научные разработки по этой тематике принадлежат Н.Хазратовой, Г. Почепцову, В. Бебику, прикладными аспектами этой проблемы занимались также И. Слисаренко, А. Бойко, А. Запорожец и др. В социологии массовых коммуникаций теми или иными аспектами данной проблемы занимались такие исследователи, как Г.Лассуэл (эмпирические исследования массовых коммуникаций методом контент-анализа), У. Липпман (социологически-публицистические исследования общественного мнения), Д.Блумер, Э.Катц (применение массовых коммуникаций как инструментов воздействия) С. Литтлджон (осмысление теории массовых коммуникаций); Г. Почепцов (имиджевые коммуникативные технологии и практический аспект разработки имиджбилдинговых стратегий); С. Конечкий (структурно-функциональные исследования массовых коммуникаций) Л.Склеир (культурно-идеологические транснациональные практики); Д.МакКьюейл (социальная теория структуры и функционирования медиа); П.Лазарсфельд (массовая коммуникация и организованная социальное действие).

Первичным социально-психологическим фактом в процессе структурирования образа государства можно считать межгрупповое взаимодействие, про-

странство которого определяет, по убеждению известного российского социолога П. Сорокина [1, 634–637], влияние одной стороны на поведение и психологию другой стороны. Интеракция продолжается до тех пор, пока это влияние существует. Экстраполируя это утверждение на анализ социально-психологических характеристик образа государства как политического объединения, следует констатировать, что в его взаимодействии с различными большими социальными группами происходит подбор семиотики имиджевого конструирования, то есть, обнаружение набора психологических атрибутов-знаков, которые создают консенсуальную настроенность относительно возможного взаимодействия на рынке обмена политическими ресурсами доверия и поддержки, с одной стороны, и программирования и мобилизации, с другой. В социальной психологии существует несколько подходов к оценке межгруппового взаимодействия, с позиции которых осуществляются познавательные экстраполяции по оценке характеристик образа государства как феномена межгрупповой коммуникации: психоаналитический, социально-бихевиористский, когнитивистской, аксиологический.

В рамках психоаналитического подхода образ государства рассматривается как продукт межгрупповых отношений. В отношениях между группами межгрупповая враждебность является неизбежной; функция этой враждебности заключается в том, что она является главным средством сплочения и стабильности группы. Механизмом формирования враждебности к чужакам и привязанности к "своим", по убеждению Фрейда, является Эдипов комплекс, амбивалентность эмоциональных отношений в семье, когда ребенок чувствует к отцу и любовь и ненависть; любовь к отцу трансформируется в идентификацию с лидером группы, в привязанность к своей группе, а враждебность переносится (проецируется) на чужую группу. В когнитивистском подходе образ государства является отражением индивидуального или коллективного сознания вполне конкретного фрагмента реальности - определенного государства. Причем, как свидетельствуют данные эмпирических исследований, каждое государство однозначно идентифицируется индивидом как фрагмент именно политической реальности [2].

Социально-бихевиористский подход объясняет структурирование черт образа государства в рамках концепции агрессии-фрустрации (Миллер - Доллард). Агрессивное поведение, понимаемое как совокупность любых актов, в т.ч. коммуникативных, является направленным на преодоление фрустрации как состояния блокировки психической активности. Таким образом, тезис становится понятным в контексте деятельности государства радикальной направленности, образ которого формируется в нонконформистском стиле (леволиберальный феминизм, экологические партии, правые из числа фашистских партийных группировок и т.д.). Специфический образ нонконформизма несет, таким образом, антифрустрационную нагрузку по враждебному официальному обществу. Подобную интерпретацию структурирования образа предлагает автор известной концепции авторитарной личности Т. Адорно, который считает, что отношение к другим группам зависит от социализации ребенка и амбивалентности

эмоциональных отношений в семье. Для авторитарной личности характерна тенденция неприятия всех чужих групп и завышенная оценка своей собственной группы [3, 312–315].

Ситуативный подход к анализу межгрупповых отношений позволяет раскрыть процесс кристаллизации характеристик образа государства [2]. Символика групповой идентичности становится важнее реальной солидарности в конфликте групповых интересов, то есть, в символах закрепляется атрибутивная схема межгруппового конфликта.

Аксиологический подход акцентирует внимание на системе ценностей, которая функционирует на национальном и государственном уровнях. Имеются в виду ценности, которые принимаются практически всем населением страны (в посткоммунистических странах, в т.ч. Украине, в результате сложных социокультурных трансформаций такой системы ценностей практически не существует). Несмотря на это, различным группам населения, выделяемых по различным критериям, присущи свои специфические системы ценностей. С другой стороны, аксиологический подход позволяет говорить о ценностном содержании образа государства, его инструментальных и терминальных измерениях. Инструментальное измерение образа государства может быть связано с теми или иными особенностями, которые ассоциируются в массовом сознании с причастностью к нему. При этом как инструментальные, так и терминальные ценности могут содержать разнообразные образы, с которыми сочетается ценность государства в представлениях граждан. Проблема формирования образа государства в контексте международного информационного пространства практически не исследовалась в социологической науке. Хотя значительную роль при этом могут сыграть идеи, разработанные приверженцами постмодернистского направления в социологии, в частности, Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром и другими. Так, идея виртуальной реальности, которая была разработана в рамках этого подхода, свидетельствует о том, что в наше время образы все в большей степени влияют на реальность. Существуют образы, которые являются не только отражением реальности, продуктом её восприятия, но и феноменами, образующими новую реальность. Они рождаются во многих случаях с помощью средств массовой коммуникации, после чего начинают функционировать как отдельная автономная реальность. В данном случае мы можем говорить о том, что и образы государств, которые циркулируют в международном информационном пространстве, влияют на функционирование самих государств, на отношение международных сообществ к ним. Таким образом, в процессе информатизации общества проблема формирования образа государства приобретает все большее значение, но специфика социально-психологических особенностей формирования образа государства в современном информационном обществе остается недостаточно изученной [4].

Следует принимать во внимание, что исследования "образа", "имиджа", "бренда" страны по большей мере приобретают междисциплинарный характер, поэтому структуризация исследовательских направлений в научной литературе, имеет в некоторой степени условный характер. Чаще понятие "образа", "ими-

джа", бренда ", по определению К. Гаджиева, рассматривают не в комплексе, а парами – имидж / образ и имидж / бренд. Понятие "образ" чаще используется в теоретико-культурологическом или философском контексте, "бренд" – в утилитарно-практическом, а "имидж" – в обоих контекстах, что указывает на его "срединное" значение. Образ чаще связывается с уже существующими, самостоятельно сформированными представлениями, имидж – с существующими, но сконструированными представлениями в целом (в различных областях, сферах деятельности), бренд же связывается со сферой экономики, туризма и практического маркетинга. Встречается множество определений "имиджа" с помощью "образа", но нет ни одного определения "образа", которое бы определялось через понятие "имидж" [5, с.70-71]. Изучая влияние СМИ на восприятие стран, исследователи приводят различные "рабочие" дефиниции образа и имиджа (некоторые авторы вводят собственные понятия, например "медиаобраз"), понимая под имиджем/образом трансформированные СМИ представления о стране, которые созданы для влияния на аудиторию с целью изменения представления о стране. Целесообразно также отдельно выделить коммуникативные факторы, в частности СМИ, роль которых в последнее время возросла настолько, что они часто заменяют объективную реальность искусственно сконструированную симулякрами или, как писал У. Липпман, "псевдо-средой", потому что она отражает не реально сложившиеся обстоятельства, а представление о данной ситуации в сознании отдельного индивида, его личную картину мира и, таким образом, не отражает реальной картины ситуации. В качестве последнего следует выделить трансформацию массового сознания как специфический фактор восприятия государства, что детерминировано динамичностью процессов, происходящих в условиях многочисленных политических, экономических и социальных изменений, ведущих к постоянной психологической напряженности и необходимости адаптации к ним [6, с.144].

"Представление государства" является определённой метафорой, назначение которой – обозначить тот факт, что сообщества, составляющие общество определенного государства, создают некий обобщенный образ не только другого государства, но и свой собственный. Идентичность является «когнитивным фреймом» (Р. Брубейкер), «идентификационным базисом» (Х. Хофмайстера), ядром (Н. Хазратова) образа государства. Она связана с историей народа или народов (этносов), ставших основой государства, сформировавших политическую нацию. Подобную мысль высказывал польский философ Л. Колаковский, который считал вопрос идентичности человеческих коллективов аналогичным проблеме личной идентичности. Они, по выражению Х. Хофмайстера, являются средой, в которой проявляется и признается своеобразие государств, а, следовательно, их особенности, которыми государства в своей индивидуальности отличаются друг от друга [7, с.104]. Л. Колаковский указывает на такие необходимые составляющие национальной идентичности: «национальный дух» (volksgeist), который воплощается в своеобразных формах культурной жизни и коллективного поведения; историческая память, которая является осознанием того, что современная экзистенция нации является продолжением ее

существования в прошлом; предвидение как способность мыслить в категориях будущего; тело, то есть территория и природная среда; национальное самосознание как локализованное во времени начало нации. Эти пять составляющих, по мнению Л. Колаковского, позволяют распознавать государство, которое является коллективным "лицом", как отдельное бытие, и сохраняет идентичность во времени [8]. Вышеуказанное дает основания утверждать, что ядром образа государства является национальная идентичность как разновидность коллективной идентичности. Она выступает основой для самовосприятия, формирование Я-образа, позволяет осознавать и определять Мы-образ, свое сходство и отличие от «Других». Результатом процесса познания становится формирование образа государства, отражающее представление субъекта познания о национальной идентичности, статусе и роли страны, которые не всегда совпадают с её объективными характеристиками. Итак, существует немало подходов к изучению тех или иных разновидностей образа государства и процессов его формирования. Формирование образа государства в современном информационном обществе, его трансформация – является сложной, многогранной проблемой, которая имеет важное теоретическое и практическое значение, и требует тщательного анализа и исследования. Такой вывод основывается на том, что образ государства относится к числу фундаментальных понятий, вне контекста которых сложно говорить о формировании гражданского общества и воспитании патриотизма.

Литература

1. Сорокин П. А. Система социологии / П.А. Сорокин – М.: Астрель, 2008. – 1003 с.
2. Miller with J. Dollard Social Learning and Imitation. Yale Univ. Press, New Haven – 1964.- pp.211-212.
3. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.
4. Киселев И.Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации / И. Ю. Киселев // Полис. – 2003. – № 3(74). – С.50-57.
5. Гаджиев К. С. Имидж государства в конфликте идеологий / К.С.Гаджиев – М.: «Андалус», 2007. – 128 с.
6. Липпман. У. Общественное мнение / У.Липпман. / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
7. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Х.Хофмайстер / Пер. с нем. – СПб: ИЦ „Гуманитарная академия”, 2006. – 288с.
8. Kolakowski L. Über kollektive Identität / L. Kolakowski // Identität im Wandel: Castelgandolfo-Gespräche 1995. Stuttgart, 1995.

Н.А. СТЕПАНЕЦ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНООБРАЗНОЙ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ,
СВЯЗАННЫМ С НАСЛЕДОВАНИЕМ ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН

(Россия, Смоленск)

В настоящее время наследственное право является одной из наиболее востребованных подотраслей гражданского права. Оно призвано обеспечить баланс между социальными и индивидуальными интересами в сфере имущественных отношений. Наследственное право выступает не только в качестве одного из важнейших способов приобретения права собственности, но и создает условия для защиты имущественных интересов семьи наследодателя.

Нормы третьей части Гражданского кодекса РФ (далее по тексту ГК РФ) явились значительным шагом вперед в урегулировании наследственных отношений, они действуют уже двенадцать лет. Следует особо подчеркнуть, что те изменения, которые были внесены в наследственное право, в целом были незначительны с точки зрения развития наследственно-правовой доктрины и наследственного правопорядка, поскольку в большей степени носили юридико-технический характер.

Вместе с тем, наследственное право, являясь традиционно наиболее консервативной подотраслью гражданского права, не лишено недостатков.

Стоит отметить, что попыткой ликвидации некоторых двусмысленностей и неправильности толкования норм права стало принятие в 2012 году Пленумом Верховного Суда РФ 29 мая 2012 г. Постановления № 9 [6], которое определенно можно назвать долгожданным, поскольку суды общей юрисдикции практически более пяти лет не имели для непосредственного руководства акта официального толкования наследственного законодательства.

Этот акт, бесспорно, дает движение дальнейшему развитию цивилистического учения и правоприменительной практики о наследовании поскольку, не все решения Пленума Верховного Суда РФ кажутся верными и теоретически обоснованными, не все проблемы правоприменительной практики были устранены.

Например, проблема реализации положений наследственного законодательства о направленном отказе от наследства.

Лицо, имеющее право на принятие наследства (право наследования), может принять наследство, не принимать наследство либо отказаться от него.

Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства, в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (п.1 ст.1158 ГК РФ).

Суть обозначенной проблемы заключается в том, что положения п. 1 ст. 1158 ГК РФ по степени формальной определенности в принципиальном плане не отличаются от ранее действующих положений ГК РСФСР.

Поэтому, до принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 практика применения абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК РФ следовала практике применения института направленного отказа от наследства, сложившейся на основе ранее действовавшего правового регулирования в его официальном судебном

толковании, содержащемся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 года № 6 «О судебной практике по делам о наследовании», в соответствии с которым наследник был вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону любой очереди - независимо от их призвания к наследованию.

В настоящее время имеет место формирование судебной практики, основанной на ином подходе, в силу которого отказ от наследства возможен в отношении тех наследников по закону, которые призываются к наследованию, притом что порядок наследования не изменен завещанием.

Отсутствие в тексте п. 1 ст. 1158 ГК РФ специального указания на то, каким образом можно совершить направленный отказ от наследства ставит решение вопроса о круге лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, той или иной судебной инстанцией в зависимости от того, как по времени соотносится рассмотрение соответствующего гражданского дела с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012.

Полагаем целесообразным сделать возможным направленный отказ от наследства в пользу любого наследника по закону, независимо от того входит ли он в состав той очереди, которая призывается к наследованию или нет.

Например, наследник первой очереди должен иметь право оказаться от своей доли не только в пользу других наследников первой очереди, но и в пользу наследников последующих очередей, не призванных к наследованию. При этом полагаем необходимым сохранить положения абз.2 п.1 ст. 1158 ГК РФ.

Существует проблема конкретизации условий признания наследников недостойными.

Данные условия устанавливает статья 1117 ГК РФ, согласно которой, не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке.

Не наследуют по закону родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства.

По требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №9 было отмечено, что противоправные действия наследника являются основанием к утрате права наследования при наличии умышленного характера этих действий, мотив и цель, указанная в абзаце 1 ст. 1117 ГК РФ не имеют значения. Возможно, такая

правовая позиция является вполне справедливой, однако она противоречит конкретным положениям ст.1117 ГК РФ. Следует также учитывать и то, что в судебной практике, несмотря на положения акта высшего судебного толкования, существуют противоположные выводы касательно важности целей и мотивов противоправных действий в отношении наследодателя. Например, в Определении Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2012 № 33-4074/12 [7] указано, что совершение наследником умышленных противоправных действий в отношении одного из наследников, за которые он привлекался к уголовной ответственности, не было направлено на увеличение его наследственной доли и скорейшее открытие наследства, а было совершено по иным мотивам. Поэтому такое лицо нельзя признать недостойным наследником и исключить из числа наследников.

Следует отметить, что в этом деле не был признан недостойным наследник, который умышленно убил наследника, нанеся ему множественные ранения, после чего расчленил тело и с целью сокрытия преступления вывез его по частям из квартиры.

Таким образом, для устранения обозначенной проблемы, представляется целесообразным изменить содержание ст. 1117 ГК РФ (исключить обозначенные в ней мотив и цель).

Особого внимания в современной правоприменительной практике заслуживает вопрос о правовом положении внуков и их потомков в наследственных отношениях, поскольку, зачастую внуки являются несовершеннолетними.

Анализ действующего российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что внуки наследодателя могут призываться к наследованию как наследники первой очереди только по праву представления, то есть если ко времени открытия наследства нет в живых того из родителей, который был бы наследником. Если же родитель-наследник жив, то при наследовании по закону они не могут претендовать на наследство. Следует отметить, что в данном случае положение внуков хуже положения двоюродных внуков и внучек, которые могут быть призваны к наследованию как наследники по закону пятой очереди. [13]

Верховный Суд РФ дал судам руководство применять аналогию закона и распространять действие п. 1 ст. 1148 ГК РФ на внуков и их потомков, что, безусловно, является положительным моментом.

Данное толкование прямо противоречит закону, а именно п. 2 ст. 1142, п. 1 ст. 1146 и п. 1 ст. 1148 ГК РФ, из систематического толкования которых явствует, что внуки наследодателя и их потомки наследуют по праву представления. Ни в одной из указанных статей гражданского кодекса они даже не названы наследниками, а именуются лицами, наследующими по праву представления.

Интересной также представляется ситуация в случае смерти наследника первой очереди, при которой возникает вопрос о возможности выбора внуком варианта наследования - по праву представления или наследования в качестве

нетрудоспособного иждивенца, или наследования по обоим указанным основаниям. Дело в том, что размер причитающейся доли в этих случаях рассчитывается по разным правилам (п. 1 ст. 1146 и ст. 1148 ГК РФ).

Думается, что с позиций наиболее благоприятного режима наследования следует либо считать долю по правилам ст. 1148 ГК РФ, либо дать наследнику возможность выбора варианта наследования. В Постановлении Пленума ВС РФ № 9 эта конкуренция разрешена исключительно в пользу права представления (подп. г п. 31) что нивелирует преимущества нетрудоспособных иждивенцев, связанные с определением размера доли).

Анализ положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9, позволил сделать вывод о том, что этот акт значителен по объему, достаточно подробен и содержит грамотные и верные разъяснения. Однако, пытаясь привести к единообразию весьма противоречивую судебную практику Пленум в отдельных случаях породил значительные коллизии и правоприменительные проблемы связанные с тем, что толкование высшей судебной инстанции идет вразрез с буквальным толкованием норм наследственного права. Для избавления правовой системы от подобных неточностей необходимо качественное изменение содержания норм наследственного права в части вышеизложенных проблем, чтобы исключить дальнейшие сложности правоприменительной практики. Реформирование наследственного права представляется по-прежнему важной и актуальной задачей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета от 25.12.1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Российская газета от 28.11.2001 г. № 233.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1) (ред. от 23.06.2014) // Российская газета от 13.03.1993 г. № 49.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.12.2013.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета от 21.05.2010 г. № 109.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета от 06.06.2012 г. № 127.
7. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2012 № 33-4074/12. Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс
8. Беспалов Ю.Ф., Беспалова А.Ю. Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения. Проспект. 2012.
9. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по делам о наследовании: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2013.
9. Калугин Д.Е. Наследование по праву представления: новый взгляд // Нотариус. 2012. №

3.

10. Наследственное право: Постатейный комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации / Е.Р. Аминов, И.А. Андреев, И.Л. Арсентьев и др.; под общ.ред. М.А. Дмитриева // СПС КонсультантПлюс. 2012.

11. Ростовцева Н.В., Сураев А.С. Особенности правового регулирования участия несовершеннолетних в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2012. № 4. С. 11 - 17.

12. Ярошенко К.Б. Вопросы, возникающие в судебной практике при применении отдельных норм законодательства о наследовании // Юридическая литература. 2012.

13. Паничкин Вячеслав Борисович. Наследование по закону по американскому и российскому праву: сравнительный анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2011.

14. Путилина Елена Сергеевна. Проблемы реализации права наследования в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2008.

15. Шилохвост Олег Юрьевич. Проблемы правового регулирования наследования по закону в современном гражданском праве России: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Москва. 2006.

16. Сайт Федеральной нотариальной палаты // www.notariat.ru

17. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru>.

Е.В. СОМОВА

НЕОБХОДИМО ЛИ РЕГУЛИРОВАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИСТОВ НОРМАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ?

Научный руководитель – Т.Н. Мамонтова
(Россия, Новосибирск)

Вначале хотелось бы определить круг субъектов юридической деятельности, для которых закрепление профессионально-этических норм является необходимым. В данной работе рассматривается вопрос регулирования деятельности юристов, не являющихся адвокатами. Это связано с тем, что в РФ уже принят Кодекс профессиональной этики адвоката, устанавливающий необходимость соблюдения этических норм лицами, получившими статус адвоката.

Как правило, принято считать, что профессиональная юридическая этика является в большей степени теоретическим предметом без непосредственного практического применения. На самом деле, в юридической профессии разрешение этических вопросов иногда бывает даже более трудным, чем решение собственно юридических вопросов. В качестве примера можно привести следующие ситуации, являющиеся отнюдь не редкими на практике [1]: 1) прибыльный для вашей фирмы клиент просит подделать документы; 2) цена, указанная в договоре, не соответствует той, за которую в реальности были проданы товары; 3) жена вашего клиента интересуется у вас проблемами бизнеса своего мужа.

В каждой из перечисленных ситуаций найти правильное решение возможно лишь, зная этические обязанности практикующего юриста. Как говорил Ноэль Престон, «юридическая этика и профессионализм

взаимосвязаны» [2]. Без этических норм невозможно качественное оказание юридических услуг, т.к. со стороны юриста требуются сохранение в тайне конфиденциальной информации, разумность в отношении биллинга услуг, уважительное отношение к клиенту.

В то же время, значение юридической этики велико как для отдельно взятого юриста, так и для юристов в целом. Регулирование юристами с помощью этических норм деятельности, осуществляемой представителями профессии, контроль над исполнением данных норм свидетельствуют о большей независимости юридического сообщества от какого-либо внешнего воздействия. В свою очередь, независимость юристов является важнейшей гарантией надлежащей защиты юридических, экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав, гарантией установления и поддержания верховенства права [3].

Кроме того, наличие норм о профессиональной этике и ответственности, принимаемых юридическим сообществом, предопределяет более высокий статус юристов в обществе. Это связано с тем, что юристы, которые честно и добросовестно исполняют свои обязанности, повышают авторитет своей профессии и уровень доверия со стороны общества. Потеря доверия к юристам со стороны общества вызовет падение доверия к правосудию и неуважение права в целом. А это означает, что споры будут разрешаться не в судебном порядке, а путём применения силы, что приведет к хаосу в обществе [4]. Таким образом, для предотвращения краха общественных устоев, необходимо, чтобы юристы соблюдали правила профессиональной этики: избегали конфликтов интересов в своей деятельности, не разглашали информацию о клиентах, уважали коллег по юридической профессии.

Суммируя вышесказанное, представляется необходимым выделить следующие цели принятия норм профессиональной этики:

- 1) разрешение сложных этических вопросов в деятельности юристов;
- 2) повышение качества юридической деятельности;
- 3) создание независимого юридического сообщества;
- 4) рост уважения и доверия к юристам со стороны общества.

Что могут представлять собой правила этики для юристов? Во-первых, свод принципов, на которых должна основываться юридическая деятельность. К таким принципам можно отнести уважительное отношение к клиенту, ведение открытого диалога с клиентом, добросовестность, нераспространение конфиденциальной информации. Наряду с упоминанием самого принципа должен быть раскрыт его смысл. Например, так: под уважительным отношением к клиенту понимается признание достоинства каждого человека и равенства прав с другими людьми. Ведение открытого диалога с клиентом предполагает следующее. Юрист должен сообщать клиенту возможные способы решения его проблемы, последствия выбора каждого из способов, в дальнейшем предоставлять полную информацию относительно разрешения проблемы. Добросовестность юриста заключается в том, что он не должен обещать клиенту сделать то, что заведомо является невозможным. В случае

если клиент просит юриста пойти на противоправные действия, последний не вправе каким-либо образом давать своё согласие на их совершение. Понятие «нераспространение конфиденциальной информации» означает, что юристу необходимо сохранять в тайне те сведения, которые были им получены от клиента при оказании юридических услуг.

Во-вторых, правила поведения в конкретных сложных ситуациях в юридической практике. Возможно закрепление данных правил в специальных сборниках «этических» прецедентов, издаваемых саморегулируемыми организациями юристов, о которых речь пойдёт позже. Сборники должны содержать указание на определённую ситуацию, поведение, которое было признано не соответствующим принципам этики и надлежащие варианты поведения.

На мой взгляд, ценность закрепления базовых принципов состоит в том, что они приносят некую устойчивость, неизменность внутреннего содержания в меняющихся внешних условиях юридической деятельности. В то же время именно из-за общего характера базовых идей их очень непросто применять на практике, каждый раз пытаюсь сопоставить принцип с конкретной жизненной ситуацией. Правила поведения, имея предписывающий характер, во многом решают данную проблему, так как помогают сравнить поведение юриста в определённой ситуации с тем, как ему надлежало вести себя.

Для того чтобы нормы о профессиональной этике и ответственности были реально действующими, необходимо создать саморегулируемые организации практикующих юристов в каждом субъекте РФ с требованием обязательного членства для лиц, желающих осуществлять юридическую деятельность. Данные организации призваны выполнять не только функцию разрешения конфликтов, но и предупредительную функцию. Предупредительная функция заключается в том, что саморегулируемые организации будут вести реестры лиц, оказывающих юридические услуги, с внесением данных о наложенных дисциплинарных взысканиях. На мой взгляд, это поспособствует тому, чтобы юристы под страхом испорченной репутации или потери заработка надлежащим образом исполняли свои этические обязанности. Следует упомянуть также ещё одну функцию – функцию создания правил поведения. Решения саморегулируемой организации по результатам рассмотрения этического спора по жалобе клиента или другого юриста могли бы стать основой для закрепления правил поведения. Эти правила помогут облегчить для практикующих юристов поиск правильного решения в сложных профессиональных ситуациях.

Какие возможны виды налагаемых такой организацией дисциплинарных взысканий? В соответствии со ст. 5 закона N 315-ФЗ от 01.12.2007 г. «О саморегулируемых организациях» [5] возможно применение мер дисциплинарного воздействия как предусмотренных данным законом (предупреждение, штраф и др.), так и установленных внутренними документами саморегулируемой организации. Возможно установление следующего перечня налагаемых взысканий:

- 1) Замечание.
- 2) Выговор.
- 3) Ограничение занятия юридической деятельностью на определённый срок.
- 4) Лишение права заниматься юридической деятельностью.

Замечание представляет собой наиболее мягкий вид дисциплинарного взыскания и состоит в индивидуальном обращении к юристу с указанием на несоответствие его действий или предполагаемых им действий нормам профессиональной этики. Выговор состоит в публичном порицании нарушителя, воздействуя на совесть юриста и страх испортить репутацию. Ограничение занятия юридической деятельностью на определённый срок является, прежде всего, имущественной санкцией, поскольку лишает лицо возможности заниматься своей профессиональной деятельностью и получать доход. В то же время данный вид взыскания должен способствовать переосмыслению нарушителем принципов юридической деятельности и своей этической ответственности перед обществом. Наконец, лишение права заниматься юридической деятельностью представляет наиболее суровую меру взыскания, которая, конечно же, должна применяться в исключительных ситуациях. Примерами таких ситуаций могут быть использование юристом своих возможностей в корыстных целях, подделка юридических документов.

Таким образом, важность сферы деятельности юристов, безусловно, предполагает наличие специфических профессиональных нравственных требований. Данные требования представляют собой минимально необходимые стандарты поведения, затрагивающие взаимоотношения между юристами и их клиентами, а также между практикующими юристами. Этические нормы являются руководством к деятельности для отдельно взятого юриста, а также выступают залогом независимости и уважения к юридическому сообществу. Применяя правила этики необходимо руководствоваться как сводом принципов, на которых основана юридическая деятельность, так и учитывать сложившиеся правила поведения. Саморегулируемые организации юристов в каждом субъекте РФ, могли бы выступать арбитрами в спорах, касающихся этики, и накапливать опыт предотвращения этических конфликтов, закрепляя определённые правила поведения. Виды взысканий должны варьироваться от наиболее мягких к более суровым, предоставляя возможность для индивидуализации наказания. Таким образом, удастся создать не только нормы профессиональной этики и ответственности для юристов, но и закрепить эффективный механизм их реализации на практике.

Литература

1. Colbran, S. Legal professional conduct [iTunes U courses] // LAWS13013 Legal professional conduct. 2012. Ch.1. P.2.
2. Preston, N. Understanding ethics // Federation press, 3rd edition. 2007. Ch. 2,3.
3. Стандарты независимости сообщества юристов (приняты Международной ассоциацией юристов (IBA) 07.09.1990 г. в Нью-Йорке). Электронный ресурс: <http://advokpalata-21.ru/urbanleft/standartnezavisimosty.html> (дата обращения: 27.09.2014).

4. Jibril, A., Adelahu, Z. Legal profession and ethics [Electronic resource] // Ethiopian legal brief. Teaching material. 2009. P.6. URL: <http://chilot.files.wordpress.com/2011/06/legal-profession-and-ethics.pdf> (дата обращения: 27.09.2014).

5. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 07.06.2013) "О саморегулируемых организациях" // "Собрание законодательства РФ", 03.12.2007, N 49, ст. 6076.
Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147320/

Р.Ю. ШУЛЬГА
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ОРГАНАМИ СЛУЖБЫ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ

(Россия, Москва)

В тоталитарных странах спонтанная политическая активность гражданского общества носит маргинальный характер и, в целом, стагнирует, а конституции являются не более, чем декоративной правовой оболочкой порядка. Ведь тоталитаризм структурно близок порядку и основывается на презумпции единственной правды в политике, прилагаемой обычно ко всем областям жизни [10, с. 2].

Современная ситуация в России характеризуется противоречием между юридически закреплёнными конституционными нормами и политической реальностью. Таковую ситуацию можно обозначить как существование мнимого конституционализма, где конституционные нормы вообще не действуют на практике. Теоретически Конституция закрепила новые принципы легитимности и авторитарный институт правления.

Созданный авторитарный режим принял институциональные формы демократии, включающий регулярные «выборы» (точнее сказать голосование, а не демократические выборы), подконтрольные власти средства массовой информации (далее – СМИ), видимость наличия оппозиционных партий в парламенте, формальное провозглашение в Конституции примата прав человека и приверженности идеям правового государства. Власти удаётся манипулировать политическим процессом и политической свободой в той степени, когда власти ничего угрожать не будет.

В этой связи в существующих реалиях особое значение приобретает возможность осуществления гражданского (общественного) контроля над властными органами, основывающегося на конституционных принципах непосредственного осуществления народом своей власти и свободы деятельности общественных объединений. Способность граждан получать информацию и контролировать своё правительство является ключевым элементом и гарантом демократии. Такой контроль может быть действенным только при наличии прозрачных законодательных механизмов.

События с разоблачением бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США (National Security Agency, NSA) Э. Сноудена (Edward Snowden) о сборе данных путём перехвата электромагнитных сообщений и

обмен ими, а также попытки российских спецслужб раскрыть регистрационные данные создателей групп о «Евромайдане» в социальной сети «ВКонтакте» (vkontakte.ru) [1, с. 24] стали причиной нарушений права на неприкосновенность частной жизни и принципа недискриминации и в связи с этим актуализировали во всём мире, в том числе и в России, вопрос о необходимости выстраивания действенных механизмов для гражданского контроля над спецслужбами⁵. Национальная безопасность и соблюдение конституционных прав и свобод человека возможны только в том случае, если спецслужбы, которые в соответствии с Федеральным законом от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (далее – ФЗ «О ФСБ») наделены широким кругом полномочий в сфере обеспечения безопасности России, будут находиться под усиленным контролем со стороны гражданского общества.

В настоящее время органы службы безопасности являются одной из самых закрытых государственных структур с непрозрачным бюджетом и фактически неподконтрольной обществу. Российские спецслужбы сохранили с советских времён практику внедрения своих сотрудников в общественные и государственные организации, вербовки гражданских работников путём подписания «соглашения о сотрудничестве», нарушение прав человека, внесудебные расправы, издевательства. В России органы службы безопасности фактически осуществляют функции не национальной безопасности, а занимаются охранительной деятельностью авторитарной власти от собственного народа. Национальная безопасность, как раз наоборот, должна быть связана с защитой прав отдельных граждан государства [7].

Ошибкой стал отказ принятия (в начале 90-х годов XX века) после слома советской тоталитарной системы закона о люстрации о запрете сотрудникам бывшего КГБ занимать любые должности в органах государственной власти; это способствовало бы очищению новой структуры спецслужб от людей, участвовавших в преступлениях советского режима.

В самом общем виде можно выделить четыре основополагающие функции, которые должны выполнять спецслужбы:

- 1) предупреждение непрогнозируемых стратегических угроз;
- 2) осуществление долгосрочных стратегических оценок;
- 3) помощь в принятии решений по разработке государственной политики;
- 4) обеспечение секретности информации, её источников, методов и средств её получения [9, с. 2 - 5].

Согласно статье 5 ФЗ «О ФСБ» деятельность ФСБ должна осуществляться на основе принципов законности; уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина; гуманизма и ряда других [4]. Однако на протяжении всех лет существования органов службы безопасности как в советском обществе, так и в новой России их деятельность тесно переплетается

---

⁵ В настоящей статье термин «спецслужбы» используется наравне с терминами «органы службы безопасности», «разведка», «разведывательные подразделения» или «службы» и означает службы, действующие в других и/или своих странах.

с политической властью страны, что подчёркивает излишнюю политизацию органов безопасности и ограниченные ресурсы для проведения действенного общественного контроля.

Как отмечает Г. Борн, политизация разведывательной службы может иметь место, если:

- разведка служит интересам политиков, а не интересам политических решений;
- власть имеет возможность вносить коррективы в данные разведки;
- разведывательные подразделения организовываются для преследования определённых политических целей;
- руководители спецслужб назначаются политическими силами или являются членами определённых политических партий;
- отсутствует или слабо развита система противовесов между различными ветвями власти, что может привести к тому, что одна из них осуществляет полное руководство деятельностью спецслужб [6, с. 3].

Таким образом, анализируя обстоятельства, описанные Г. Борном, которые могут способствовать политизации, надо признать, что российские спецслужбы чрезмерно связаны с властью и следствием этой связанности политическая власть и гражданское общество не могут получать объективную информацию при решении вопросов национальной безопасности (в этой связи достаточно вспомнить отсутствие объективного расследования террористических актов в школе в Беслане, при захвате театрального центра на Дубровке в Москве, взрывов жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске и многих других, а также участием российских спецслужб при дестабилизации ситуации в Украине).

Как отмечают исследователи, наиболее действенными механизмами государственного и общественного контроля над работой спецслужб являются:

- контроль со стороны исполнительной власти;
- парламентский контроль;
- контроль со стороны судебной власти;
- внутренний контроль;
- независимый контроль [6, с. 4; 8, с. 9 - 11].

Однако в существующих политических условиях механизмы государственного контроля деятельности спецслужб не работают. Исполнительная власть не заинтересована в проведении какого-либо контроля органов безопасности, связывая своё существование именно за счёт их бесконтрольности. В правовом государстве контроль над спецслужбами можно до некоторой степени обеспечить с помощью тщательно сформулированного законодательства, регулирующего их действия [2, с. 14]. Однако законопроектная деятельность нынешних Государственной Думы и Совета Федерации направлена на сужение возможностей для контроля над властью со стороны институтов гражданского общества и создание механизмов для ограничения провозглашённых Конституцией России прав и свобод человека.

Как отмечает И. Хлебников, специфичность проблемы организации

контроля за деятельностью спецслужб состоит в противоречии между преимущественно негласным характером их действий и необходимостью их публичной оценки [5, с. 54 – 57]. Главная роль парламентского контроля работы спецслужб состоит, прежде всего, в обеспечении системы сдержек и противовесов между исполнительной властью и законодательной в целях создания гарантий невозможности давления одной ветви власти на другую в ходе работы спецслужб. В качестве форм парламентского контроля работы спецслужб выступают отчёты руководителей спецслужб перед парламентариями о своей работе, а также отчёты о расходовании бюджетных средств. Кроме того, если говорить в общем о парламенте, то он является органом через который народ осуществляет свою власть, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Таким образом, роль парламента в осуществлении контроля над органами безопасности в демократических странах является одной из ключевых среди других механизмов государственного и общественного контроля.

Помимо парламентского контроля особую роль в проведении гражданского контроля над службами безопасности играют СМИ. Отдельные виды СМИ по своему влиянию на человека, на формирование общественного мнения стали серьёзно различаться: в частности, тенденциями последнего времени стала массированная пропаганда российского телевидения, которая негативным образом отражается на получении гражданами объективной информации о происходящих событиях в стране и мире, учитывая устранение с рынка независимых телеканалов и препятствование в работе единственному независимому телеканалу «Дождь».

Следует отметить, что только независимость позволяет СМИ выступать на равных с органами государственной власти; независимость даёт возможность СМИ освещать проблемы существующие в обществе без оглядки на власть; контролировать властные органы. Надо признать, что в настоящее время в России, СМИ находятся преимущественно либо в руках государства, либо во владении крупных финансово-промышленных групп. Это ставит под угрозу важнейший для демократии принцип независимости СМИ. Такая ситуация не может не сказаться на объективности и разнообразии информации, отражении в СМИ всего спектра общественных интересов.

Между тем, получение информации - конституционное право граждан (ст. 29 Конституции РФ). Именно поэтому деятельность журналистов находится в центре внимания общества; они, как социальные посредники, выполняют важную для гражданских институтов и государства функцию.

За последние годы происходит размывание одной из основных функций СМИ, реализация которой должно обеспечивать необходимое согласие в плюралистическом обществе, где конфликты признаются и регулируются публично, – функции посредника. Выступая в качестве посредника, СМИ содействуют соглашению между сторонами, придерживающимися разных, и часто полярных взглядов. Передавая гласности позиции сторон, привлекая экспертов, независимых арбитров, предоставляя слово всем заинтересованным

сторонам, СМИ становятся площадкой, форумом, на котором обсуждаются разные позиции и вырабатывается новое знание о целях и способах дальнейшего взаимодействия.

Отсутствие независимого от государственного влияния телевидения вынуждает граждан искать объективную информацию в других источниках и, прежде всего, в глобальной сети интернет – менее всего подверженного цензуре (хотя уже и отдельные оппозиционные Кремлю ресурсы блокируются властями якобы за «призывы к противоправной деятельности и участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка» - grani.ru, ej.ru, kasparov.ru, navalny.livejournal.com и другие).

В последнее время со стороны властей предприняты агрессивные шаги по ограничению конституционно гарантированной свободы искать, получать, передавать и распространять информацию, в частности, в глобальной сети интернет (в частности, на блогеров возлагаются обязанности по соблюдению законодательства о выборах и референдуме, проверять достоверность размещаемой информации, порядок распространения массовой информации и другие. При этом права, которыми пользуются редакции СМИ и журналисты, предусмотренные законодательством о СМИ, на блогеров не распространяются) [3].

Немногочисленные каналы воздействия на власть через независимые СМИ (оставшиеся в ограниченном количестве) и через глобальную сеть Интернет не дают полноценно осуществлять контроль за властными органами, тем более, если говорить о контроле над закрытыми службами безопасности.

В России цензура присутствует не только в СМИ и интернете - за последние годы наметилась тенденция цензурирования в книгоиздании, если это затрагивает интересы власти (достаточно вспомнить внесудебное изъятие тиражей и запрет распространения книг А. Литвиненко «ЛПГ (Лубянская Преступная Группировка)» и «ФСБ взрывает Россию» (написанной совместно с Ю. Фельштинским)).

Таким образом, в России осуществлять контроль за спецслужбами посредством СМИ в последние годы становится всё труднее из-за введения законодательных ограничений на реализацию свободы слова, использования внесудебных механизмов давления на СМИ, закрытия неудобных СМИ, необоснованных увольнений неудобных журналистов.

Признавая важность парламентского контроля, а фактически отсутствие эффективно работающего парламента в России, цель которого была бы направлена на создание условий для реализации конституционно закреплённых прав и свобод человека, учитывая ограниченные возможности для контроля со стороны СМИ, необходимо развитие независимых механизмов гражданского контроля через деятельность гражданских организаций, в частности, неправительственных правозащитных организаций, обладающих тем уникальным экспертным знанием в сфере защиты прав человека, что позволяет им эффективно и независимо проводить общественный контроль.

В сложившихся современных условиях требуется совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность неправительственных организаций в сфере возможности осуществления ими гражданского контроля, в том числе выделения в качестве отдельной формы гражданского контроля - проведения общественной экспертизы законодательства, а также нормативного регулирования проведения общественной экспертизы законодательных актов, введения обязательных отчётов спецслужб за получаемое государственное финансирование и введения их ответственности за непредоставление запрошенной информации со стороны независимых гражданских организаций. При этом стоит учитывать, что в сфере проведения гражданского контроля действенными оказываются только те политические и правовые инструменты, которые обладают хотя бы какой-то самостоятельностью.

Литература

1. Голицына, А., Никольский, А. Не в контакте с ФСБ / А. Голицына, А. Никольский // Ведомости. – 2014. – 18 апреля. – С. 24.
2. Пустынцев, Б. Контроль над службой безопасности. Путь к правовому государству / Б. Пустынцев // КГБ: вчера, сегодня, завтра. Сборник. – М.: Знак-СП, Гендальф, 1993. – С. 9 - 19.
3. Федеральный закон от 5 мая 2014 года No 97-ФЗ (в редакции от 21 июля 2014 года) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. - Дата доступа: 29 сентября 2014 год.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 года No 40-ФЗ (в редакции от 28 июня 2014 года) «О Федеральной службе безопасности» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. - Дата доступа: 29 сентября 2014 год.
5. Хлебников, И. Общественный контроль за спецслужбами: история вопроса и правовые основы / И. Хлебников // Обозреватель – Observer. – 2002. - No 5-6 (148-149). – С. 54 – 57.
6. Born, Hans. Towards Effective Democratic Oversight of Intelligence Services: Lessons Learned from Comparing National Practices / Hans Born // Connections: The Quarterly Journal. – 2004. – Vol. III. - No 4. – P. 1 – 12.
7. Council of Europe – Venice Commission, Internal security services in Europe (Strasbourg: Council of Europe, 1998) (CDL-INF [1998] 6e).
8. Human Rights and the Security Sector. Report of the round-table with human rights defenders, organized by the Office of the Council of Europe Commissioner for Human Rights (Kyiv, 30-31 May 2013) [Электронный ресурс] // Commissioner for Human Rights. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=2101575&Site=COE>. - Дата доступа: 29 сентября 2014 год.
9. Lowenthal, Mark. Intelligence: From Secrets to Policy. Fifth Edition / Mark M. Lowenthal - Washington, D.C.: CQ Press, 2012. – Pp. 440.
10. Talmon, J. The Origins of Totalitarian Democracy / J. Talmon. - London: Secker and Warburg, 1952. – Pp. XI, 366.

М.А. ЯРОШЕНКО
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

(Украина, Киев)

Проблема противодействия коррупции в годы новейшей украинской истории особенно актуализировалась после событий ноября 2013 - февраля 2014 гг. Однако, несмотря на значительное желание и общественную поддержку, наличие соответствующего законодательства, механизмы противодействия коррупции недостаточно четкие [4, 6, 7, 13]. Учитывая это, стоит обратиться к историческому опыту привлечения к ответственности за коррупцию [1]. Особенно показательным с этой стороны является период второй половины XIX - начала XX века в Российской империи, когда были оформлены законодательные механизмы и судебная практика противодействия взяточничеству на высшем уровне [15]. Осмысление этого опыта является достаточно полезным и в наше время [10].

Несмотря на значительную актуальность, проблема противодействия коррупции в анализируемый период не нашла достаточного освещения в научной литературе. Среди дореволюционных разработок юристов следует выделить работы С. Будзинского, А.Лохвицкого, М. Неклюдова, Я.Северского, В. Ширяева [2, 8, 11, 12, 14].

Советская историография применяла классовый подход в историко-правовых исследованиях, который подталкивал к необъективному освещению проблемы. Статья Н. Д. Дурманова - единственная работа, посвященная истории антикоррупционного законодательства [5].

Ученые современного периода пытаются понять логику развития юридической мысли, критически оценить идеи антикоррупционного права, которые созвучны нашему времени. Среди основных работ следует назвать научные труды российских Б. Волженкина [3] и А. Кирпичникова [6], украинских исследователей В. Молчанова [9] и Е. Невмержицкого [10], которые освещают отдельные аспекты исторического опыта противодействия коррупции в имперской России.

Однако отсутствие целостной и комплексной работы, посвященной противодействию коррупции в российском имперском законодательстве во второй половине XIX - начале XX в., усиливает актуальность данного исследования [14].

К началу второй половины XIX столетия основным законом, который регулировал уголовные правонарушения и определял ответственность за них, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Этот закон действовал до 1917 года, хотя в 1866 и 1885 годах он был подвергнут

редактированию и сокращению. Однако, эти изменения мало касались закона об ответственности за взяточничество.

Принятое Уложение было изменено и существенно дополнило законодательство об ответственности за взяточничество и другие формы проявления коррупции, введены новые нормы.

Основные положения, в которых предусматривалась уголовная ответственность за наиболее распространенные корыстные злоупотребления по службе, содержались в главе шестой пятого раздела Уложения. Она называлась «О взяточничестве и вымогательстве» и состояла из 13 статей.

Однако определение этих понятий в законе отсутствует. В судебной практике под вымогательством имелось в виду принятие должностным лицом подарка за совершение таких действий или бездействие, которое было нарушением его служебных обязанностей. Если должностное лицо за взятку осуществляло действие или бездействие в рамках круга своих полномочий, то такое преступление считалось взяточничеством.

Вымогательством признавалась: 1) любая прибыль или иная выгода, приобретенная по делам службы притеснением или угрозами, и вообще страхом притеснения; 2) любое требование подарков или неустановленной законом платы, или ссуды, или каких-либо услуг, прибылей или личных выгод по делу или действием, касающихся службы или должности виновного, под любым видом или предлогом; 3) всякие неустановленные законом или в избытке против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем другим; 4) любые незаконные наряды обывателей на свою или чью-то работу.

Итак, русское дореволюционное законодательство различало виды взяточничества в зависимости от: а) способа получения взятки («мзды») (по предложению лихоимца - вымогательство взятки); б) конкретных деяний чиновника, за которое дано или обещано взятку (правомерное, не связанное с нарушением служебных обязанностей при мздоимстве - связано с нарушениями или даже преступное - при лихоимстве); в) времени получения мзды (до и после противоправного действия). Поэтому в составе мздоимства выделялось 2 вида: 1) простое, которое предусматривало получение подарка чиновником или другим должностным лицом по делу или действия, связанные со служебными обязанностями, после выполнения этого действия и без предварительного согласия. Виновный в данном случае платил денежное взыскание в размере, не превышающим двойной цены подарка; 2) квалифицированное мздоимство - подарок передавался перед исполнением должностным лицом для того действия, ради которой он дарился, т.е. имелся подкуп лица, кроме денежного взыскания, тянуло и отстранение от занятия должности.

Статья о вымогательстве («кто для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы примет в дар деньги, вещи или что иное ...») предусматривала только взятку-подкуп. Поэтому возникал вопрос об ответственности должностных лиц, которые получали «подарок» после совершения ими противоправных действий без предварительного соглашения об этом. А. Эстрин считал, что этот пробел закона можно решить привлечением

таких случаев под ст. 372 Уложения о наказаниях (взятничество). Зато В. Ширяев отмечал, что при взятничестве не имеет значения время получения взятки [14].

Получение взятки и действия, за которые она была получена, учитывались законодателями в связи с возможностью освобождения чиновника от ответственности за получение взятки. Получение подарка без предварительного согласования тянуло ответственность только тогда, когда чиновник не вернул его сразу, не позднее чем через три дня.

Ответственность взятчика при лихоимстве могла быть смягчена в случае покаяния начальству. В этом случае суд мог ограничиться отстранением от должности или одним строгим выговором или без внесения его в послужной список.

Предмет взятки в законе определялся по-разному: «подарок, который составляют деньги, вещи или нечто другое», «любая прибыль или иная выгода», «подарок или установленная законом плата, или заем или какая-то услуга, прибыль или иная выгода» и другие. При этом российские юристы были единодушны в понимании взятничества как корыстного преступления. В.Ширяев (редакция Уложения 1885): Предметом подарка (ст. 372), подарка (ст. 373) или взятки (ст. 373, 375, 376), прибыли, выгоды (ст. 377) могут быть деньги, вещи или «то другое», которое имеет, очевидно материальную ценность, поскольку взятничество деяние корыстное, которое совершается побуждениями корыстными. Основательно этот вопрос был рассмотрен редакционной комиссией, которая готовила проект нового Уголовного уложения, в состав которой входили известные российские юристы и общественные деятели - Э.Франке, Н. Неклюдов, Е.Розин, В.Случевский, Н.Таганцев, И.Фойницкий. Комиссия отмечала, что взятничество «есть поступок безусловно корыстного свойства, предусматривающий преступную наживу, что как таковой может заключаться только во взятках, которые имеют имущественную ценность, или в приобретении чужого имущества по цене совершения какого то служебного действия». Одновременно отмечалось, что взятка, подарок заключались в имуществе или в праве в отношении имущества и должны считаться приобретенными, когда виновник получил именно имущество, право на него или освобождение от исполнения обязанности вообще в той или иной части.

Российское уголовное законодательство не представляло никакого значения стоимости предмета взятки как обстоятельств, что способны влиять на степень ответственности. В законе об ответственности за лихоимство (ст. 402 Уложения 1845 года, ст. 373 в ред. 1866 и 1885 годов) прямо указывалось, что она наступает, какой бы незначительной ни была сумма денег или цена вещей, полученных лихоимцем. Не указывалось в законе значение и степени важности служебных функций взятчика, его служебного положения.

Все три редакции Уложения оговаривали возможность получения взятки должностным лицом и через других лиц, в частности жену, детей, родственников, знакомых. Признавали преступление оконченным, когда

«деньги или вещи были еще не переданными, а только обещанные ему, но выявленным им на это желанием или согласием», предусматривали некоторые завуалированные способы получения взятки - «под предлогом проигрыша, продажи, обмена или другой какой-то сомнительно законной деятельности и приличного соглашения». Чиновникам запрещались любые сделки с лицами, вступать в подряды и поставки в том ведомстве, где они служат, потому предполагалось, что это соглашение только прикрывает собой взятку, данное для того, чтобы чиновник незаконно способствовал подрядчику при сдаче вещей или работе в убыток казне. За совершение таких сделок (оборудок) обе стороны подвергались взысканию, что равнялось цене заключенного соглашения, а чиновник увольнялся из службы (ст. 485 и другие статьи раздела V и главы XII Уложения).

Казуистически в Уложении описывались различные ситуации соучастия и посредничества в мздоимстве, лихоимстве и вымогательстве взятки, а также причастности к этим преступлениям. В соответствии со ст. 409 Уложения 1845 года (ст. 380 ред. 1866 и 1885 годов) как соучастники преступлений указывались лица, способствовавшие мздоимству и лихоимству путем принятия подарков или взятки, которые были посредниками при вымогательстве, передаче или получении их. Лица, принимавшие участие в притеснениях или угрозах, которые использовались для вымогательства взятки, начальники, которые знали о злоупотреблениях, но не предпринимали никаких мер; судьи, «уличенные в мздоимстве и лихоимстве преступников будут стараться оправдать, вопреки законам и обстоятельствам дела». Также речь шла об ответственности за недонесение.

Положения законопроекта о наказуемости лихоимства были в значительной мере реализованы только в законе от 31 января 1915, принятом в порядке чрезвычайного законодательства. Значительно ужесточилось наказание за мздоимство и лихоимство, в частности в случаях, когда они были совершены в делах, касающихся снабжения армии и флота боевыми, продовольственными и другими припасами, пополнения личного состава и вообще обороны государства, а также железнодорожной службы. Эти же обстоятельства усиливали ответственность и за лихоимство, которое становилось безусловно наказуемым. Предусматривалась ответственность за лихоимство-подкуп за выполнение или невыполнение служебного действия без нарушения должностным лицом установленных законом обязанностей, а также за лихоимство-подкуп и лихоимство-вознаграждение за действие или бездействие должностного лица, связанные со злоупотреблением властью. Наказывалось и лихоимство-подкуп члена сословного или общественного собрания и лица, внесенного в список на определенную сессию суда, а также того, что вошел в состав комплекта присяжного заседателя. Обстоятельством, квалифицировавшим лихоимство, признавалось совершение его преступной группой.

Закон от 31 января 1916 г. не признавал преступлением вручения подарка должностному лицу в порядке благодарности, без предварительной об этом

договоренности за совершенное действие без нарушения должностным лицом служебных обязанностей. Однако получение служащим-мздоимцем такого подарка по прежнему считалось преступлением. Каких-то специальных оснований освобождения лихоимца от ответственности закон от 31 января 1916 года не предусматривал.

Итак, обзор законодательства второй половины XIX - начала XX столетия позволяет установить, что в дальнейшем нормы российского антикоррупционного законодательства были учтены в декрете большевиков «О взяточничестве» от 8 мая 1918 года.

Сохраняют свою научную ценность исследования самой сути взяточничества, как корыстного преступления в государственной и общественной службе, связанного с нарушением принципа «безмездности» деятельности должностных лиц, Тонкий юридический анализ различий между взяточничеством и другими корыстными должностными преступлениями («лихоимственные сборы»), дифференциация различных видов взяточничества (взятка-подкуп, взятка-благодарность, взяточнические поборы, скрытые формы взяточничества, взятки за правомерное и неправомерное поведение должностного лица) и др.

Итак, самым суровым наказанием коррупционеров за Уложением было лишение всех имущественных прав и ссылка на каторжные работы в рудники без срока, а если лицо было не избавлено от телесных наказаний, то оно подвергалось наказанию плетью через палачей с наложением клейма.

Литература

1. Бубела О.І., Маковський В.І., Ярошенко М.О. Правова спадщина козацько-гетьманської доби (1648-1764 роки). Монографія. – Київ, Видавництво «Панмедія», 2013. – 186 с.
2. Будзинский С. О преступлениях в особенности: Сравнительное исследование. – М., 1887. – С. 400.
3. Волженкин Б.В. Коррупция / Б.В. Волженкин – СПб. : [б.и.], 1998. - 43 с.
4. Гаращук В. М. Соціально-правовий аналіз рівнів корупції в Україні // Державне будівництво та місцеве самоврядування. — Х., 2010. — Вип. 20. — С.156–165.
5. Дурманов Н. Д. Взятничество по русскому дореволюционному уголовному праву // Проблемы социалистического права / Под ред. Н.В. Крыленко. Вып. 1. М., 1937.
6. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России — Спб.: Альфа, 1997.—350с.
7. Клименко Д. Політична корупція в системі державного управління України: зміст наукової проблеми // Ефективність державного управління. — Львів, 2010. — Вип. 23. — С.94–102.
8. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб., 1871. – С. 428.
9. Молчанов В.Б. Корупція як соціальний чинник добробуту імперської адміністрації у підросійській Україні в XIX – на початку XX ст. – К., 2008.
10. Невмержицький Є.В. Корупція в Україні: причини, наслідки, механізми протидії. / Невмержицький Є.В.; Акад. прокуратури України. — К.: КНТ, 2008. — 364 с.
11. Неклюдов Н. А. Взятничество и лихоимство // Юридическая летопись. – 1890. – Июнь. – С. 526.
12. Северский Я. Г. Особенная часть русского уголовного права: Краткий обзор начал от Уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях 1885 г. включительно. СПб., 1892. - С. 163.

13. Чаплик М. М. Шляхи протидії корупції в українському суспільстві // Збірник наукових праць. — Донецьк, 2010. — Т. 11: Сер.: Соціологія, вип. 18: Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління. — С.109–117.
14. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916. С. 429—430.
15. Ярошенко М. О. Корупційні правопорушення в органах державної влади підросійської України в кінці ХІХ — на початку ХХ століття // П'яті юридичні читання «Проблеми верховенства права: теорія і практика». — К., 2009. — С. 214–216.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ГАНСА КЕЛЬЗЕНА (1881-1973)

А.Б. ДИДИКИН О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

Отношение к научному наследию известного австрийского ученого и мыслителя Ганса Кельзена (1881-1973) в России было и остается неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, нормативизм (или «чистая теория права») изучается во всех юридических вузах и является одной из основ восприятия различных концепций правопонимания. С другой стороны, наследие Кельзена в различные периоды его биографии не только намеренно игнорируется, но и практически не изучается – за последние два десятилетия не появились диссертации и монографии, посвященные малоизвестным страницам трудов Кельзена, многие научные статьи Кельзена до сих пор не переведены на русский язык. О Кельзене как философе, и в том числе как историке философии, не упоминается порой даже в обзорах.

Исключения составляют публикации российского ученого-правоведа М.В. Антонова [1], в том числе его многолетняя работа по публикации переводов отдельных работ Кельзена, а также публикации А.А. Краевского [2]. Кроме того, помимо известного с конца 80-х гг. перевода «Чистого учения о праве» (новая и полная версия этого перевода опубликована М.В. Антоновым) существуют переводы отдельных произведений Кельзена и их фрагментов на русском и украинском языках, что в целом является совершенно недостаточным для комплексного изучения его научного наследия [3].

Правовые взгляды Кельзена в области конституционного и международного права также практически неизвестны постсоветской юриспруденции (поскольку статьи Кельзена 40-50-х гг., посвященные теории демократии и международному праву, недоступны в переводах и не цитируются учеными в оригинале), за исключением недавней публикации в Украине 2014 г. [4].

Между тем, будучи последователем Марбургской школы неокантианства в период до эмиграции Ганс Кельзен создает чистую теорию права, основываясь на философско-метафизических представлениях о правовой реальности как соотношении бытия и долженствования, из которого и возникает в дальнейшем его представление о логической иерархии правовых норм во главе с «основной нормой» - философской конструкцией [5]. Более поздний, «американский» период творчества Кельзена, также требует специального изучения, поскольку именно в этот период происходит уточнение позиций и понятийного аппарата нормативистского учения о праве, которое было распространено на проблемы философии, политологии, международного права.

В статье 1948 г. «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике», опубликованной в американском журнале, Кельзен отходит от присущего ему стиля чистого учения о праве и пытается аргументированно определить

влияние философского мировоззрения (в частности, различий между представлениями об абсолютных и относительных ценностях) на политические взгляды и политическую реальность. Он приводит примеры, как абсолютистские взгляды в философии порождают абсолютизм в политике, как философские представления об истине могут быть основой для формирования определенной политической системы. Статья интересна также историко-философскими размышлениями Кельзена и логически законченной формой эссе, за основу которого взята ранее написанная Кельзеном статья для энциклопедии.

Примечания

1. Антонов М.В. Чистая теория права Ганса Кельзена – 50 лет спустя // Российский ежегодник теории права. 2010. №3. С.812-825; Познер Р. Кельзен, Хайек и экономический анализ права (перевод под научной редакцией М.В. Антонова) // Российский ежегодник теории права. 2010. №3. С. 181-208; Антонов М.В. Чистое учение о праве: варианты перевода и интерпретации // Российский ежегодник теории права. 2011. №4. С. 499-510; Ганс Кельзен. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. / Пер. с англ., нем., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Издательский дом "Алеф-пресс", 2015. - 704 с.
2. Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена в ранний американский период // Российский ежегодник теории права. 2009. №2. С. 429-432; Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и аналитическая философия // Российский ежегодник теории права. 2010. №3. С. 790-812.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. Сб. переводов. Т.1-2. М., 1987; Кельзен Г. Динамический аспект права // В сб. «Конституция и власть». М., 1999; Кельзен Г. Чистое правознание. 3 додатком «Проблема справедливості». К., 2004 (на украинском языке); Фрагменты статей Г. Кельзена // Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. Учебное пособие. Новосибирск, НГУ, 2006; Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. №8. С. 5-14. №9. С. 5-18; Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция // Российский ежегодник теории права. 2009. №2. С. 432-454.
4. Коваль Д. Международно-правовые идеи Ганса Кельзена и современные политико-правовые процессы в Украине // Український часопис міжнародного права. 2014. №1-2. С. 68-72.
5. Дидикин А.Б. Предыстория аналитической философии права: логическое и метафизическое в нормативизме Ганса Кельзена // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2012. Т. 10. Вып. 4. С. 42-46.

ГАНС КЕЛЬЗЕН

АБСОЛЮТИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКЕ* The American Political Science Review, Vol. 42, No. 5 (Oct., 1948), pp. 906-914

Перевод с английского А.Б. Дидикина

С тех пор как существует философия, предпринимаются попытки применить ее к политике; и эта попытка удалась настолько широко, насколько сегодня признается степень тривиальности, что политическая теория и та часть философии, которую мы называем этикой, глубоко взаимосвязаны друг с другом. Но кажется странным предполагать, и данное эссе попытается обосновать это предположение, что существуют внешние параллели и возможно внутренние взаимоотношения между политикой и другими частями философии, такими как эпистемология, то есть теория познания, и теория ценностей. Это только внутри этих двух теорий проявляется имеющий место антагонизм между философским абсолютизмом и релятивизмом; и этот антагонизм, кажется, присутствует во множестве серьезных аналогий к фундаментальной противоположности между автократией и демократией как представляется в политическом абсолютизме, с одной стороны, и политическом релятивизме с другой⁶.

I

Философский абсолютизм представляет собой метафизический взгляд о том, что существует абсолютная реальность, то есть реальность, существующая независимо от человеческого знания. Тем самым такое существование объективно и неограниченно в и за пределами пространства и времени, к которым человеческое знание ограничено. Философский релятивизм, с другой стороны, отстаивает эмпирическую доктрину о том, что реальность существует только внутри человеческого сознания, и таким образом, как объект познания реальность относительна к познающему субъекту. Абсолют, вещь в себе, недоступен человеческому опыту; недоступен человеческому сознанию и поэтому непознаваем.

Предположению об абсолютном существовании соответствует возможность абсолютной истины и абсолютных ценностей, отрицаемых философским релятивизмом, который признает только относительную истину и относительные ценности. Только если суждения о реальности в конечно счете обращаются к объективному существованию, возможно достижение абсолютной истины, иначе говоря, требование быть истинным относится не

¹ Автор выражает благодарность *Энциклопедии Британника* за возможность использования в этом эссе некоторых пассажей из статьи «Абсолютизм, политический», которые он написал для *Энциклопедии*. Статья еще не была опубликована.

⁶ Hans Kelsen, *Staatsform und Weltanschauung* (Tilbingen, 1933).

только к субъекту суждения, но и к каждому, всегда и везде. Если существует абсолютная реальность, должны совпадать абсолютные ценности. Абсолютная необходимость обуславливает совершенство. Абсолютное существование идентично абсолютному авторитету как источнику абсолютных ценностей. Ценностные суждения могут требовать обоснования для каждого, всегда и везде, и не только для субъекта суждения, если апеллируют к ценностям, присущим абсолютной реальности, или что по сути то же самое, установлены абсолютным авторитетом. Персонафикация Абсолюта, его представление в качестве Творца вселенной, законов природы, как и законов человечества, неизбежное следствие философского абсолютизма. Его метафизика показывает неотразимую тенденцию пути к монотеистической религии; в то время как философский релятивизм как антиметафизический эмпирицизм настаивает на иррациональности Абсолюта как сферы вне опыта, и, следовательно, безоговорочно ведет к скептицизму.

Гипотеза философского абсолютизма, что существует абсолютное существование независимо от человеческого знания основывается на предположении, что функция знания состоит исключительно в отражении, как зеркале, объектов, существующих самих по себе; в то время как релятивистская эпистемология, в значительной степени представленной Кантом, интерпретирует процесс познания как сотворение объекта. Отсюда следует, что познающий субъект творец его мира, мира, который конституируется исключительно в знании и знанием. Тем самым свобода познающего субъекта является фундаментальным свойством релятивистской теории знания. Это, конечно, не означает, что процесс познания имеет произвольный характер. Есть законы, управляющие этим процессом; но эти законы порождены человеческим сознанием, субъект знания существует как автономный законотворец. Философский абсолютизм, с другой стороны, содержательно, должен представлять субъекта знания как полностью детерминированного внешними законами, имманентными объективной реальности, предметной по отношению к Абсолюту, особенно если Абсолют воображается как индивидуальное бытие и сверхчеловеческая власть.

Субъективистский характер релятивистской теории знания включает в себя две опасности. Первое это парадоксальный солипсизм, то есть предположение, что Я как субъект познания это лишь существующая реальность. Такое предположение будет включать релятивистскую эпистемологию в ее самопротиворечивости. Если Я лишь существующая реальность, должна быть абсолютная реальность. Другая опасность состоит в не менее парадоксальном плюрализме. С того момента как мир существует в знании субъекта, в соответствии с такой позицией, Я является как говорится центром его собственного мира. Если же, однако, существование множества Я должно быть признано, следовательно, кажется неизбежным, что существуют множество миров как познающих субъектов.

Философский релятивизм намеренно избегает солипсизма так же как плюрализм. Принимая рассмотрение релятивизма как истины взаимного

отношения между различными субъектами знания, эта теория компенсирует их неспособность сохранить объективное существование одного и того же мира для всех субъектов путем предположения, что индивиды как субъекты знания одинаковы. Из этого предположения следует, что только различные процессы познания в сознании субъектов одинаковы, и таким образом следующее предположение делает возможным объекты знания как результаты этих индивидуальных процессов в соответствии друг с другом, предполагая их подтверждение внешним поведением индивидов. При такой точке зрения философский абсолютизм, с другой стороны, это не равенство субъектов, а скорее наоборот, их фундаментальное неравенство по отношению к Абсолюту и высшему бытию, что существенно.

II

В политике термин «абсолютизм» обозначает форму правления, при которой вся государственная власть концентрируется у одного индивида, именуемого управляющим, чья воля закон. Все другие индивиды связаны управляющим, будучи независимыми от его власти, которая, в своей основе, неограниченна и в этом смысле абсолютна. Политический абсолютизм означает полностью определенное правилами отсутствие индивидуальной свободы. Это несовместимо с идеей равенства, основанной на утверждении существенной разницы между управляющим и управляемыми. Политический абсолютизм является синонимом деспотизма, диктатуры, автократии. В прошлом характерным примером была абсолютная монархия, существовавшая в 17-18 столетиях в Европе, особенно во Франции при Людовике XIV, который сформулировал ее идею известным изречением: «Государство это я». В настоящее время политический абсолютизм реализуется в тоталитарных государствах, представленных фашизмом, национал-социализмом, и большевизмом. В противовес демократии, основанной на принципах свободы и равенства. Эти принципы исключают установление тоталитаризма, то есть, неограниченной, и в этом смысле, абсолютной власти государства, которая с демократической точки зрения, характеризуется формулой «Государство это мы».

Параллель между философским и политическим абсолютизмом очевидна. Отношения между объектом знания, Абсолютом, и предметом знания, индивидуальным существованием, полностью схожи с отношениями между абсолютным правительством и его подчиненными. Также как неограниченная власть правительства влияет на субъектов, обязанных соблюдать законы независимо от их происхождения, Абсолют, независимый от опыта, и объект познания в теории философского абсолютизма, независимый от субъекта знания, полностью определенный в его познании внешних законов. Философский абсолютизм может быть очень хорошо охарактеризован как

эпистемологический тоталитаризм. В соответствии с такой позицией, устройство вселенной имеет определенно недемократический характер.

Существует не только внешнее сходство между политическим и философским абсолютизмом; формируется фактически безошибочная тенденция применять его как идеологический инструмент. Обосновывая неограниченную власть и безусловное представление перед всеми другими, управляющий должен представить сам себя, прямо или косвенно, истинным Абсолютом, высшим сверхчеловеком как его воплощение или выражение мистическим образом. Где политическая идеология автократического и тоталитарного правления не допускает абсолютной исторической религии, как в случае с большевизмом, который показывает нескрываемое расположение, имеющее само по себе религиозный характер, абсолютизирующий базовую ценность: идею социализма.

Политический абсолютизм не только использует метафизическую идеологию для его практических целей, то есть, моральное обоснование, он создает политическую теорию в ее попытках описать государство как абсолютную сущность, существующую независимо от субъектов. В соответствии с такой теорией государство не группа индивидов, а большее, нежели сумма его субъектов. Это коллективный, а значит сверхиндивидуальный орган, который даже более реальный, чем его члены, мистический организм и также верховный и высший для человека авторитет, который визуально представлен управляющим, именуемым монархом, фюрером, или генералиссимусом. Это понятие суверенитета, используемое с целью обожествления государства, из чего следует поклонение управляющему как богоподобному существу. По отношению к другим государствам догма суверенитета основывается на нивелировании международного права как правового порядка между государствами, иначе говоря, совокупность правил, налагающих обязательства и предусматривающих права государств и таким образом определяющих сферы их правового существования. Суверенитет в смысле абсолютной высшей власти может касаться только государства. Волевым образом признавая международное право, суверенное государство инкорпорирует эти правовые нормы в собственное право и таким образом расширяет юридическую действительность национального права, включающего международное право над всеми другими государствами, или, что то же самое, над национальными правопорядками. Взгляд, что международное право лишь часть собственного национального права, обосновывается теми, кто настаивает на суверенитете их собственного государства, и теми, кто привлекает для правовой интерпретации фактов аналогичную интерпретацию в их национальном праве, следовательно, праве их собственного государства. Юридический империализм обычно недостаточно содержателен в интерпретации собственного состояния интерпретатора, ставшего душой и абсолютном юридической власти, богом правового бытия⁷.

---

⁷ Hans Kelsen, *General Theory of Law and State* (Harvard University Press, 1946), pp. 419.

III

Диаметрально противоположной абсолютистской теории государства является позиция, в которой государство признается как специфическое отношение между индивидами, установленное правовым порядком, или что то же самое, как сообщество людей, конституируемое таким порядком, национальным правовым порядком. В отрицание догмы суверенитета эта релятивистская доктрина рассматривает государство как субъект международного правового порядка вместе со всеми другими государствами. В следовании международному праву все государства являются равными и участниками мирового сообщества, установленного международным правом. В соответствии с таким подходом государство определено юридической властью, но не высшей властью, поскольку существует авторитет международного права. Но такое право создано демократическим путем, обычаями и соглашениями, следовательно, на основе сотрудничества государств. Как юридическое сообщество государства существуют во взаимосвязи друг с другом внутри международного сообщества на основе международного права, также как частные корпорации существуют внутри государства на основе национального права. Таким образом государство представляет только промежуточный уровень между мировым сообществом и различными юридическими сообществами, установленными государством в соответствии с национальным правом. Относительность государства это одна из существенных целей такой политической теории. Она может быть охарактеризована в качестве демократической теории государства, потому что отражает дух демократии. И также как автократия является политическим абсолютизмом в параллели с философским абсолютизмом, демократия является политическим релятивизмом, который имеет свой аналог в философском релятивизме.

Это может быть принято для более или менее поверхностной аналогии между демократией и релятивизмом, что фундаментальные принципы свободы и равенства характерны для обоих; что человек политически свободен постольку, поскольку он участвует в создании общественного порядка, к которому он причастен, как познающий субъект в соответствии с релятивистской эпистемологией автономен в процессе познания; и что политическое равенство индивидов соответствует равноправию субъектов познания, которое релятивистская теория познания должны предполагать во избежание солипсизма и плюрализма. Но более серьезным аргументом о взаимоотношениях между демократией и релятивизмом является тот факт, что все выдающиеся представители релятивистской философии были политически сторонниками демократии, в то время как последователи философского абсолютизма, великие метафизики, были сторонниками политического абсолютизма и противниками демократии⁸.

---

⁸ Bertrand Russell, *Philosophy and Politics* (1947)

IV

Хорошо известно, что в античности софисты были релятивистами. Их наиболее известный философ Протагор заявлял: «человек есть мера всех вещей»; и их представитель поэт Еврипид прославлял демократию. Однако Платон, великий метафизик всех времен, утверждал в противовес Протагору, что Бог есть мера всех вещей и, в то же время, отрицал демократию как презренную форму правления. Его идеальное государство это совершенная автократия⁹. В Метафизике Аристотеля Абсолют возникает как «перводвигатель, сам по себе неподвижный» и остается как повелитель вселенной. Следовательно, философ представляет в его Политике наследственную монархию как превосходство над демократией¹⁰. Его телеологическая интерпретация природы – следствие его метафизики находится в прямой противоположности механистическому взгляду атомистов, строго отвергающих причины, которые были одновременно концом и таким образом стал основателем современной науки. Было неслучайно, что Демокрит, который вместе с Левкиппом развивал антиметафизическую теорию атомов, заявлял: «Бедность в демократии более предпочтительна мнимому богатству в монархии как свобода в рабстве».

В Средние века метафизика христианской религии идет рука об руку с убеждением, что монархия, образ божественного закона Вселенной, наилучшая форма правления. Фома Аквинский в Сумме теологии и Данте Алигьери в Монархии – классические примеры этого признания философского и политического абсолютизма. Но Николай Кузанский, который в своей философии провозглашал Абсолют непознаваемым, в политической теории борется за свободу и равенство человека. В Новое время Спиноза соединяет свой антиметафизический пантеизм с откровенным предпочтением демократических принципов в моральной и политической сферах; однако метафизик Лейбниц защищает монархию. Английские основатели антиметафизического эмпиризма убежденные оппоненты политического абсолютизма. Локк утверждает, что абсолютная монархия несовместима с гражданским обществом и не может быть формой правления в целом. Юм, который больше чем Кант заслуживает имени разрушителя метафизики, это правда, не ушел так далеко как Локк, но он написал замечательное эссе «О первоначальном договоре», в котором согласие народа священная основа правительства, а в его эссе «Идея совершенного содружества» он набросал Конституцию демократической республики. Кант, следуя Юму, показал в своей философии тщетность любых метафизических спекуляций, но в этике воспроизводит Абсолюта, которого он так систематически исключает из

---

⁹ Hans Kelsen, "Platonic Justice," *International Journal of Ethics*, Vol. 48 (1937), pp. 367

¹⁰ Hans Kelsen, "The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy," *Ethics*, Vol. 48 (1937), pp. 1

теоретической философии. Точно так же его политическое отношение не очень этому соответствует. Он симпатизирует Французской революции и восхищается Руссо; но живет при абсолютной монархии Прусского полицейского государства и осторожен в своих политических высказываниях. Так, в политической теории он не смеет высказать истинное мнение. Гегель, с другой стороны, философ абсолютного и объективного духа был сторонником абсолютной монархии.

V

У Гегеля был ученик, который боролся с демократическим движением в Германии в девятнадцатом столетии, и сформулировал афоризм: Власть не большинство! И действительно, если один верит в существование Абсолюта, и следовательно в абсолютные ценности и в абсолютное добро – используя терминологию Платона – разве не бессмысленно позволить большинству решать, что является политическим благом?

Законодательствовать, а значит определять содержание общественного порядка не по тому, что является объективно лучшим для индивидов, а по тому, что эти индивиды, или их большинство, верно или неверно верят в наилучшее, это следствие демократических принципов свободы и равенства обоснованно только если не существует Абсолюта, отвечающего на вопрос, что является наилучшим, и если нет такой сущности как абсолютное благо. Для того, чтобы большинство невежественных людей решило, вместо принятия решения тем, кто в силу его божественного происхождения, или вдохновения, имеет исключительное знание об абсолютном благе – это не самый абсурдный метод, если считается, что такое знание невозможно, и что, следовательно, ни один человек не имеет права навязывать свою волю другим.

Эти оценочные суждения имеют только относительную действительность, один из базовых принципов философского релятивизма, из которых следует, что противоположные оценочные суждения не являются ни морально, ни логически невозможными. Это один из фундаментальных принципов демократии, что каждый должен уважать политическое мнение другого, поскольку все равны и свободны. Толерантность, права меньшинства, свобода слова, и свобода мысли, как характеристики демократии, не могут быть внутри политической системы, основанной на вере в абсолютные ценности. Эта вера непреодолимо ведет, и всегда приводила к ситуации, при которой тот, кто обладает секретом абсолютного добра, имеет право излагать свое видение и свою волю другим, кто ошибается. И ошибаться, в соответствии с таким взглядом, то есть быть неправым, что наказуемо. Однако если признаются только относительные ценности, доступные для человеческого знания и человеческой воли, тем самым требующие защиты общественного порядка от нежелательных лиц, неохотно лиц, только если этот порядок находится в гармонии с предполагаемыми возможностями равных индивидов, то есть с волей большинства. Может быть и

так, что мнение меньшинства, а не мнение большинства, является правильным. Исключительно потому, что только философский релятивизм может признавать, что верное сегодня может быть неверным завтра, а меньшинство должно иметь шанс выразить свое мнение и иметь возможность стать большинством. Только если это невозможно решить абсолютным образом, что правильно, а что нет, желательно обсудить этот вопрос, а после обсуждения достичь компромисса.

Это истинное значение политической системы, которую мы именуем демократией, и которую мы можем противопоставить политическому абсолютизму только потому, что это политический релятивизм.

VI

В восемнадцатой главе Евангелия от Иоанна описывается суд над Иисусом. Простая история в ее наивной формулировке это один из возвышенных шедевров мировой литературы, вырастающий в трагический символ антагонизма между абсолютизмом и релятивизмом.

Это было во время Пасхи, когда Иисус, обвиняемый в том, что он притворился сыном Бога и правителем евреев, предстал перед Пилатом, римским наместником. Пилат иронически спросил его, кто в глазах Рима глупый дурак, «не ты ли Царь Иудейский?». Однако Иисус воспринял этот вопрос очень серьезно, и с пылом своей божественной миссии, ответил: "Ты так сказал. Я Царь. С этой целью я родился и на то пришел Я в мир, что должен свидетельствовать об истине. Все, кто на стороне истины, слышат Глас мой. Затем Пилат спросил «Что есть истина?»

И потому что он скептический релятивист, он не знал, что было правдой, абсолютной истиной, в которую этот человек верил, он - вполне последовательно - исходил в демократического пути принятия решения по делу всенародным голосованием. Он пошел снова к евреям, отмечено в Евангелии, и сказал им: " Я не нашел в нем лжи в целом. Но у вас обычай, чтобы я был выпущен к Вам на Пасху. Вы хотите, чтобы я был освобожден от должности Царя Иудейского". Тогда плакали они снова, говоря: " Не этого, а Варавву". Евангелие добавляет: "Варавва же был разбойник".

Для тех, кто верит в Сына Божия и Царя Иудейского в качестве свидетеля абсолютной истины, этот плебисцит, безусловно, является сильным аргументом против демократии. И этот аргумент мы, политические мыслители, должны принять. Но только при одном условии: что мы, как обладатели нашей политической истины, должны быть исполнены, при необходимости, и будем защищать с кровью и слезами, что мы уверены в своей истине как таковой, и в его истине, Сына Божьего.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабушкина Елена Анатольевна, начальник правового управления Министерства социального развития Новосибирской области, аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Белкин Леонид Михайлович, кандидат технических наук, консультант адвоката, Адвокатское бюро Марка Белкина «Эталон» (Украина, Киев)

Белкин Марк Леонидович, кандидат юридических наук, адвокат, Адвокатское бюро Марка Белкина «Эталон» (Украина, Киев)

Верлос Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и трудового права Запорожского национального университета (Украина, Запорожье)

Гордиенко Алексей Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Губань Радим Васильевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Института политологии, социологии и права Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (Украина, Киев)

Дидикин Антон Борисович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Россия, Новосибирск), член Конституционного клуба Фонда конституционных реформ (Россия, Москва), член редколлегии «Юридического журнала» (Украина, Киев)

Достовалов Сергей Александрович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, Новосибирск)

Засыпкина Мария Владимировна, студентка 4 курса экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия, Новосибирск)

Зубов Валерий Михайлович, доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Губернатор Красноярского края (1993-1998 гг.) (Россия, Москва)

Ивановская Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права Хмельницкого университета управления и права (Украина, Хмельницкий)

Иноземцев Владислав Леонидович, доктор экономических наук, профессор, директор Центра исследований постиндустриального общества, заведующий кафедрой мировой экономики и организации внешнеэкономической деятельности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Президиума Российского Совета по международным делам, член редколлегии журналов «Свободная мысль» и «Россия в глобальной политике» (Россия, Москва)

Калиниченко Пауль Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры права Европейского Союза Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

Кальяк Андрей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, международного права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета, член Новосибирского регионального отделения Ассоциации юристов России (Россия, Новосибирск)

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Европейского Союза Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

Киселева Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске (Россия, Новосибирск)

Козлова Наталья Васильевна, старший преподаватель кафедры правового обеспечения рыночной экономики Новосибирского национального исследовательского государственного университета, член Новосибирского регионального отделения Ассоциации юристов России (Россия, Новосибирск)

Комарова Валентина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующей кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

Копылов Анатолий Александрович, кандидат философских наук, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин филиала ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске (Россия, Новосибирск)

Криворучко Наталья Владимировна, политолог, магистрант Варшавского университета (Польша, Варшава)

Лаптев Алексей Анатольевич, подполковник юстиции, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

Новосибирского военного института внутренних войск МВД РФ (Россия, Новосибирск)

Линцова Надежда Юрьевна, аспирант Института социологии Национальной академии наук Украины (Украина, Киев)

Лошкарева Юлия Игоревна, аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Оленский Сергей Францевич, старший преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, Новосибирск)

Павлышин Олег Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии права и юридической логики Национальной академии внутренних дел (Украина, Киев)

Пальцев Андрей Иванович, кандидат философских наук, доцент, доцент ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске (Россия, Новосибирск)

Парамонова Светлана Леонидовна, доктор права, старший научный сотрудник Института Макса Планка по зарубежному и международному уголовному праву (Германия, Фрайбург)

Перегудов Сергей Александрович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, Новосибирск)

Поцелуйко Артем, аспирант Института социологии Национальной академии наук Украины (Украина, Киев)

Прошин Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доцент ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске (Россия, Новосибирск)

Разметаева Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории государства и права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» (Украина, Харьков)

Смородинский Виктор Семенович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» (Украина, Харьков)

Сомова Елизавета Владимировна, студентка экономического факультета (отделение правоведения) Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия, Новосибирск)

Степанец Никита Алексеевич, студент 5 курса юридического факультета ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Смоленске (Россия, Смоленск)

Третьякова Елена-Диана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Новосибирск)

Трунова Светлана, магистр экономики (Варшавский университет), аспирант Университета Козьминского (Польша, Варшава)

Четвериков Артем Олегович, доктор юридических наук, профессор кафедры права Европейского Союза Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

Шатило Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета Киевского национального лингвистического университета (Украина, Киев)

Шульга Руслан Юрьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского общества Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия, Москва)

Юринец Юлия Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент Национального авиационного университета (Украина, Киев)

Ярошенко Михаил Алексеевич, старший преподаватель кафедры правоведения Института политологии, социологии и права Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (Украина, Киев)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Международное право и европейское правовое пространство.....	7
<i>Белкин Л.М.</i> Международно-правовые гарантии реализации противодействия терроризму.....	7
<i>Белкин М.Л.</i> Региональные декларации о правах человека как воплощение единства правоприменения в мире.....	12
<i>Губань Р.В.</i> Территориальная целостность государства в свете принципов и норм международного права.....	18
<i>Калиниченко П.А.</i> Правовое регулирование признания в Российской Федерации ученых степеней и званий, полученных в странах Европейского Союза.....	22
<i>Кашкин С.Ю.</i> Правовое обеспечение признания иностранных ученых степеней и ученых званий в государствах-участниках Болонского процесса (на примере Франции).....	25
<i>Прошин В.А.</i> Понятие «беженец» в российском законодательстве и международном праве: опыт сравнительно-правового анализа.....	28
<i>Четвериков А.О.</i> Получение и признание ученых степеней и званий в Великом Герцогстве Люксембург: правовые аспекты.....	33
<i>Юринец Ю.Л.</i> Требования Совета Европы к деятельности архивов как фактора исторической памяти народа.....	36
Правовое обеспечение модернизации и функционирования экономики.....	42
<i>Гордиенко А.А.</i> Институционально-личностная модернизация и Россия.....	42
<i>Дидикин А.Б.</i> Практика применения социально-экономической экспертизы правовых актов в сфере предпринимательства в России.....	47
<i>Зубов В.М., Иноземцев В.Л.</i> Модернизация России: условия и	

возможности.....	52
<i>Комарова В.В.</i> Энергетическое законодательство сквозь призму конституционных основ.....	59
<i>Парамонова С.Л.</i> Значение инвестиционных гарантий при иностранном инвестировании и их система.....	63
<i>Трунова С.В.</i> Понятие малых и средних предприятий в мировой экономике.....	67
Конституционное развитие правовой системы государства.....	73
<i>Бабушкина Е.А.</i> Государственно-правовые взгляды русских позитивистов конца XIX – начала XX вв.....	73
<i>Верлос Н.В.</i> Рецепция как инструмент конституционно-правовой модернизации.....	78
<i>Ивановская А.Н.</i> К вопросу о правовой природе официального толкования, осуществляемого Конституционным Судом Украины.....	81
<i>Кальяк А.М.</i> Ценностно-правовые основы законодательства об образовании.....	87
<i>Козлова Н.В.</i> Предоставление российского гражданства соотечественникам в связи с изменением гражданства.....	92
<i>Разметаева Ю.С.</i> Электронная демократия.....	96
<i>Сморodinский В.С.</i> Легитимность как фундамент публичной власти и права.....	100
<i>Третьякова Е.-Д.С.</i> Анализ судебной практики, связанной с установлением коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах.....	107
<i>Шатило В.А.</i> Президент Украины в системе органов государственной Власти: основы его правового статуса и функционирования.....	112
Теоретические и гуманитарные проблемы модернизации правовой системы государства и общества.....	115
<i>Достовалов С.А.</i> Уголовно-правовая санкция и характер	

общественных отношений ее реализации.....	115
<i>Засыпкина М.В.</i> Новеллы трудового законодательства: дистанционная работа.....	117
<i>Киселева Е.И.</i> Правовые проблемы межбюджетного регулирования.....	121
<i>Копылов А.А.</i> Право и мораль: диалектика взаимодействия и взаимозависимости.....	124
<i>Криворучко Н.В.</i> Тоталитаризм и современный политический контекст.....	126
<i>Лаптев А.А.</i> Современные методы менеджмента для обеспечения конкурентоспособности вуза.....	130
<i>Линцова Н.Ю.</i> «Работа на земле»: трансформация образа жизни селян Украины.....	133
<i>Лошкарева Ю.И.</i> Правовое регулирование форм общественного контроля в Российской Федерации.....	140
<i>Оленский С.Ф.</i> Повышение качества правового образования студентов юридического вуза: методические подходы и социально-педагогические проблемы.....	145
<i>Павлышин О.В.</i> Методологическое значение семиотики права в правовом познании.....	148
<i>Пальцев А.И.</i> Геополитический контекст проблематики терроризма.....	153
<i>Перегудов С.А., Копылов А.А.</i> Этнорелигиозный экстремизм и проблемы безопасности.....	158
<i>Поцелуйко А.</i> Понятие образа государства в социологии и гуманитарных исследованиях.....	163
<i>Степанец Н.А.</i> Проблемы формирования единообразной правоприменительной практики по спорам, связанным с наследованием имущества граждан.....	168
<i>Сомова Е.В.</i> Необходимо ли регулировать деятельность юристов нормами профессиональной юридической этики?.....	173

<i>Шульга Р.Ю.</i> Общественный контроль над органами безопасности России: необходимость и предпосылки.....	177
<i>Ярошенко М.А.</i> Юридическая ответственность за взяточничество должностных лиц органов государственной власти Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.....	183
Научное наследие Ганса Кельзена (1881-1973).....	189
<i>Дидикин А.Б.</i> О необходимости изучения научного наследия Ганса Кельзена.....	189
<i>Кельзен Г.</i> Абсолютизм и релятивизм в философии и политике (1948, перевод А.Б. Дидикина).....	191
Сведения об авторах.....	200

TABLE OF CONTENTS

Foreword.....	3
International Law and European legal space.....	7
<i>Belkin L.M.</i> International legal guarantees for the implementation counter-terrorism.....	7
<i>Belkin M.L.</i> Regional declarations on human rights as the embodiment of the unity of law enforcement in the world.....	12
<i>Guban R.V.</i> Territorial integrity of the state in the light principles and norms of international law.....	18
<i>Kalinichenko P.A.</i> Legal regulation of recognition in the Russian Federation academic degrees and titles, obtained in the countries of the European Union.....	22
<i>Kashkin S.U.</i> Legal support for the recognition of foreign scientific degrees and academic titles in the member States The Bologna process (for example France).....	25
<i>Proshin V.A.</i> The concept of "refugee" in the Russian legislation and international law: the experience of comparative legal analysis.....	28
<i>Chetverikov A.O.</i> Receipt and recognition of degrees and ranks in the Grand Duchy of Luxembourg: legal aspects.....	33
<i>Urinets U.L.</i> Requirements of the Council of Europe to the activities of the archives as the historical memory of the people.....	36
Legal providing of modernization and functioning of economy.....	42
<i>Gordienko A.A.</i> Institutional and personal modernization and Russia.....	42
<i>Didikin A.B.</i> Practice of socio-economic examination of legal acts in the field of entrepreneurship in Russia.....	47
<i>Zubov V.M., Inozemtsev V.L.</i> Modernization of Russia: the conditions and possibilities.....	52
<i>Komarova V.V.</i> Energy legislation through the prism of constitutional foundations.....	59
<i>Paramonova S.L.</i> The value of the investment guarantees	

for foreign investment and their system.....	63
<i>Trunova S.V.</i> Concept of small and medium enterprises in the global economy.....	67
Constitutional development of the legal system of state.....	73
<i>Babushkina E.A.</i> State and legal views of Russian positivists of the late XIX - early XX centuries.....	73
<i>Verlos N.V.</i> Reception as a tool of constitutional and legal modernization.....	78
<i>Ivanovskaya A.N.</i> To the question of the legal nature official interpretation carried out by the Constitutional Court of Ukraine.....	81
<i>Kalyak A.M.</i> Value-the legal framework legislation on education.....	87
<i>Kozlova N.V.</i> Granting Russian citizenship compatriots in connection with the change of nationality.....	92
<i>Razmetaeva U.S.</i> IT democracy.....	96
<i>Smorodinskiy V.S.</i> Legitimacy as the foundation of public government and law.....	100
<i>Tretyakova E.-D.S.</i> Analysis of judicial practice related with the establishment of the corruption-generating factors regulations.....	107
<i>Shatilo V.A.</i> President of Ukraine in the system of bodies of state power: basis of its legal status and functioning.....	112
Theoretical and humanitarian problems of modernization the legal system of state and society.....	115
<i>Dostovalov S.A.</i> Criminal sanction and character public relations for its implementation.....	115
<i>Zasypkina M.V.</i> Novels labour legislation: remote work.....	117
<i>Kiseleva H.</i> Legal problems of budgetary control.....	121
<i>Kopylov A.</i> Law and morality: the dialectic interaction and interdependence.....	124
<i>Krivoruchko N.V.</i> Totalitarianism and the modern political	

context.....	126
<i>Laptev A.A.</i> Modern management methods to ensure the competitiveness of the University.....	130
<i>Lintsova N.U.</i> "Job on the ground": the transformation of lifestyle peasants of Ukraine.....	133
<i>Loshkareva U.I.</i> Legal regulation of public control in the Russian Federation	140
<i>Olensky S.F.</i> Improving the quality of legal education law students of the University: methodological approaches and socio-pedagogical problems.....	145
<i>Pavlysyn O.V.</i> Methodological meaning of legal semiotics in legal reasoning.....	148
<i>Paltsev A.I.</i> Geopolitical context of the problem of terrorism.....	153
<i>Peregudov S. A., Kopylov A.</i> Ethical and religious extremism and security issues.....	158
<i>Potseluiiko A.</i> Concept of the image of the state in sociology and humanities research.....	163
<i>Stepanets N.A.</i> Problems of formation of the uniform law enforcement practice on disputes related with inheritance of property of citizens.....	168
<i>Somova E.V.</i> Should regulate lawyers standards of professional legal ethics?.....	173
<i>Shulga R.U.</i> Public control over the authorities Russian security: the need and prerequisites.....	177
<i>Yaroshenko M.A.</i> Legal liability for bribery officials of bodies of state power The Russian Empire in the second half of XIX - early XX centuries.....	183
The scientific legacy of Hans Kelsen (1881-1973).....	189
<i>Didikin A.B.</i> The need to explore the scientific legacy of Hans Kelsen.....	189
<i>Kelsen H.</i> Absolutism and relativism in philosophy and politics..... (1948, translation of A.B. Didikin)	191

Author's information 200

Научное издание

**Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства:
российский и зарубежный опыт**

Труды III международной научно-практической конференции

Под ред. Г.Б. Гридневой, А.Б. Дидикина.

Подписано в печать 24.10.2014. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 11,86. Тираж 150 экз. Заказ №

ИП Галиуллин Денис Алексеевич
450105 Россия, г. Уфа, ул. Академика Королева 10/3-75; 741387@gmail.com